

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

М.В. Скржинская

**Образование и досуг
в античных государствах
Северного Причерноморья**

Киев-2014

УДК [37+379.8](477.7) «.../084»

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории Украины НАН Украины*

Научный редактор
Толочко Алексей Петрович,
член-корреспондент НАН Украины, д.и.н.

Скржинская М.В.

Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. — К.: Институт истории Украины НАНУ, 2014. — 250 с.

На основании литературных и археологических источников в первой части книги рассказано о деятельности древнейших общеобразовательных школ на территории современных Украины и России. Они появились в V в. до н. э. в античных государствах Тира, Ольвия, Херсонес и Боспор, которые греки основали на побережье Черного моря. Автор описывает процесс обучения и характеризует роль школьных знаний для овладения многими профессиями, их необходимость для государственных, религиозных и общественных деятелей, а также показывает влияние образования на проведение досуга граждан. Вторая часть книги посвящена описанию общественного и частного досуга в античных государствах Северного Причерноморья. Основными видами проведения свободного времени были посещения гимнасия, стадиона, театра, центральной площади города и порта, вечерние застолья и разнообразные игры, а для интеллектуалов наряду с этим значительное место занимали чтение книг, занятия разными науками и сочинение собственных трудов.

ISBN 978-966-02-7446-4

© М. Скржинская, 2014

© Институт истории Украины НАН Украины, 2014

Оглавление

Введение	5
Часть I. Образование	7
Начальное образование	11
Средняя школа	21
Высшее образование	33
Школьные знания как основа для многих профессий	46
Письма частные и официальные	55
Поэзия в культуре граждан	
Ольвии, Херсонеса и Боспора	67
Заключение	79
Часть II. Досуг	83
Организация общественного досуга	87
Гимнасий и стадион	87
Театр	98
Термы	108
Частные формы досуга	110
Симпосион	110
Совместные трапезы членов религиозных сообществ	126
Царские пиры на Боспоре	
и официальные приемы в Ольвии	127
Развлекательные и азартные игры	130
Охота	135
Посещение агоры и порта	137
Занятия науками и литературное творчество	142
Историки Боспора и Херсонеса	144
Заключение	179
Приложение. Образцы документальной	
и исторической прозы Ольвии, Херсонеса и Боспора	181
Список литературы	205
Список сокращений	218
Иллюстрации	221

Введение

С рубежа VI–V вв. до н. э. в сознании эллинов понятия образование и досуг стали тесно связаны, что отразилось в разных значениях слова *σχολή*. Оно могло обозначать свободное время, отдых, досуг, а также учебное занятие, лекцию, ученое сочинение и, наконец, школу как организованную группу учеников и учителей (Фролов, 2013, с. 13, 14). В последнем значении это слово вошло в русский и другие европейские языки.

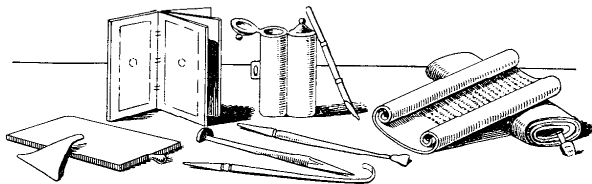
В ряду величайших культурных завоеваний древней Эллады важнейшее место занимают организованное впервые в мировой истории всеобщее школьное обучение для всех полноправных граждан и забота государства об их досуге. Вступая в самостоятельную жизнь, юноша должен был владеть определенной суммой знаний и придерживаться в своих поступках обязательных моральных норм. От уровня образованности в античности, как в прочем и сейчас, во многом зависело то, как человек проводил свое время, не занятое работой, общественными обязанностями и домашними делами. В Элладе благодаря широкому использованию рабского труда, у многих граждан появилось значительное количество свободного времени, которое многие посвящали интеллектуальным занятиям. Поэтому некоторые ученые называют античность «цивилизацией досуга» (Фролов, 1981, с. 5–11). Ведь благодаря развитию интеллектуальной деятельности, наполнявшей свободное время, в Элладе впервые появилась фундаментальная наука, ставящая перед собой не практические задачи. Досуг многих греков был заполнен чтением литературных, философских и исторических сочинений, а достаточное число людей с хорошим образованием писали собственные сочинения.

Философы и ораторы на протяжении всей античности размышляли о том, как лучше всего поставить обучение в школе и как достойно проводить свободное время. Платон в «Государстве» и «Аристотель» в «Политике» подробно изложили свои проекты воспитания, образования и проведения досуга граждан. В речах Исократа немало сказано о его первой в Элладе высшей школе, в которой учились юноши из разных государств; известно, что

многие из них стали выдающимися политическими деятелями, ораторами и историками. В «Моралиях» Плутарха значительное место уделено образованию и досугу эллинов.

Письменные и археологические источники в сочетании со сведениями античных авторов дают возможность представить, как и чему учились греки, поселившиеся на северной окраине ойкумены, как они применяли полученные знания в повседневной жизни и как они проводили свой досуг.

Часть I
Образование

Митиленцы наказали отложившихся от них союзников, запретив им обучать своих детей грамоте и музыке, ибо считали самым тяжким лишением не уметь читать и писать и не иметь понятия о музыке.

Элиан. Пестрые рассказы. VII, 15

Эллинами чаще называют получивших одинаковое образование с нами, чем людей одной с нами крови.

Исократ. Панегирик, гл. 49.

Древние греки впервые в мировой истории организовали всеобщее школьное обучение для детей из семей свободного населения. Древнейшие школы на территории Украины и России появились в греческих колониях, располагавшихся на северных берегах Черного моря. Начиная с V–IV вв. до н. э., в каждом эллинском государстве мальчиков в семь лет отправляли в школу, а в эллинистический период в некоторых греческих городах, например, на острове Теосе, девочки также ходили в школу (SIG. 578). При раскопках античных городищ находят множество граффити V–III вв. до н. э. Большая часть этих надписей прочерчена на сосудах и обломках керамики, реже они сохраняются на фрагментах древней штукатурки. Среди граффити встречаются письма, школьные упражнения, посвящения божествам, заметки о ценах, мерах, весах, имена владельцев и дарителей сосудов и др. Это самое яркое свидетельство о широком распространении грамотности в Элладе и ее колониях. Позже, когда папирус стал общедоступным материалом для письма, граффити на керамике почти исчезают, и мы лишаемся этого ценного источника о повседневной жизни в древности. Только в песках Египта папирус может сохраниться до наших дней, и потому нам известны некоторые упражнения, исполнявшиеся местными греческими школьниками, главным образом в первые века нашей эры.

Сочинения древних авторов и множество разнообразных надписей дают возможность узнать о роли образования в Элладе и ее колониях (Марру, 1998; Йегер, 1997). Возникновение письменности в Греции датируется VIII в. до н. э. В архаический период грамотой владели преимущественно члены аристократических семей. Они учились дома, гордились своим превосходством перед остальными гражданами и с презрением относились к простолюдинам, сумевшим приобщиться к образованию (Pind. Nem. III, 42). Выходцы из аристократических родов возглавляли вывод многих милетских колоний; часть которых располагались на северных берегах Черного моря. Здесь, согласно «Хронике» Евсевия, древнейшее греческое поселение появилось в 647 г. до н.э. на полуострове, который теперь превратился в остров Березань, лежащий близ устья Днепра. По древнему названию реки поселение получило свое наименование Борисфен. Через несколько десятилетий милетяне основали на северных берегах Понта Тиру, Ольвию, Пантикапей и некоторые другие колонии. Первоначально в них ведущую роль играли лидеры из среды образованных аристократов.

Граффити второй половины VII–VI вв. до н. э. свидетельствуют о том, что в числе первых поселенцев здесь были грамотные люди (Яйленко, 1982, с. 148). Им принадлежат древнейшие в Северном Причерноморье надписи, нанесенные острым предметом на керамические сосуды. Особую ценность представляет найденный на Березани фрагмент ионийской ойнохы с уникальной надписью, от которой осталось начало имени (ΛΕΟ), написанное справа налево. Судя по шрифту, это древнейшее из известных к настоящему времени граффити не только в колониях Северного Причерноморья, но и в их метрополии Милете (Тохтасьев, 2005, с. 136, № 256). Исходя из характера начертания букв, можно предположить, что надпись на сосуде была сделана еще в Милете, и ойнохья входила в состав имущества одного из первых образованных колонистов. О наличии грамотных людей среди колонистов, обосновавшихся в конце VII в. до н. э. на берегу Азовского моря, свидетельствует граффито на амфоре, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176–179).

Начальное образование

В V–IV вв. до н. э. в Элладе и ее колониях школьное образование стало общедоступным. Его получали практически все мальчики с семи до одиннадцати лет из семей граждан и неполноправного свободного городского населения античных государств. Ведь умение читать, писать и считать оказалось необходимым для множества деловых занятий горожан. Аристотель в «Политике» (VIII, 1338 а, 15) подчеркнул утилитарную пользу грамотности, которая нужна «для ведения денежных дел и домашнего хозяйства, для научных занятий и многих отраслей государственной деятельности». Поэтому, заботясь о будущем сыновей, родители отдавали их в школу.

Начиная с V в до н. э., в обязанности отца или опекуна входила забота об обучении мальчиков «музыке и гимнастике» (Plat. Crit. 12; Nom. VIII, 6; Isocr. VII, 45). В понятие музыки входили все отрасли знания, находившиеся под покровительством муз: чтение, письмо, арифметика и собственно музыка в нашем понимании. Последней приписывалось важное моральное воздействие на ребенка (Aristot. Pol. VIII, 2, 3). Считалось, что родители, не давшие мальчику достаточного образования и не обучившие его никакому полезному знанию или ремеслу, не могут жаловаться, если сын не станет содержать их в старости. Это можно иллюстрировать словами бедной женщины из драматической сценки «Учитель» (ст. 29–30), написанной Геродом в III в. до н. э. Мать жалуется на нерадивого сына, за учение которого она с трудом вносит ежемесячную плату; она отдала его в школу, «чтобы на черный день иметь подспорье в сыне». Ведь грамота нужна для овладения многими специальностями, а мальчик пропускает занятия, и когда дед попробовал проверить знания внука, то убедился, что он читает плохо и с ошибками.

На образование детей семья выделяла в своем бюджете денежные средства, в которые входили оплата учителям, приобретение письменных принадлежностей, музыкальных инструментов и всего необходимого для гимнастических тренировок. Стоимость

обучения в начальной школе, в которой учили грамоте и счету, была невелика и доступна почти всем. Первоначально школы были только частными; социальное положение родителей не имело значения, поэтому там могли учиться дети не только граждан, но и всех свободных жителей города.

Начальная школа помещалась не в особом здании, а в комнате дома учителя или в нанятом помещении. В теплое время года учитель собирал детей в каком-нибудь удобном месте на открытом воздухе. В школе занимались одновременно дети разных возрастов; одни только начинали выводить первые буквы, а другие выполняли более сложные упражнения. Учитель сидел на высоком стуле, а дети на низких табуретках. Пока один отвечал урок, другие готовили каждый свое задание (Beck, 1975, p.14.). Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной какая-либо особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве.

Ученик имел письменные принадлежности двух видов, поскольку у греков и римлян существовало две разновидности письма: нанесение букв острием на воск, керамику, свинец, камень, дерево и написание их краской или чернилами. От первого способа сохранились граффити, вырезанные на керамике, штукатурке и на свинцовых пластинках. При втором способе использовались чернила и тростниковое перо для письма на папирусе или пергаменте. Иногда чернилами писали на деревянных табличках и стирали написанное мокрой губкой. К этой разновидности письма относятся также дипинти, надписи, выведенные кисточкой на керамике. Чаще всего это были цифровые и буквенные обозначения на амфорах; так отмечали объем сосуда, стоимость и наименование содержавшегося в нем вина или оливкового масла (Сапрыкин, Масленников, 2007). К дипинти можно отнести написанные красной и черной красками имена присяжных на черепках, уцелевших на руинах здания суда, находившегося на центральной площади Ольвии (Леви, 1985, с. 94). В этой технике исполнены жителями Херсонеса и Тиры надписи белой краской на глиняных кубках,

римского времени; их использовали на религиозных церемониях в честь разных богов (Зубарь, 1994, с. 384–386;).

Для обучения первому виду письма греки и римляне давали ребенку натертые воском таблички и деревянную, костяную или металлическую палочку, заостренную с одной стороны, чтобы чертить буквы, и утолщенную с другой, чтобы разравнивать воск и тем самым стирать то, что было написано ранее. Такая палочка называлась по-латыни стилем. Гораций (Sat. I, 10, 72) советовал чаще оборачивать свой стиль, то есть стирать и редактировать написанное. Из античной практики использования этого орудия для письма происходит современное значение слова стиль.

Греческие мастера изготавливали многие письменные принадлежности (деревянные таблички, стили, воск, порошок для чернил; рис. 1). Папирус же в виде отдельных листов и свитков привозили из Египта. Сначала он был очень дорог, но с эллинистического периода стал доступен широким слоям населения. Ребенок из состоятельной семьи мог иметь стиль и таблички из дорогих заморских сортов дерева, бронзы или слоновой кости, но большинство таких школьных принадлежностей делали местные ремесленники из обычного дерева или кости.

Деревянные стили редко сохраняются в земле, а костяные и бронзовые археологи находят достаточно часто во всех частях античной ойкумены, в том числе и в Северном Причерноморье (Петерс, 1986, с. 60–61). Деревянные таблички по той же причине уцелели в единичных экземплярах, зато их изображения встречаются нередко на произведениях греческого и римского искусства. Такова, например, фреска из Помпей: художник нарисовал девушку, держащую в руках несколько связанных табличек и стиль, который она в задумчивости приложила к губам (рис. 2). На одной эллинистической ольвийской терракоте можно увидеть диптих (двойную табличку): развернув его на коленях, человек в плаще что-то пишет на нем (Худяк, 1940, с. 77). Эта терракота хорошо иллюстрирует манеру греков писать не на столе, как принято теперь, а положив таблички на колени. Таблички имели прямоугольную форму с приподнятыми краями, до уровня которых наливали расплавленный воск, а затем разглаживали его неболь-

шим металлическим скребком трапецевидной или сердцевидной формы. Их изредка находят при раскопках в Северном Причерноморье (Кадеев, 1989, с. 56). Воск на табличках меняли, вероятно, каждый месяц; это делал раб-педагог, а в бедных семьях сами родители (Herod. Mim. III, 15).

В отверстия на краях табличек продевали шнурки или ремешки, которые соединяли несколько таких дощечек. Две связанные таблички назывались диптихом, три — триптихом, четыре и более — полиптихом. В библиотеке Лейдена хранится полиптих II–III вв. н. э. из семи буковых табличек почти квадратной формы. На первой табличке учитель округлыми ровными буквами написал стих из поэмы Гесиода «Труды и дни», а на остальных ученик с ошибками и пропусками записал басни Бабрия (Борухович, 1976, с. 25). Таблички с детства становились необходимой принадлежностью всякого грамотного человека. На них писали письма, делали заметки на память, ораторы и ученые писали на них черновики и редактировали свои произведения, и только после этого сочинение записывалось на листы папируса.

Книги в начальной и средней школе не составляли необходимой принадлежности учеников. Античная книга, представлявшая собой свиток из папируса, была хрупкой и не могла служить ежедневным учебным пособием. Ведь всем известно, как быстро в руках детей изнашиваются даже гораздо более прочные современные учебники. Кроме того, особенно в архаический и классический периоды, книги были слишком дороги для большинства учеников. Дети видели книги лишь в руках учителя. Он, как только ученики овладевали письмом, давал переписывать, а чаще диктовал нужные отрывки из тех или иных сочинений. Дети записывали их на свои восковые таблички, а начиная с эллинистического периода многим стали доступны для этих целей и листы папируса дешевых сортов.

Овладение грамотой в античности требовало гораздо больше усилий и времени, чем сейчас. Сначала ученик заучивал наизусть в алфавитном порядке названия букв (альфа, бета, гамма и т.д.); это затрудняло дальнейшее обучение чтению и письму, так как ребенок запоминал не звуки, как это делают теперь. Зато такой

метод помогал обучению счету, так как греки и римляне обозначали цифры буквами, поэтому ученик параллельно запоминал цифровое значение букв: 1-альфа, 2-бета, 3-гамма и так далее. Процесс обучения письму можно проследить на многих граффити, найденных в Северном Причерноморье (Яйленко, 1988, с. 55–59). Древнейшие из них датируются архаическим временем, и некоторые написаны в старинной манере бустрофидон (Яйленко, 1988, с. 57), то есть в направлении, как пашет бык, прокладывая борозду сначала вперед, затем поворачивая назад; на таких надписях буквы в первой строке идут в одну сторону, а в следующей в другую и далее попеременно строки чередуются таким образом.

На обломках чернолаковых сосудов из Феодосии и на ручке амфоры из Тиры нанесены все или почти все буквы алфавита с некоторыми ошибками (рис. 3, № 1, 8, 9, 10). Сходные алфавитные упражнения найдены при раскопках жилых кварталов Ольвии (Русяева, 2010, с. 128–125, табл. 44, 5) и на усадьбе в ее ближайших окрестностях, но по большей части они пока не опубликованы. Чтобы научиться писать ровно, дети писали буквы по линейкам, разлинованным учителем на воощенных табличках (Plat. Prot. 326). На черепках ученики сами расчерчивали сетку для букв (рис. 3, № 3–7). На обломке черепицы V–IV вв. до н. э. из Тиры алфавит вписан в разлинованные ячейки (рис. 3, № 3). Учитель перечеркнул это упражнение, так как в нем было допущено несколько ошибок: ученик не дописал последнюю букву омегу, вместо дзеты второй раз поставил дельту и пропустил сигму.

Граффито IV–III вв. до н. э., обнаруженное в окрестностях Ольвии, представляет четыре строчки упражнения на написание букв Δ и Ε (рис. 3, № 18). В первой строчке наряду с буквой Ε прочерчено пять черточек, которые указывают, что ученик запоминал эпсилон как обозначение цифры 5. Для цифр употреблялись также буквы, уже не включавшиеся в алфавит классического и более позднего времени. Такова буква вау на граффити эллинистического времени из Тиры; она означала число 6, а также буква сампи (Ϟ00) на граффито V–IV вв. до н. э. из Ольвии (Яйленко, 1988, с. 58–59).

В VII–V вв. до н. э. алфавиты в разных греческих городах имели свои особенности. Лишь в эллинистический период повсеместно утвердилась единая милетская алфавитная система. Изначально она была принята в милетских колониях Тире, Ольвии и городах Боспора. В Херсонесе, дорийской колонии, найдены граффити, написанные мегарским алфавитом в первой половине V в. до н. э. Наряду с ними там обнаружены надписи, выполненные ионийским алфавитом (Виноградов, Золотарев, 1999, с. 107–111). Наверное, в это время в Херсонесе еще не было начальной школы, детей учили грамоте дома, и надписи отразили этническое происхождение их авторов.

Со времени возникновения в Элладе начальных школ на исходе периода архаики методы обучения грамоте и чтению мало менялись на протяжении всей античности. Поэтому сведения Дионисия Галикарнасского, жившего в I в. до н. э., вполне подходят для интерпретации ученических граффити из Северного Причерноморья классического и эллинистического времени. В сочинении «О Демосфене» (гл. 52) Дионисий писал: «Сначала мы заучиваем названия букв, затем их фигуру и значение, после чего слоги и их свойства, то есть их ударение и правильный выговор, их роды и склонения. Когда мы это выучим, то начинаем читать и писать слог за слогом и сначала медленно».

Целый школьный урок читается на горле амфоры III в. до н. э. (Яйленко, 1982, с. 306), найденной на острове Березань. Сначала школьник вырезал свое имя Фок и повторил первую букву имени. Потом сделал упражнение на слог «как», написав его несколько раз и отделяя один слог от другого точками. Здесь запечатлен известный по описаниям античных авторов прием обучения грамоте по слогам. Затем школьник вырезал слово *τύποι* (письмена), а ниже выполнил упражнения, в которые входили слова из двух или трех букв: *ύς* (кабан), *ῶς* (как), *μύς* (мышь). Он писал некоторые слова в именительном и в родительном падежах, сделав две ошибки, и закончил упражнение более длинным словом *ἐπικοῦρίη* (помощь). Похожие упражнения, обнаружены среди граффити других греческих полисов, и это подтверждает сходство приемов обучения грамоте во всем греческом мире (Яйленко, 1982, с. 306–307).

Подобно взрослым мужчинам, мальчики проводили большую часть светлого времени дня вне дома — в школе и на палестре, площадке для гимнастических упражнений и борьбы. Туда дети отправлялись на рассвете (Thuc. VII, 25; Plat. Nom. 808), то есть в то же время, когда взрослые принимались за работу. В более или менее состоятельных семьях к мальчикам приставляли специального раба, называвшегося педагогом, буквально «водителем ребенка». Он весь день присматривал за своим подопечным: проводил в школу или на тренировки на палестре, нес его вещи, в темноте освещал дорогу факелом а также следил за опрятным видом и поведением (Plat. Leg. VII, 494, d, e; Aristot. Pol. II, 12). Мальчик должен был спрашивать его разрешение, если желал посетить любое место вне дома. Например, подросток Демосфен с согласия своего педагога ходил на судебный процесс, на котором выступал славившийся в то время оратор Каллистрат (Plut. Dem. 5). В обязанности педагога входило также обучение есть так, как принято в приличном обществе: брать рыбу, мясо и хлеб двумя пальцами, держать хлеб в левой, а мясо в правой руке, не таскать лакомств у родителей, правильно надевать плащ и завязывать сандалии (Уссинг, 1899, с. 51–55). За любую провинность педагог мог побить мальчика, поэтому на картинах аттических ваз его изображали рядом с ребенком обязательно с палкой в руке. Хороший педагог был редкостью, так как часто эту функцию поручали уже ни на что не пригодному рабу; некоторые педагоги из пленных варваров даже плохо говорили по-гречески (Plat. Lys. 223). В бедной семье к ребенку не могли приставить специального раба. В упомянутом сочинении Герода «Учитель» мать жалуется на то, что сын пропускает уроки в школе, убегая играть в азартные игры. Из этого ясно, что при нем не было педагога, смотрящего за дисциплиной.

Учитель начальной школы, как и педагог, применял телесные наказания. В Берлинском музее хранится табличка с тщательно выведенной учителем надписью, которую ученик затем повторил четыре раза: «Будь трудолюбив, мальчик, если не хочешь плетки» (Марру, 1998, с. 219). Учитель наказывал нерадивых учеников не только по собственной инициативе, но и по просьбе родителей

сек их плетью, так что спина становилась «пестрее змеи» (Herod. Mim. Ш, 60–63, 92). На аттических вазах есть изображения детей, которых бьют палкой или сандалией; иногда на теле мальчика нарисован отпечаток сандалии как след побоев (Besck, 1975, p.44–45).

Приступая к чтению связных текстов и написанию более или менее длинных фраз, учитель обычно брал выдержки из произведений Гомера и других эпических поэм (Марру, 1998, с. 219). Два граффити V в. до н. э. из Ольвии подтверждают, что в Северном Причерноморье дети со школьных лет запоминали многие стихи из эпических поэм. На обломке чернолакового килика процарапан стих из «Одиссеи»: «От Илиона унеся меня, ветер к киконам пригнал» (Яйленко, 1980, с. 68, № 33). Другая частично сохранившаяся надпись на черепке исполнена неумелой рукой и с ошибкой; ученик написал два начальных стиха «Малой Илиады»: «Я Илион пою с Дарданией, конями прекрасной, // Ради которой страдали данайцы, слуги Арея» (Виноградов, 1969, с. 142).

Математика в начальной школе исчерпывалась изучением количественных и порядковых числительных, умением их складывать и вычитать, а также знанием дробей по двенадцатиричной системе, которая употреблялась в греческой системе мер и весов. Для цифр в эллинистический период окончательно установились 27 символов: 24 буквы алфавита (альфа–1, бета — 2 и так далее) плюс вышедшие из употребления дигамма, обозначавшая 6, копа — 90 и сампи — 900. В античных государствах Северного Причерноморья эти старинные буквы для цифр учили в начальной школе; в одном ольвийском упражнении на написание алфавита вырезана буква сампи, занимавшая в милетской цифровой системе последнее место после омеги (Яйленко, 1982, с. 58).

27 букв делились на три ряда чисел. Первый соответствовал единицам, второй десяткам, третий сотням. Тысячи обозначали йотой подписной, написанной слева. Так можно было написать числа от 1 до 999 999. Учитель обучал считать на пальцах двух рук. Цифры соответствовали взаимному расположению пальцев, а также различным способам их сгибания и соприкосновением с ладонью (Марру, 1998, с. 220). На рисунке 4 показано положения пальцев, обозначавшие разные цифры (Hommel, 1974, S. 112–113).

Такой счет имел практическое значение в повседневной жизни, например, им пользовались продавцы и покупатели на рынке, или при подсчете голосов в народном собрании.

Уровень грамотности у сельских жителей был гораздо ниже, чем у городских, что можно объяснить меньшими практическими потребностями в чтении и письме. Хорошо известен рассказ о неграмотном афинском крестьянине, попросившем Аристида написать его имя на черепке, где записывали подлежащих изгнанию граждан (Plut. Aristid. 7) Не случайно подавляющее большинство граффити со школьными упражнениями найдено при раскопках городских кварталов. Единичные подобные находки на загородных усадьбах не указывают, как думают некоторые исследователи, на обучение за пределами города. Конечно, грамотный отец мог заняться обучением сына, но это требовало много времени, и проще было отдать ребенка в городскую школу. Найденные же на хоре упражнения, вероятно, выполнены как домашние задания; ведь у более или менее состоятельных землевладельцев дома были и в городе, и за его пределами. Достаточно вспомнить «Экономику» Ксенофонта, описавшего образцового хозяина Исхомаха, который постоянно ездит на коне из города в свою усадьбу наблюдать за производящимися там работами.

В заключение скажем несколько слов о чтении в античности. Им было гораздо труднее овладеть, чем сейчас, поэтому обучение в начальной школе длилось 4–5 лет. Ведь в тексте слова не отделялись одно от другого, знаки препинания ставились редко, так что нужно было самому определить, где оканчивалось то или иное слово и предложение, а также, где начинался и кончался тот или иной грамматический оборот (рис. 10, 16, 17). Если же перед читателем были стихи, то требовалось уловить их размер, особенно трудно это было в драматических произведениях, где варьировалось несколько размеров. Такие навыки имели лишь хорошо образованные люди, а человек с начальным образованием мог разобрать небольшой текст, например, законы и декреты, которые составлялись по определенным правилам и формулам, бывшими на слуху. Он мог делать для себя небольшие деловые заметки, писать незатейливые письма. Вот пример такого письма, на-

писанного на обломке краснофигурного сосуда жителем одного из городов Северного Причерноморья (На краю ойкумены, 2002, с. 37, № 79): «Родон приветствует Герака. Получил» (рис. 5). Что получил Герак от Родона для нас останется тайной, но на этом примере видно применение письма в ежедневной жизни.

Средняя школа

В процессе обучения в средней школе ученики посещали трех разных наставников: учителя литературы, называвшегося грамматиком, кифариста, обучавшего музыке и пению, и педотриба, тренера разных видов атлетики. Так греки стремились гармонично развивать умственные и физические способности, начиная с детских лет. Поэтому в школьную программу, наряду с изучением гуманитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта. Когда в эллинистический период многие города стали нанимать учителей на общественные деньги, привилегией получения бесплатного образования пользовались дети граждан. Например, из уцелевших античных надписей известно, что Милет оплачивал четырех учителей и стольких же атлетических тренеров (Jones, 1940. p. 222). Однако существование государственных школ не исключало наличия частных.

О средней школе в античном Северном Причерноморье можно судить лишь по косвенным данным. Одна эпитафия из Пантикапея римского времени (КБН. № 706) позволяет узнать о заботе государства об образовании. Там написано, что стелу на могиле боспорянина Иода, поставил Согам, сын Юлия Деметрия, заведующего школой ('ο ἐπὶ τοῦ παιδαγωγίου). В боспорских надписях формула, начинающаяся с 'ο ἐπὶ относится к государственным должностям. По-видимому, в обязанности этого магистрата входили наем учителей, наблюдение за их деятельностью и определение круга учеников, имеющих право получить образование за государственный счет.

Несколько известий древнегреческих писателей дают возможность считать, что грамматики, преподававшие средних школах античных городов Северного Причерноморья, могли дать ученикам достаточно высокий уровень образования. В IV в. до н. э. боспорянин Сопейд поступил в Афинах в высшую риторическую школу Исократа (Dionys. Halic. Isocr. 18), для чего требовалась хорошая гуманитарная подготовка, которую он получил в школе на родине. То же самое можно сказать и об уроженцах Ольвии и

Боспора, отправлявшихся в III–II вв. до н. э. в Элладу ради занятий философией у известных в то время философов (Diog. Laert. II, 113; IV 46–47; VII, 37, 177–178, 185). Ведь для этого требовались разнообразные знания, входившие в программу хорошей средней школы. Показателен в этом отношении рассказ о философе Ксенократе, ученике Платона. «Одному человеку, который не знал ни музыки, ни геометрии, ни астрономии, но желал стать его учеником, он ответил так: «Ступай прочь: тебе не за что ухватиться философию», а по другим известиям так: «У меня здесь не шерстобитня!» (Diog. Laert. IV, 2, 10; перевод М.Л. Гаспарова).

В круг среднего образования греков входили, наряду с гуманитарными предметами, геометрия и астрономия. Сократ подчеркивал их практическую пользу для каждого гражданина (Хен. Мет. VII, 3–4). Геометрия в ее первоначальном значении «измерения земли» оказывалась необходимой при купле, продаже и закладе земельных участков и в спорах о границах земельных наделов; знание же звездного неба использовалось для определения времени ночью, для установления сроков сельскохозяйственных работ, начала и конца навигации, смены караула у стен и ворот города и так далее.

В средней школе большое внимание уделялось литературе, в курс которой обязательно входило изучение эпических поэм и стихи древних поэтов (Алкей, Сафо, Архилох, Пиндар, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида и др.). В их сочинениях встречалось множество слов и оборотов, не употреблявшихся в повседневной речи; учитель объяснял их значение и показывал, как перевести на современный язык. К пониманию классических произведений готовились уже в начальной школе, включая в упражнения по письму редкие слова, свойственные языку поэтов, а также имена божеств, героев и географические названия из трудов классиков (Марру, 1998, с. 233–234). Этим можно объяснить, почему в одном ольвийском школьном упражнении читается наименование расположенного во Фракии города Абдеры. Ученик сделал в нем ошибку, написав ϵ вместо η , учитель исправил и велел ученику еще дважды рядом прочертить правильную букву (Яйленко, 1980, с. 96).

Благодаря школьным навыкам рядовому греку даже в римское время был доступен язык древних поэтов. Ведь эллинистический и римский периоды в театрах многих греческих городов устраивались мусические состязания, на которых соревновались рапсоды, исполнявшие эпические поэмы, и ставили трагедии V–IV до н. э. (Герцман, 1995, с. 166–167). В III в. до н. э. Герод писал драматические сценки из окружающей жизни, используя, вероятно для комического контраста, архаизированный ионический диалект и стихотворный размер холиямб, введенный в VI в. до н. э. ионийским лириком Гиппонактом.

Заложенные в школе знания классической поэзии можно различить в стихотворных эпитафиях, написанных поэтами в Северном Причерноморье. В них встречаются слова, употреблявшиеся лишь в поэзии (Шкорпил, 1914, с. 71–75; Денисова, 1988, с. 251–256) и эпические формы падежей в некоторых словах (Доватур, 1965, с. 811).

Знание произведений многих поэтов входило в число обязательных атрибутов образованного человека. Недаром произведения античных авторов пестрят стихотворными цитатами. Ведущее положение среди них принадлежит Гомеру. Особое внимание и любовь к его поэмам воспитывалось со школьных лет. Неудивительно, что среди уцелевших папирусов со стихотворными произведениями первое место занимает «Илиада», далеко опережая все прочие (Борухович, 1976, с. 76–77). В «Пире» Ксенофонта (I, 3) Никерат рассказывает, как его отец, заботясь о том, чтобы из сына вышел хороший человек, заставил его выучить всего Гомера; и, будучи взрослым, он мог наизусть прочесть всю «Илиаду» и «Одиссею». Дион Хрисостом, живший на рубеже I–II вв. н. э., в одной из своих речей говорил, что Гомер «является началом, серединой и завершением всего; и мальчику, и мужу, и старцу он дает то, что каждый в силах взять у него» (XVIII, 6). Показателен в этом смысле рассказ Плутарха из его «Застольных бесед» (IX, 2). Речь идет о разрушении Коринфа римлянами в 146 г. до н. э., после чего все жители города были обращены в рабство. При продаже грамотный раб ценился выше безграмотного. Поэтому римский полководец Муммий, знакомясь с пленными детьми, предложил каждо-

му грамотному написать на память по стиху; один мальчик написал стих из «Одиссеи» (V, 306): «О, троекратно блаженны данаи, погибшие в Трое». Так устами Гомера он выразил свои чувства униженного пленника, обреченного на рабство. Мумий был тронут до слез и распорядился отпустить из плена всех близких этого мальчика.

О том, что многие ольвиополиты в I в. н. э. знали наизусть «Илиаду», написал Дион Хрисостом (XXXVI, 10), а об их знакомстве с «Одиссеей» свидетельствует уже упомянутый выше чернолаковый черепок V в. до н. э., на котором процарапан стих из этой поэмы. Две надписи римского времени из Пантикапея также указывают на то, что на Боспоре знали поэмы Гомера. В одной эпитафии (КБН. № 136) местный поэт сравнил смерть воина Левкия, погибшего среди варваров, с «тroyанским Гектором, павшим среди передовых бойцов». Ученик, тренируясь в исполнении надписей на камне, вырезал на известняковой плите слова «продвинулись звезды», это часть 252-го стиха из десятой песни «Илиады» (КБН. 150).

Эпос изучался в школе не как литературный шедевр, а как учебник об идеальных героях, которым следует подражать и по мере сил приблизиться к ним по доблести, снискать славу при жизни и заслужить благодарную память своих сограждан. Для греков Ахилл служил идеалом героя, который предпочел долгую и тусклую жизнь ради краткой, но героической, создающей ему заслуженную славу при жизни и после гибели. Боспорский поэт в I в. до н. э. в эпитафии Аполлония, павшего от вражеской руки, описывает покойного как воплощение именно такого идеала: «Тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь после смерти воздается всяческая почесть» (КБН. 119). Такое отношение к жизни было весьма актуально в Ольвии, подвергавшейся в эллинистический и римский периоды постоянным нападениям со стороны своих соседей. Этим можно объяснить, почему ольвиополиты предпочитали Гомера другим поэтам, а перед сражениями их воодушевляли стихи из «Илиады» (Dio Chrys. XXXVI, 10).

В эллинистический период в средней школе к изучению поэзии присоединились прозаические произведения историков и ора-

торов. Ученики учились ценить речи, написанные или произнесенные убедительно и красиво. Дион Хрисостом (XXXVI, 16) подчеркнул в ольвиполитах это качество, присущее всем грекам: «Городские ворота были уже заперты накрепко и на стене был поднят боевой знак. Однако все присутствующие были такими любителями послушать речи, настолько греками до мозга костей, что почти все горожане, уже вооруженные, сбежались сюда и хотели послушать, что я буду говорить...Все ринулись к храму Зевса, где они обычно собирались на Совет. Старейшие и наиболее уважаемые граждане уселись в круг на ступенях, а вся толпа стояла возле храма — перед ним была большая открытая площадь.» (перевод М.Е. Грабарь-Пасек).

Греки видели в поступках героев эпических поэм руководство к действию в разных жизненных ситуациях. В школе учитель, комментируя «Илиаду», выделял в ней наставление подросткам стремиться стать первым в любом роде деятельности. «Всегда быть лучшим и превосходить других»: таково было главное напутствие Пелея Ахиллу; с теми же словами обращался Гипполох к своему сыну Главку (II. VI, 208; XI, 784). Так с детства воспитывалось соревновательное начало, долгое время игравшее ведущую роль в жизни греков (Зайцев, 2001, с.106–143). В школе отсутствовали экзамены, но время от времени устраивались соревнования в чтении стихов, игре на музыкальных инструментах, а на палестре состязались в различных видах спорта и танцах. Агоны проводились во время разных религиозных праздников, на которых дети выступали наряду со взрослыми. К числу таких праздников принадлежали Апатурии, которые справлялись в ионийских колониях Северного Причерноморья так же, как и во всех ионийских городах. Афинянин Критий в диалоге Платона «Тимей» (гл. 21) вспоминает, как он в возрасте десяти лет читал стихи на этом празднике, и лучшим исполнителям вручали награды.

Наиболее ярко дух состязания проявлялся во время занятий атлетикой на палестре и в гимнасии. Первая могла принадлежать и частному лицу, а гимнасий был общественным сооружением. О содержании такого здания и о занятиях в нем заботилось государство, назначая особого магистрата гимнасиарха. Обычно это

был состоятельный человек, тративший на гимнасий не только общественные, но и собственные средства. Остатки зданий гимнасиев, которые упомянуты в уцелевших надписях, найдены в Ольвии, Херсонесе и Фанагории (IOSPE I². 40, 186, 418; КБН. 991), а о наличии их в Пантикапее, Горгииппии и Танаисе свидетельствуют только древние надписи (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1264, 1265, 1277–1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

В древности справедливо считалось, что тренировки на палестре и в гимнасии служат не только средством для укрепления здоровья и поддержания должной физической формы, необходимой для защиты отечества от врагов, но и, как писал Лукиан (Anach. 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Тренеры устремляли в нужном направлении энергию молодежи, а граждане старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования. На палестре, кроме занятий разными видами атлетики, обучали танцам и различным играм, например, с мячом. Платон считал, что не способный участвовать в хороводе (то есть танцевать и петь) не является по-настоящему образованным человеком (Plat. Leg. II, 654 a, b). Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 747 a-b) описал присуждение наград мальчикам-победителям в пляске. Судьями были учитель гимнастики и брат писателя, «который сам превосходно плясал пирриху» и в отрочестве на палестре «выделялся грациозностью среди всех своих сверстников». О занятиях танцами в Ольвии красноречиво свидетельствует хранящееся в Киевском Историческом музее граффито на сосуде V в. до н. э.; его владелец с гордостью написал «и красив я в танце».

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгииппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий, и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи (Берзин, 1961, с. 127). Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее краси-

вых и заметных общественных сооружений греческого города. Главное место занимал большой зал для тренировок и состязаний атлетов, к нему примыкали комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий.

Физические тренировки мальчиков начинались на палестре под руководством учителя-педотриба, а затем продолжались в гимнасии, куда допускались только дети граждан. Во главе тренеров гимнасии стоял учитель гимнастики, умевший подобрать для каждого подходящий цикл упражнений. Исполнение упражнений, предписанных хорошим учителем гимнастики, приравнивалось к лечению у врача, потому что оба они, по словам Платона (Gorg. 504), «налаживают тело и приводят его в порядок». Знаменитый врач Гален (De sanit. П, 9) писал, что учитель гимнастики должен обладать теоретическими знаниями и разбираться в физиологии человеческого организма, а педотрибы могут только наблюдать за правильным исполнением физических упражнений, предписанных учителем. Гален сравнил учителя гимнастики с опытным врачом, определяющим каждому специальное питание, а педотриба — с поваром, готовящим кушанья, но не знающим об их полезных и лечебных свойствах.

О наличии учителей гимнастики в Северном Причерноморье можно заключить, исходя из существования здесь гимнасиев. Уцелело имя лишь одного педотриба Фарнака, прибывшего в Пантикапей из Синопы в I в. до н. э. В стихотворной надписи на его надгробии говорится, что весь гимнасий оплакивал раннюю смерть Фарнака (КБН. 129). Надпись свидетельствует о том, что в гимнасиях северопричерноморских городов работали наряду с местными и приезжие тренеры, как это было вообще характерно для того времени. Таким образом, местные спортивные школы пополнялись опытом тренировок в гимнасиях разных эллинских городов.

Детей сначала учили бегать, потом прыгать, а затем присоединяли другие виды спорта. Из них особенно ценили борьбу за то, что в ней одновременно приводились в действие все мышцы тела. В процессе тренировок подростки и юноши развивали силу и выносливость, необходимые для гражданина-защитника отечества

от врагов. Кроме того, эллины стремились придать телу красоту и гармонию форм, поэтому в программу некоторых агонов входил выбор наиболее хорошо сложенных атлетов. Такие соревнования, называвшиеся *εὐεξία*, проводились в Горгииппии (КБН. 1137). На многочисленных сохранившихся памятниках античного искусства можно видеть, как выглядели лучшие атлеты в юношеском и зрелом возрасте.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному *γυμνός*, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой сосудик для масла, полотенце и стригиль — скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. Эти предметы в искусстве символизировали юношу-палестрита, и их нередко изображали на надгробиях и росписях склепов, где хоронили молодых людей.

Видимо боспорский атлет был погребен в пантикапейском склепе, стену которого живописец украсил фризом с изображением стригиля, сосудов для масла, венков и нарядных повязок тений (рис. 6); последние напоминали о некогда выигранных призах (Ростовцев, 1913, с. 71, табл., 26, 27). В IV–III вв. до н. э. херсонеситы ставили на могилах юношей известняковые стелы с рельефами, на которых представлены висящие на шнурке флакон для масла (арибалл, алабастр или амфориск) и стригиль (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие флаконы имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями (рис. 7). Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу.

О том, какими видами спорта занимались подростки, можно судить по надписям с перечислением побед разных атлетов, ведь они начинали тренироваться с детских лет. Большинство интересующих нас надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. На состязаниях выступали бегуны (IOSPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IOSPE I². 130, 156), борцы (IOSPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IOSPE I². 434), метатели диска (IOSPE I². 130, 157, 158) и копья (IOSPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Для нашей темы особый интерес представляет надпись с большим списком победителей на местных состязаниях в честь Гермеса, ежегодно проводившихся гимнасии Гогиппии (КБН. 1137). На стеле читается не полностью уцелевший каталог имен нескольких сотен человек, завоевавших первенство в различных видах соревнований, проводившихся много лет, начиная с конца IV в. до н. э. Анализ этих имен показывает, что участники соревнований делились на четыре возрастные группы: мальчики 12–15 лет, юноши 16–17 и 18–19 лет, взрослые старше 20 лет (Берзин, 1961, с. 210–212). Таким образом, в первых двух группах выступали ученики средней школы, а участниками старшей группы становились граждане, продолжавшие тренировки в полюбившихся им видах спорта. По этой надписи можно судить, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе.

Преподавание музыки входило в обязательную программу греческой школы. Платон в «Законах» (899 с — 810 а) предписывал детям наряду с обучением грамоте и счету учиться играть на лире или кифаре; философ рекомендовал начинать музыкальное образование в 13 лет, то есть сразу после поступления в среднюю школу. Аристотель (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b) писал, что музыка входит в обязательный курс обучения, потому что она благотворно воздействует на нравственную сторону души, а в ежедневной жизни

музыка — неизменный спутник свободного гражданина во время отдыха.

Детей не учили нотной грамоте, так как античные записи музыки были несовершенными, и исполнителю следовало о самом самом догадываться (Герцман, 1995, с. 303–304). Ученики со своими инструментами садились напротив учителя, они смотрели и слушали, как он играет, а затем старались повторить мелодию под его руководством. Так учили музыке на протяжении всей античности, о чем свидетельствуют слова оратора Гимерия, жившего в IV в. н. э. (XII, 3): «Авлет обучает игре на аулосе, проигрывая сам мелодию, а кифарист играет перед своими учениками». На рисунках аттических ваз мы видим учителя с лирой и сидящего напротив ученика со своим инструментом (рис. 8).

Музыкальное образование было тесно связано с лирической поэзией, которую исполняли в архаический и классический период обязательно под аккомпанемент лиры или ее разновидности барбитона. Поэтому афинский вазописец V в. до н. э. нарисовал Сафо и Алкея с барбитонами в руках (рис. 9). Стихи этих и других древних лирических поэтов учили в школе и пели вплоть до римского времени (Aul. Gel. XIX, 9).

До IV в. до н. э. школьники учились играть на лире и кифаре, а также на аулосе. Обычно в переводах его называют флейтой, хотя по звучанию этот духовой инструмент, состоявший из двух трубок с небольшими круглыми отверстиями, наиболее близок к современному гобою. Позже аулос стали исключать из обязательных школьных предметов, что отмечено уже у Аристотеля (Pol. VIII, 6, 5; 1341). Одновременно детей учили петь, чаще всего хором под аккомпанемент аулоса или солировать, самому наигрывая на струнных инструментах. В надписях многих городов упоминаются выступления детских хоров на различных праздниках.

К сожалению, мы не располагаем конкретными сведениями об обучении музыке в античных городах Северного Причерноморья. К косвенным данным об этом можно отнести находки бронзового резонатора лиры в Пантикапее и фрагментов костяных аулосов на многих городищах, а также многочисленные изображения музыкальных инструментов на привозных и местных произ-

ведениях прикладного и монументального искусства (Скржинская, 2010, с. 343–345). Об умении ценить хорошее исполнение музыки свидетельствуют записи античных авторов о посещении Боспора прославленными кифаристами; в театрах их игру могли услышать все граждане, а многие приближенные боспорского царя присутствовали на концертах, устраивавшихся при царском дворе (Polyaen. V, 44; Athen. VII, 41, 349).

В повседневной жизни греки широко использовали полученные в школе музыкальные навыки. Аристотель писал, что музыка неизменно сопровождает отдых свободного гражданина (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b); а по произведениям античных авторов известно, что лира нередко звучала во время праздничных застолий, когда под ее аккомпанемент пели разные стихи. Для развлечения гостей хозяин часто приглашал профессиональных флейтисток; на вазах их постоянно изображали среди пирующих мужчин (Рис. 56). О существовании таковых на Боспоре свидетельствует надгробие флейтистки Пасафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э. (КБН. 875).

Многие граждане с детских лет принимали участие в выступлениях хоров; их пение сопровождало торжественные шествия и жертвоприношения. Детские хоры состязались за первенство на музыкальных агонах. В Северном Причерноморье сохранились две надписи с не полностью уцелевшими текстами гимнов, которые пели в честь Ахилла в Борисфене (Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–62) и в честь Гермеса в Херсонесе (IOSPE I². № 486).

В начале существования колоний музыка в ионийских полисах Тире, Ольвии и на Боспоре отличалась от той, которая звучала в дорийском Херсонесе. Ведь тогда еще сильно различались стили музыки метрополий этих государств (Герцман, 1995, с. 346). В эллинистический период ионийским, дорийским и эолийским ладами стали пользоваться повсюду, но в каждой местности имелись свои музыкальные особенности и пристрастия.

Лучшая иллюстрация обучения в средней школе у разных учителей украшает хранящийся в Берлине аттический килик, изготовленный в первой четверти V в. до н. э. (рис. 8). Вазописец Дурис нарисовал учителей грамматики и музыки. Сидящий на

стуле учитель держит папирусный свиток со словами: «Муза моя, про Скамандра текучего петь начинаю». Это начальные строки какой-то, теперь утраченной, эпической поэмы. Стоящий перед учителем мальчик, вероятно, повторяет за ним эти стихи, а может быть, читает их наизусть. Свиток в руках грамматика развернут так, чтобы зрителю было понятно, чему он обучает своего ученика. Другой учитель словесности, держа в руках стиль, проверяет задание, выполненное учеником на вощеных табличках. Около обоих учеников сидят их педагоги с палкой, орудием наказания за провинности.

Вазописец нарисовал также учителей музыки. Один из них учит сидящего перед ним мальчика игре на лире, а другой обучает пению под аккомпанемент аулоса. На стене класса изображены висящие всевозможные предметы, использовавшиеся в школе: корзина с книгами-свитками, футляр для аулоса, три лиры и крестообразный ключ для ее настройки. Дно этого килика украшено фигурой молодого атлета, перевязывающего сандалию. Так художник отразил третью составную часть образования греков — занятия атлетикой.

Высшее образование

По окончании средней школы лишь немногие молодые люди продолжали совершенствовать свое образование. Некоторые делали это просто из любви к какой-нибудь науке. Например, молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией (Dio. Chrys. XXXVI, 8), а рано умерший боспорянин Гелиодор назван в эпитафии «любителем наук» (КБН. 125). Во II в. н. э. боспорский царь, «получивший тщательное эллинское образование», приехал в город Смирну для ознакомления с Ионией; там он заплатил, по словам Филострата, 10 талантов за возможность общения с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I, 24). Вероятно, эта непомерная сумма преувеличена, но можно доверять факту общения боспорянина с философом, и вполне объяснимо желание последнего получить за это хороший гонорар. Исходя из времени жизни Антония Полемона, этим не названным по имени царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк.

Начиная с V в. до н. э. наиболее известные философские школы находились в Афинах, и туда со всех концов греческой ойкумены собирались желавшие учиться у философов разных направлений. Одни посещали лекции, стремясь пополнить свое образование, другие стремились научиться жить наилучшим образом, как обещали многие учителя мудрости, и лишь немногие хотели полностью посвятить себя науке. Среди них встречались не только граждане, но и представители неполноправного населения, например, выкупленные из рабства ученик Сократа Федон и киник, уроженец Ольвии, Бион Борисфенит (Diog. Laert. II, 105; IV, 46).

По произведениям античных авторов сейчас известно, что греки из Северного Причерноморья приезжали учиться в Афины. Там в классический и эллинистический периоды существовало несколько хорошо организованных философских школ со своими традициями и местами собраний. Наибольшей известностью пользовались Академия, основанная Платоном, Лицей, основанный Аристотелем, и школа стоиков, основанная Зеноном. Первые соби-

рались в роще героя Академа, вторые — при гимнасии в Ликее, третьи — в Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота. Были в Афинах и другие философы, имевшие школы со своими приверженцами, например, киники и скептики. Изучавшие философию часто посещали одновременно или поочередно несколько школ. Это хорошо видно по жизнеописаниям многих философов; в их числе подобное образование получил Бийон Борисфенит.

Многие философы взимали плату за обучение, да и сама жизнь чужестранца в Афинах требовала немалых расходов. Однако не следует думать, что все приезжие были состоятельными людьми. Страстное стремление к знаниям, характерное для многих древних эллинов, заставляло преодолевать любые трудности. Это можно иллюстрировать рассказом Диогена Лаэртского (VI, 5, 168) о главе школы стоиков Клеанфе. Уроженец маленького малоазийского города Асса, он приехал в Афины всего с четырьмя драхмами. Чтобы учиться днем, он по ночам работал поденщиком: таскал воду для поливки садов и пек хлеб. Клеанфу не хватало денег на папирус, поэтому он записывал уроки Зенона на черепках и бычьих лопатках.

Античная литературная традиция сохранила имена четверых философов, выходцев из Северного Причерноморья: это ольвиополиты Бийон и Посидоний, боспорянин Дифил, а также Сфер, по одним источникам боспорянин, по другим ольвиополит. Но, конечно, в Афинах обучалось значительно больше приезжих с северных берегов Понта, но они не прославились как внесшие заметный вклад в науку, и поэтому о них нам ничего не известно.

Деятельность Дифила Боспорского, старшего из упомянутых философов, приходится на вторую половину IV — начало III в. до н. э. Он стал приверженцем Стильпона, обосновавшегося в Афинах блестящего представителя мегарской школы философии. Об этом кратко написал Диоген Лаэртский (II, 113) со ссылкой на утраченное сочинение Филиппа Мегарского. Наиболее подробные сведения сохранились о Бионе Борисфените. Он жил в первой половине III в. до н. э., что подтверждается рассказом Диогена Лаэртского о том, что Бийон был поклонником учения Феодора Безбожника (330–270 гг. до н. э.) и кончил свои дни при Антигоне

Гонате, царе Македонии, правившем с 283 по 240 г. до н. э. Диоген Лаэртский посвятил ему главу в разделе о киниках (IV, 46–57), его упомянули в своих сочинениях Страбон (I, 2, 2; С.15; X, 5, С.486), Гораций (Epist. II, 2, 60) и Афиней (XIII, 61).

Бион родился в Ольвии. Его мать была гетерой, а отец вольноотпущенником, торговавшим на рынке соленой рыбой. За уклонение от налогов отца вместе со всей семьей продали в рабство. Юному Биону повезло, потому что его купил местный ритор. Заметив в подростке большие способности, он стал обучать его своему искусству, отпустил на волю и сделал своим наследником. Видимо, от хозяина Бион впервые узнал о философских школах в Афинах и, в первую очередь, об Академии. Ведь именно туда сначала направился Бион, когда попал в Афины.

После смерти ритора неблагодарный ученик сжег все сочинения учителя, продал его имущество и на эти деньги поехал в Афины. Там сначала он стал слушателем Кратета Афинского в Академии, какое-то время посещал лекции перипатетика Феофраста. Созвучнее всего ему оказалась школа киников, беседы ее выдающегося представителя Кратета Фиванского и близкого ему по духу Феодора Безбожника (Diod. Laert. IV, 22, 51).

К киникам Биона привлекало то, что многие из них, подобно ему самому, принадлежали к низшим слоям общества. Начиная с основателя кинизма Диогена, приверженцы его учения вели себя вызывающе и не признавали общепринятых норм морали. Это также отвечало характеру Биона, который в молодости так неблагодарно отнесся к памяти своего учителя и благодетеля. Несомненно, Бион был талантливым человеком, с прекрасной памятью и умением привлекать к себе многочисленную аудиторию, но в области философии он не открыл ничего существенно нового (Нахов, 1982, с. 195). Достигнув известности, Бион много путешествовал, пропагандируя кинические идеи о предпочтении бедности богатству, о безразличии к смерти, о космополитизме. По словам Диогена Лаэртского, Бион «был искусным софистом и оказал немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения,... он умел производить впечатление на зрителей и поднять

на смех, что угодно, не жалея грубых слов» (перевод М.Л. Гаспарова).

Подобно большинству бедняков, увидевших, как можно достигнуть богатства, он любил роскошный образ жизни и этим отличался от своего учителя Кратета Фиванского, отказавшегося от имущества и денег. В философских беседах Бион смягчал ригоризм киников по отношению к деньгам и владению имуществом, заявляя, что мудрец, независимо от своего материального положения, может оставаться верен идеям кинизма. В расцвете лет Бион проповедовал безбожие, но отказался от него, когда заболел и каялся во всем, в чем согрешил перед богами. Был он крайне эгоистичен, и потому к концу жизни возле него не оказалось ни учеников, ни преданных друзей.

Главное достижение творчества Биона состояло в том, что он окончательно оформил жанр диатрибы (Нахов, 1991, с. 49–67; он же. 1982, с. 195). В ней заключалась проповедь на философско-моральную тему, изложение велось в увлекательной и доступной форме, было насыщено юмором, пословицами, поговорками, необычными сравнениями, метафорами, не чуждалось грубых простонародных словечек и выражений. Знаменитый ученый александрийской школы Эратосфен сказал о Бионе, что тот первым нарядил философию в пестрое платье гетеры (Diog. Laert. IV, 52; Strab. I, 2, 22).

Бионовские диатрибы имели огромный успех во всех слоях общества. Философа ценили и столь искушенные знатоки литературы и философии, как македонский царь Антигон Гонат, и простой люд, слышавший в его доходчивых словах обороты живой народной речи, рискованные шутки и остроты. После Биона диатрибу широко использовали в популярных беседах не только киники, но также стоики, представители «второй софистики», позже от греков этот жанр восприняли римляне.

Бион мастерски умел излагать свои мысли не только в прозе, но и в стихах. Он славился остроумными и меткими пародиями, нередко переходил на стихи в прозаической речи, и это шокировало образованную аудиторию, не допускавшую смешения жанров. Произведения Биона надолго пережили их автора. Гораций в одном из своих «Посланий» (П, 2, 60) писал о «едкой черной соли»

произведений Биона, которые послужили поэту образцом для его сатир.

Младший современник Биона Сфер прибыл из Северного Причерноморья в Афины в середине III в. до н. э. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (Cleom. 2, 11; Лус. 5) назвал его Борисфенистом, то есть уроженцем Ольвии, а Диоген Лаэртский (VII, 37, 177, 178, 185) — боспорянином. Сфер вошел в число многочисленных учеников стоика Зенона (333–264 гг. до н. э.) и стал, по словам Плутарха, одним из лучших. Сфер познакомился со слушателями, прибывшими в Афины из разных городов Эллады, Македонии, Малой Азии и Египта.

Вероятно, Сфер приехал в Афины уже на закате деятельности Зенона, потому что он продолжил свое образование у Клеанфа и достиг, как сказано у Диогена Лаэртского, больших успехов в науках. Подобно многим философам, Сфер хотел воплотить в жизнь свои идеи; он стал учителем и советником спартанского царя Клеомена III, правившего с 235 по 221 г. до н. э. Философ помогал ему проводить реформы, направленные на уравнивание благосостояния граждан, и занимался воспитанием юношества. После поражения войска Клеомена и упразднения его реформ Сфер, вероятно, снова жил в Афинах. Ведь когда царь Птолемей IV Филопатор (222–205 гг. до н. э.) обратился к Клеанфу с просьбой приехать в Александрию или прислать кого-нибудь, философ избрал среди своих учеников и последователей Сфера, и тот отправился в Египет.

Многочисленные сочинения Сфера известны сейчас лишь по названиям. Они свидетельствуют, что он занимался толкованием учений Гераклита и Сократа, высказывал свои суждения о славе, богатстве, любви, страстях и смерти, писал трактаты о царской власти и спартанском государственном устройстве, труды по грамматике и др.

Последний из четырех северопричерноморских философов, софист и историк Посидоний Ольвиополит жил во II в. до н. э. Скучные сведения о нем имеются только в словаре Суда под словом «Посидоний». Там названы несколько его трудов, в том числе «Аттическая история». Это позволяет думать, что он, как и упомянутые его соотечественники, учился и жил в Афинах. Одно из его

произведений было посвящено Северному Причерноморью. Название в рукописи испорчено и нуждается в исправлении. Некоторые ученые полагают, что в сочинении Посидония говорилось о Тире и ее окрестностях. Более убедительным представляется чтение названия его труда, предложенное В.П. Яйленко (1988а, с. 276): «О стране, называемой Таврика». Судя по названию, это произведение Посидония было не философским, а историко-географическим.

Конечно, не все жители Северного Причерноморья, получив высшее образование, оставались в Элладе. «Питомец Муз», то есть широко образованный философ Смикр в IV–III вв. до н. э. излагал свое учение на Боспоре в общественных местах, о чем написано в его эпитафии (КБН. 118). Безусловно, хорошее гуманитарное образование имели херсонесский историк Сириск и боспорские историки, сочинениями которых пользовался Диодор Сицилийский. Декрет второй половины III в. до н. э. в честь Сириска (IOSPE I². 344) — единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сириск литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа и венчание золотым венком позволяют предположить, что Сириск читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре (Ростовцев, 1915, с. 151–170; Белов, 1948, с. 82–84). Херсонеситам очень понравилось правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изображен на фронте стелы с текстом декрета в честь историка (рис. 10).

Умение красиво и убедительно произнести речь всегда ценилось в античности. Такие навыки были необходимы политическим деятелям в демократических государствах таких, как Ольвия и Херсонес. Здесь на руководящие роли выдвигались люди, способные внушить свою точку зрения Народному собранию и разнообразным Советам и коллегиям. Часто оратор в сознании античного человека отождествлялся с политиком. Для этих целей античные риторы тщательно разработали теорию красноречия, кото-

рую следовало знать тем, кто собирался завоевать популярность у народа на политической или судебной аренах. Им следовало уметь использовать метафоры, антитезы, сравнения, а также снабдить речь звуковой инструментровкой, используя ассонансы, аллитерации, разнообразные сочетания ударений и чередований долгих и кратких гласных.

Знаменитый оратор Горгий (fr. 82 Diels) называл слово великим властителем: «телом малое и незаметное, оно совершает божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и сострадание умножить» (перевод А.О. Маковельского). Высокая оценка хорошего владения ораторским искусством отразилось в некоторых надписях из Северного Причерноморья. Неслучайно в ольвийском декрете в честь Протогена упомянуто о его выступлениях с речами перед народом, а в эпитафии херсонесита Демократа особо отмечен его дар прекрасно произносить речи (IOSPE I². 32, 425). В 1985 г. при раскопках некрополя Пантикапея найдена уникальная мраморная плита с частично сохранившимся текстом энкомия, торжественной надгробной речи. Она звучала во время похорон выдающегося боспорского политического и военного деятеля, жившего во второй половине I в. н. э. Автор энкомия, конечно, имел высшее гуманитарное образование, был опытным оратором, использовавшим в своих речах пышный азиатский стиль красноречия. Стела с текстом речи составляла часть большого надгробного памятника. В надписи перечислялись многочисленные славные деяния умершего, особо была выделена его обязанность воспитателя будущего царя Савромата, которая сравнивалась с ролью мудрого кентавра Хирона, наставника Ахилла (Сапрыкин, 2005, с. 45–81, Сапрыкин, Парфенов, 2012, с. 163–182).

Дионисий Галикарнасский в трактате об Исократе (гл. 18) упомянул, что боспорянин, который нам известен как сын Сопея, учился в риторской школе оратора. О его пребывании в Афинах и проводившейся там коммерческой деятельности известно из речи Исократа, написанной для Сопеида и произнесенной им в афинском суде во время тяжбы с крупным афинским банкиром Пасионом (Isocr. Or. XVII). Сопей был одновременно видным политическим деятелем, приближенным царя Сатира, и крупным торгов-

цем хлебом. Он отправил сына на своем корабле, везущем зерно в Афины, чтобы тот не только усовершенствовал свои познания в коммерции, но и получил хорошее образование, необходимое для занятий государственными делами. Сочетание государственной деятельности и коммерции было обычным для греков. Достаточно напомнить, что Демосфен занимался не только ораторской и политической деятельностью, но и вел одновременно крупные торгово-ростовщические операции, давая ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. Et Cic. III, 6).

Во время жизни Сопеида в Афинах лучшая высшая школа принадлежала Исократу. Цицерон в «Бруте» (8, 32) писал, что дом оратора был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия. Сам Исократ говорил, что ученики стекались к нему из разных мест, среди которых он назвал первыми Сицилию и Понт (XV, 224). Таким образом, надо полагать, что Сопейд не был единственным представителем школы Исократа в городах Северного Причерноморья.

Плата за обучение, полный курс которого длился 3–4 года, составляла 10 мин (Plut. Dem. 5). Однако такая крупная сумма оказалась вполне доступной сыну богатого боспорянина. Зато в этой школе Сопейд мог получить блестящее образование и общаться с самыми способными молодыми людьми из всей Греции, которые затем прославились на разных поприщах. Ведь учениками Исократа были выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андриотон, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклеи Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никокл и другие. Судя по времени пребывания Сопеида в Афинах, он принадлежал к старшему поколению учеников Исократа, о чем есть также косвенное указание в «Трапезитике». Когда Сопейду пришлось послать друзей за деньгами к Пасиону, он попросил об этом Филомела и Менексена (гл. 9, 45). С первым из них он, по-видимому, познакомился в школе своего учителя. Из речи «Об обмене имуществом» известно, что Филомел принадлежал ко второму поколению учеников Исократа. На склоне лет оратор назвал Филомела в числе старших своих

учеников-афинян, которых впоследствии государство за их заслуги наградило золотыми венками (XV, 93).

Памятники искусства также можно привлечь в качестве свидетельств о гражданах с высшим образованием в Северном Причерноморье. Античные скульпторы и художники изображали ораторов, философов, политических деятелей и писателей с папирусным свитком в руках, а у их ног помещали корзину, наполненную книгами, состоящими из связок свитков. Такова, например, статуя Демосфена (рис. 11). Такие же атрибуты мы видим у боспорянина на мраморной статуе I в. н. э., найденной в Пантикапее (рис. 12; Соколов, 1973, № 133), и на рельефе надгробия Стратоника, погибшего в конце I — начале II в. н. э. (КБН. 145). В римское время херсонеситы устанавливали надгробные статуи граждан со свитком в руке или их связкой у ног (рис. 13; Античная скульптура Херсонеса, 1976, № 309, 311, 312). Они напоминали об общественной и литературной деятельности погребенного.

Люди с высшим гуманитарным образованием могли с помощью своих знаний обеспечить себе неплохой заработок. Некоторые из них становились учителями средней и высшей школы. Ведь в эллинистический и римский периоды риторы находили учеников во всех античных государствах. Они, безусловно, преподавали в средних школах, существовавших во всех крупных городах Северного Причерноморья. Об одном из них, жившем в Ольвии, как говорилось выше, упоминает Диоген Лаэртский в биографии Биона Борисфенита.

Многочисленные местные декреты составлены правильным литературным языком с некоторыми цветистыми выражениями, свойственными ораторским упражнениям, которые выполнялись в средней и высшей школах под руководством риторов (Латышев, 1887, с. 178–180). Косвенным свидетельством существования местных образованных ораторов служат сведения надписей о постоянной деятельности народного собрания в Тире, Ольвии и Херсонесе. В любом греческом городе для завоевания внимания слушателей и убеждения в своей правоте требовалось хорошо составить и произнести речь. Первоначально ораторы полагались на свои природные способности, знание литературы, знание предмета и

практический опыт. Начиная с IV в. до н. э. этого стало недостаточно. Для успешной политической карьеры требовалось обучение выработанным приемам риторики, которыми владели учителя красноречия. Эти навыки могли пригодиться в суде, где решение зависело от убедительности речей истца и ответчика.

Еще одним доходным занятием для ратора была служба в царской канцелярии или при Совете в демократических республиках. Там существовала должность составителя официальных писем и других документов. Несколько таких писем римского времени, написанных в Тире, Ольвии и на Боспоре, рассмотрены ниже в разделе «Письма».

Постоянным источником заработка для образованного человека могли быть заказы написать защитительные или обвинительные речи для тяжущихся в суде. Ведь далеко не все эллины, обращавшиеся в суд, могли составить убедительную речь. Поэтому они обращались к тем, кого называли логографами; они обычно имели риторическое образование, хорошо знали законодательство и правила составления судебных речей. Заказчик заучивал составленную логографом речь и от своего имени произносил в суде. Так поступил боспорянин Сопеид, когда вызвал в афинский суд банкира Пасиона; его обвинительная речь, написанная Исократом, сохранилась в среди сочинений этого оратора (Isocr. XVII).

Большинство греческих государств не могли обеспечить постоянными заказами высокообразованных специалистов разных профилей. Поэтому их по мере надобности приглашали на временную работу. Архитекторы входили в число таких профессионалов высшего уровня, обладавшими обширными знаниями. Их звали, когда требовалось построить или реставрировать храм, театр, гимнасий, другие общественные здания и оборонительные сооружения. Архитекторы также занимались постройками крупных кораблей, обустройством гаваней и верфей (Блавтская, 1983, с. 214–281). Витрувий в своем трактате «Об архитектуре» (I, 1, 3) охарактеризовал круг знаний необходимых архитектору. Он «должен быть грамотным человеком, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, знать решения юристов и

обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» (перевод Ф.А. Петровского). Конечно, архитектор должен был изучить многие сочинения своих предшественников по теории и практике архитектуры. Такие труды существовали уже в VI в. до н. э., и их число постоянно пополнялось, о чем подробно написал Витрувий. В VI–IV вв. до н. э. высококвалифицированных архитекторов в Элладе было немного (Ps. Plat. Amatores. 135 b).

Античные города Северного Причерноморья стали нанимать архитекторов уже в архаический период. В Борисфене, Ольвии и Нимфее в конце VI–V вв. до н. э. ионийские архитекторы строили небольшие храмы и привозили для их украшения расписные терракотовые детали: акротерии, антефиксы, капители и др. (Крыжицкий, 1983, с. 50–53, рис. 22–24). В V в. до н. э. опытный зодчий построил в Пантикапее большой храм, посвященный Аполлону. Монументальное здание венчало акрополь города и было видно издали кораблям, плывущим по проливу Босфор Киммерийский. Остатки храма позволили ученым сделать его реконструкцию. Он достигал высоты 14 м., на фасаде располагалось 6 колонн, возможно, они также окружали и остальные стороны храма, украшенного мраморными рельефами. По мнению современных исследователей, один Пантикапей не имел возможности оплатить постройку такого крупного и дорогого сооружения. Его финансировали также другие, тогда еще независимые ионийские колонии на Боспоре Киммерийском (Пичикян, 1984, с. 156–170). Все они справляли у этого величественного храма общие праздники и приносили здесь жертвы Аполлону Врачу, так же как в их метрополии ионяне собирались из 12 городов в святилище Панионион (Her. I, 148).

Эллины нанимали архитекторов не только для строительства новых зданий, но и для перестройки и ремонта разных сооружений. В Северном Причерноморье об этом свидетельствуют надписи о возведении и ремонте оборонительных сооружений и их руины в Ольвии и Херсонесе (IOSPE I². 32, 179; Виноградов 1985, с. 138–139; Крыжицкий 1993, с. 64–66, 97–111, 181–183), а также выводы археологов о перестройках ольвийской стои (Леви, 1985, с. 90) и херсонесского театра (Домбровский 1960, с. 30–36).

Азами архитектурного образования могли владеть местные опытные строители. В городах Северного Причерноморья они возводили благоустроенные частные дома, колодцы, крупные облицованные камнем цистерны, винодельни и др. Но, конечно, такие сооружения, как театр, гимнасий или храм были им не под силу.

О деятельности архитекторов в античных городах Северного Причерноморья можно судить главным образом по остаткам их построек. Таковы, например, фундаменты храмов Аполлона Дельфиния и Зевса на Центральном теменосе Ольвии, оборонительные стены и башни Херсонеса, комплекс зданий на акрополе Пантикапея и др. Остатки театра обнаружены в Херсонесе, по нескольким надписям известно о театре в Ольвии, а о театрах в городах Боспора упомянул Полиэн (*Strat.* V, 44). Их могли построить только опытные приглашенные архитекторы. К сожалению, в надписях о строительстве тех или иных сооружений обычно названы имена магистратов, наблюдавших за выполнением заказа, или тех, кто оплатил строительство, а об архитекторах упоминается крайне редко и только в надписях римского времени. Например, архитектор, уроженец Никомедии, построил в Ольвии баню, а в надписях Танаиса встречаются имена архитекторов, соорудивших оборонительные стены и башни (*IOSPE I*². 174; КБН. 1245, 1249, 1250, 1252).

Труд хорошего архитектора стоил дорого, обычно он работал не один, а с квалифицированными помощниками, которых тоже следовало нанять (Блаватская, 1983, с. 259–272, 278). Средства для этого не всегда находились в городской казне. Тогда обращались за помощью к богатым гражданам, таким как ольвиополит Протоген, выделивший средства на строительство стены и реставрацию четырех башен. Из-за недостатка денег или из-за спешности постройки иногда пытались обойтись без опытного специалиста. Так в IV в. до н. э. часть оборонительной стены у Западных ворот Ольвии построили безграмотно в конструктивном отношении: профессиональный архитектор не сложил бы фундамент из сырцового кирпича и не поместил бы его на культурном слое, вместо того чтобы снять грунт до уровня материка (Крыжицкий, 1999, с. 112, 190).

Деятельность врача была еще одной профессией, требовавшей углубленного образования. Вероятно, во время хорошего экономического состояния государства в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, нанимали для граждан врачей за общественный счет. О присутствии врачей в Херсонесе и в Ольвии свидетельствуют несколько надгробий и находки хирургических и других медицинских инструментов (Соломоник, Антонова, 1974, с. 94–105; Хомчик, 1991, с. 63–68). Сейчас по эпитафиям известны имена врачей Дионисия, Эвклеса и Лесханорида, практиковавших в Херсонесе в конце IV–III вв. до н. э. Двое последних были уроженцами острова Теос. В римское время врачи приезжали вместе с legionерами, служившими в Таврике. Здесь в I в. н. э. погиб врач Ведий Трепт во время нападения варваров (Соломоник, 1983, с. 44, № 13).

Школьные знания как основа для многих профессий

В предыдущем разделе говорилось, для какого рода деятельности в античности требовалось высшее образование. Однако, многим профессиями можно было овладеть, имея среднее и даже начальное образование.

Вскоре после основания колоний в Северном Причерноморье появилась необходимость в образованных магистратах, следящих за городским благоустройством и знающих законы торговли. Такие магистраты назывались у греков астиномами, то есть смотрящими за законностью в городе, и агораномами, то есть блюдущими порядок на рынке. В крупных городах их было несколько (Aristot. Polit. II, 50), а в небольших обе функции исполнял один человек. Агораном заботился о дорогах, ведущих к рынку, собирал арендную плату за место на рынках, следил, чтобы продавцы не обманывали покупателей, контролировал, как менялы соблюдали введенные государством тарифы обмена иностранных монет на местные. Он следил также за справедливостью оплаты поваров, флейтисток и других, кого на рынке нанимали на временную работу. Астином смотрел за содержанием в порядке зданий, улиц, водостоков, колодцев и источников, он осуществлял надзор за соблюдением порядка в городской гавани, наблюдал за состоянием городских оборонительных сооружений, следил, чтобы границы застроек не захватывали часть улицы, чтобы двери и окна открывались внутрь, а не наружу, потому что улицы были очень узкими (Jones, 1940, p. 214).

Начало деятельности таких магистратов на северных берегах Черного моря относится ко второй половине VI в. до н. э. Тогда в Борисфене выстроили городской квартал с регулярной планировкой, в Ольвии отвели определенное место для агоры и двух священных участков, теменосов, а в городских кварталах стала соблюдаться красная линия застройки (Крыжицкий, 1999, с. 110–111.).

О деятельности агораномов в античных государствах Северного Причерноморья свидетельствуют упоминания в ольвийских

и херсонесских надписях (IOSPE I². 128, 129, 418, 440, 685; NO. 90), а также находки эталонных гирь и мерных сосудов. Последние использовались в основном для розничной продажи вина и оливкового масла. Древнейшие из них относятся к концу VI в. до н. э. Таковы несколько ойнохой местного производства с особыми клеймами из Фанагории, а также найденные на Березани бронзовые разновесы с изображением стрелы, символа Аполлона, верховного божества Борисфена, и ойнохой с надписью δίκαιον — узаконенная мера (Блаватский, 1964, с. 31; Виноградов, 1989, с. 63). Археологи обнаружили немало подобных сосудов и гирь более позднего времени. На них иногда ставилось имя агоранома, например, имя ольвийского агоранома Апатурия читается на пяти мерных сосудах эллинистического времени, обнаруженных при раскопках торговых рядов на агоре (Леви, 1985, с. 98, рис. 99). Для мерной ойнохой IV в. до н. э. в Пантикапее сделали клеймо с таким же изображением головы сатира, как на местных монетах, а в Ольвии эталонные гири эллинистического времени украшали рельефами с головой Аполлона, возглавлявшего ольвийский пантеон, или фигуркой дельфина, символом этого бога (рис. 14; Блаватский, 1964, с. 32; Крапивина, 1980, с. 89–90). Упоминания ольвийских агораномов в надписях, а так же на клеймах на бронзовых и свинцовых гирях и на мерных сосудах позволяют заключить, что до начала III в. до н. э. в Ольвии функцию агоранома исполнял один человек, затем их число увеличилось до трех, а в римское время доходило до пяти (Рубан, 1982, с. 30–40). Вероятно в круг их обязанностей входили также функции астиномов, как и в других греческих городах эллинистического периода (Jones, 1940, p. 214).

Когда в Северном Причерноморье в классический период выросло население городов и увеличилась их площадь, потребовались глашатаи, обладающие громким голосом, ясной дикцией и умением читать врученные им документы. Греческие глашатаи ходили по городу, объявляя даты сбора граждан на Народное собрание и на заседание Совета, исполнительного органа власти, они извещали о днях проведения судебных разбирательств и других мероприятий, например, публичных торгов. Перед началом Народного собрания или Совета глашатай по имевшемуся у него

утвержденному списку проводил переключку присутствующих граждан. Этот древний обычай, восходящий к архаическому периоду, упомянул в своих стихах Алкей (fr. 24 с): «как хочется услышать глашатая, выкрикивающего в Народном собрании и Совете мое имя Агесилаид».

Прямые и косвенные сведения о глашатаях в Северном Причерноморье в наибольшем количестве сохранились в эпиграфических памятниках Ольвии, отдельные упоминания о них встречаются в надписях Тиры и Херсонеса (IOSPE I². 2, 31, 32, 34, 38, 40, 46, 51, 52, 57, 344, 433; НО. 28, 43), а на Боспоре они отсутствуют, хотя трудно представить какой-либо греческий город без глашатая. Это объясняется тем, что упоминания о глашатаях в основном имеются в почетных декретах, которые оканчивались словами о решении увенчать золотым венком либо поощрить иной наградой гражданина или иностранца, оказавшего значительные услуги государству, и распорядиться, чтобы глашатай провозгласил текст декрета на самых многолюдных праздниках. Так было принято в государствах с демократической формой правления. Боспором же правили цари, которые не практиковали такую форму благодарности своим согражданам и иностранцам, хотя сами охотно получали такие почести в Афинах (МИС. 3, 4).

Глашатаи читали декреты на празднествах Диониса в театрах Ольвии и Херсонеса, на празднике Парфении в честь главной богини Херсонеса и во время наиболее престижных конных состязаний на Ахилловом Дроме (IOSPE I². 31, 34, 344, 352). Иногда принимались решения огласить постановление в двух местах. Например, ольвийский декрет о награждении золотым венком херсонеситов Аполлодора, Аполлония и Евфрона глашатай читал в Народном собрании и в театре (НО. 28). В Ольвии глашатаи также провозглашали благодарственные декреты во время торжественных похорон граждан, имевших заслуги перед отечеством (IOSPE I². 40, 46, 51, 52).

По аналогии с другими греческими городами можно думать, что в Северном Причерноморье глашатаи ходили по городу, объявляя день заседания суда и извещали об этом истца и ответчика. Они вызывали желающих взять на откуп сбор государственных

налогов и штрафов или подрядиться выполнить какой-либо государственный заказ, например, на строительство или ремонт общественных зданий или оборонительных сооружений. Относительно сдачи на откуп штрафов известно из ольвийского декрета об обмене денег, а в декрете в честь Протогена сказано, что он через глашатая объявил о том, что оплачивает возведение городской стены, защищающей город со стороны реки, и предлагает подрядчикам взять на откуп это строительство (IOSPE I². 24, 32).

Грамотные люди становились глашатаями, когда их на это толкала бедность. Платон в «Законах» (918 в) и Феофраст в «Характерах» (гл. 6) называли эту деятельность недостойной гражданина. Но в римский период, видимо, отношение к этому изменилось. В Херсонесе наряду с поэтами и трубачами состязались глашатаи, их имена вместе с другими победителями праздничных состязаний записывали в каталог на мраморной стеле и ставили около театра (НЭПХ. 127). Поэтому можно заключить, что они были полноправными членами общества, так как на греческих агонах всегда принимали участие только граждане любого эллинского государства.

В процессе формирования государственного аппарата появляются секретари. Название этой должности *γραμματεὺς* происходит от слова *γράφω*, буква, то есть подразумевает грамотного человека, способного вести документацию. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи III в. до н. э. на стеле коллегии ситонов (НО. 72), которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. (рис. 15).

Безусловно, при исполнительных органах власти секретари появились в античных городах Северного Причерноморья уже в V в. до н. э., когда здесь стали вести подробную документацию. Секретари редактировали и записывали по определенным формулам постановления Народного собрания, законы и другие документы, которые поступали в городской архив. Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении. Таковы были почетные декреты о наградах и проксении иноземным

гражданам (рис. 16), в которых говорилось о предоставлении им особых льгот, а иногда и гражданства. Деятельность секретарей подробнее будет описана в разделе о местных историках.

Начиная с V в. до н. э. вплоть до заката античной эпохи, в городах Северного Причерноморья жили каменотесы, вырезавшие надписи; для этой профессии требовалось умение читать и писать. Они выполняли различные заказы государства и частных лиц. На известняковых и мраморных плитах резчики по камню писали официальные документы, посвятительные надписи и эпитафии. Многие из них найдены при раскопках всех античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. К настоящему времени опубликованы сотни надписей, и число их постоянно увеличивается, поступая из новых раскопок.

Древнейшие надписи на каменных стелах, появившиеся в северопричерноморских колониях, обнаружены в Нижнем Побужье. Они выполнены мастерами из метрополии. Такова эпитафия гражданина Борисфена Мастора, сына Берта, погибшего в середине VI в. до н. э. Ее пять строк выбиты на известняковой плите; они написаны в архаической манере бустрофидона, то есть первая строка справа налево, вторая слева направо, третья справа налево и так далее. Этот роскошный по архаическим меркам памятник с изображением воина и стихотворной эпитафией был заказан в Ионии и привезен на Березань (Яйленко, 1982, с. 260–263). Также ионийским мастером в начале V в. до н. э. сделан рельеф и надпись на мраморной стеле, стоявшей на могиле Леокса в некрополе Ольвии (Культура населения Ольвии, 1987, с. 158–159). Дорогие надгробия из Эллады продолжали привозить в Северное Причерноморье на протяжении всей античности. Таковы, например, аттические надгробные памятники с рельефами классического периода из Ольвии и городов Боспора, или афинский саркофаг римского времени из Мирмекия (Саверкина, 1962, с. 247–263; Скржинская, 1998, с. 186–187). Но большинство родственников умерших заказывали памятники с надписями у местных мастеров.

В начале V в. до н. э. местные резчики по камню еще не достаточно хорошо овладели искусством делать надписи, что видно на древнейших ольвийских надписях, сделанных по заказу государ-

ства и частных лиц. Это первая из известных сейчас проксений в Северном Причерноморье, две посвятительные надписи и три эпитафии. Буквы на них вырезаны глубоко и небрежно, не соблюдены расстояния между строками и отдельными буквами, мастер не делал предварительной разметки, поэтому иногда в строку помещались не все буквы (IOSPE I². 212, 213, 215; NO. 1, 103, 167). Большинство же более поздних надписей из Северного Причерноморья исполнены на хорошем профессиональном уровне, сохранявшемся практически до конца античной эпохи.

Начальное образование со знанием счета требовалось тем, кто занимался торговлей, ростовщичеством и обменом денег. Простейшие расчеты производили торговцы и покупатели на рынках, употребляя мелкие местные монеты. В Борисфене, Ольвии и Пантикапее их стали массово выпускать уже в конце архаического времени, а позже их чеканили и во многих других городах Северного Причерноморья. Цифровые записи постоянно находят при раскопках не только городов, но и небольших поселений (Сапрыкин, Масленников, 2007).

Начиная с VI в. до н. э., несколько сотен греческих городов и их колоний выпускали собственные монеты в разных денежно-весовых системах. Интенсивная торговля требовала возможности приравнивать друг к другу денежные единицы разных полисов. Так появилась профессия менялы. Он раскладывал деньги и проверял качество монет на особом столе, называвшемся трапезой, откуда произошло греческое название этой профессии — трапезит. Трапезиты существовали в каждом греческом городе, и их деятельность требовала определенного образования. Ведь они занимались не только обменом денег одной денежной системы на другую и проверкой качества монет, но также давали деньги под залог ценных вещей, осуществляли денежные переводы в другие города, выдавали займы под проценты. Кроме того, за определенную плату они хранили ценности и разные документы, совершали от имени клиента различные сделки, выступали посредниками при заключении договоров и разных платежей. Греческие трапезиты первыми стали практиковать введение в оборот чужих денег; это, по мнению современных ученых, является решающим до-

казательством того, что древняя Эллада была родиной банковского дела.

О трапезитах в Северном Причерноморье известно по эпиграфическим источникам и различным косвенным данным. В декрете Протогена сохранилось имя ольвийского трапезита Полихарма, которому архонты на городские нужды заложили священные сосуды. Срок выкупа подходил к концу, и трапезит собирался отдать эти сосуды на переплавку, но Протоген выкупил их за 100 золотых. Стоит подчеркнуть, что Полихарм назван иностранцем, то есть не гражданином Ольвии. Ведь профессия трапезита считалась в древности не достойной гражданина, и ею занимались в основном свободные, но неполноправные жители греческих городов. Характерно, что большинство из известных афинских трапезитов IV в. до н. э. не были гражданами (Глускина, 1975, с. 73–74).

Косвенное свидетельство об ольвийских трапезитах IV в. до н. э. содержится в законе об обмене денег (IOSPE I². 24), так как подобные операции осуществляли трапезиты. Приезжие купцы, наверное, делали краткосрочные вклады в местные трапезы для сохранения своих денег. Так, например, сразу же поступил молодой боспорянин, приехавший в Афины с большой суммой денег; друзья отца немедленно представили его крупнейшему афинскому трапезиту Пасиону, которому боспорянин отдал на сохранение свои деньги и в дальнейшем вел с ним много финансовых дел (Isocr. XVII, 4).

Уже в V в. до н. э. в греческих колониях не хватало небольшого числа образованных граждан из аристократических семей, дававших детям домашнее образование. Начальное образование стало требоваться для овладения рядом профессий в среде широких слоев населения. В результате такой необходимости появилась профессия учителя начальной школы. Он брался обучить чтению, письму и счету не только детей граждан, но и сыновей неполноправного населения. В эллинистический период в некоторых греческих городах девочки также могли посещать школу, но о такой возможности в Северном Причерноморье не имеется никаких сведений.

По письменным источникам известно, что в более или менее крупных городах Эллады школы существовали уже в начале V в. до н. э.; тогда в Аттике и на Хиосе там обучалось по несколько десятков учеников (Her. VI, 27; Aristoph. Nub. 964–965; Paus. VI, 9, б). О широком распространении грамотности и следовательно о школах в античных городах Северного Причерноморья косвенно свидетельствуют находки множества прочерченных на керамике и штукатурке надписей самого разнообразного содержания. Среди этих граффити есть три десятка ученических упражнений (Яйленко, 1988, с. 54–60). О местных учителях вообще не уцелело никаких сведений, вероятно, потому что учить грамоте считалось мало подходящим занятием для гражданина (Plat. Prot. 313 b; Dem. XVIII, 358). Учителями начальной школы становились те, от кого отвернулась удача. Такими людьми были, например, политические изгнанники или разорившиеся граждане. Их нужда заставляла учить, причем за небольшую плату. (Athen. IV, 184). Начальное обучение оплачивали родители, а работа по найму частных считалась недостойной гражданина. Поэтому над учителем можно было посмеяться и упрекнуть за такой заработок. Демосфен, чтобы выставить в невыгодном свете своего оппонента оратора Эسخина, говорил, что его отец был учителем начальной школы, и сын ему помогал (Dem. XVIII, 129–131; XIX, 129). Такими же сведениями старались унижить философа Эпикура его противники (Diog. Laert. X, 4).

Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной никакая особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве. На некоторых граффити со школьными упражнениями из Тиры и Ольвии можно увидеть следы деятельности учителя, исправлявшего ошибки ученика, о чем говорилось в разделе о начальной школе.

Итак, школьное образование помогало овладеть многими профессиями, в числе которых были учитель, глашатай, каменотес, исполняющий надписи, секретарь коллегии или суда, трапезит

и другие. Школа открывала доступ к высшему образованию; им владели многие государственные деятели, философы, логографы, врачи, архитекторы и авторы литературных и публицистических сочинений.

Письма частные и официальные

В научной литературе опубликовано несколько десятков писем, обнаруженных при раскопках античных городов и поселений в Северном Причерноморье. Однако до сих пор еще не было общего обзора этих писем, не выделялась их наличие как свидетельство о разных уровнях образования авторов посланий и не выяснялась роль переписки в повседневной жизни местного населения.

После появления письменности к традиционному устному обмену информацией прибавилась возможность передавать на отдаленные расстояния разнообразные сообщения, не знакомя с их содержанием передающего письмо. Древнейшее упоминание о греческом письме содержится в «Илиаде» (VI, 168–169). Царь Тиринфа Прет отправил своему зятю письмо с рекомендацией погубить Беллерофонта, причем сам герой, ничего не подозревая, доставил это письмо. Конечно, у Гомера это поэтический вымысел, отнесенный к мифологическим временам жизни старших греческих героев. Но показателен сам рассказ о письме: он свидетельствует о том, что слушатели эпических поэм уже в конце VIII в. до н. э. знали о возможности посылать письма. В античной литературе сохранилось несколько упоминаний о письмах правителей архаического времени (Her. III, 40; Thuc. I, 128, 129, 137). Все это показывает, что ко времени появления греческих колоний на северных берегах Черного моря письма вошли в обиход образованных эллинов. Благодаря археологическим находкам, уверенно можно говорить о переписке должностных и частных лиц в Северном Причерноморье, начиная с VI в. до н. э.

Греки использовали для писем различные материалы: деревянные таблички, натертые воском, папирус, выделанную кожу, свинцовые и костяные пластинки и обломки керамики. Первые три материала плохо сохраняются в земле, так что их находки представляют большую редкость и не встречались до сих пор при раскопках в Северном Причерноморье. Изображения папирусных свитков и восковых табличек изредка можно увидеть на местных

памятниках искусства. Таковы херсонесская статуя мужчины со свитком в руке (рис. 13) или таблички для письма на фреске из некрополя Горгиппии и на терракоте из Ольвии (Алексеева, 1984, с. 83, 140, табл. 42; Худяк, 1940, с. 96, рис. 77).

Восковые таблички были одним из наиболее распространенных средств для переписки. Получив послание, адресат мог стереть его после прочтения и на разглаженном воске написать ответ. То же самое можно было сделать и на свинцовой пластинке. Письма передавали либо со специально посланным человеком, либо с тем, кто отправлялся по своим делам в нужном направлении.

Чтобы письмо мог прочесть только адресат, в табличках делалось отверстие для продевания шнура, который скрепляли печатью, так что ознакомиться с текстом можно было, лишь сломав печать. Обычно ею служил кусочек воска с оттиском геммы, принадлежавшей автору письма. Сходным образом запечатывали свернутые в трубку письма на папирусе, которые оборачивали шнурком, а его концы или завязанный узел скрепляли печатями. Они были в древности весьма разнообразны. Состоятельные люди заказывали уникальные по мастерству изделия у выдающихся ювелиров. Адресаты, как правило, узнавали подлинность письма по печати. Ее роль как удостоверения личности греков и римлян великолепно отражена в рассказе Тацита о Петронии, приближенном императора Нерона. Перед тем как кончить жизнь самоубийством, Петроний сломал свой перстень с печатью, чтобы его не могли использовать для составления подложных документов (Тас. Ann. XVI, 19).

В археологических коллекциях из всех городов, некрополей и многих поселений на северных берегах Черного моря найдено множество печатей, которыми запечатывали письма. Среди них есть шедевры античной глиптики, исполненные на полудрагоценных камнях выдающимися мастерами, например, Дексаменом Хиосским (рис. 17); менее обеспеченные люди приобретали дешевые поделки из стекла (Неверов, 1983, с. 107–122). По этим изделиям можно судить о вкусах и имущественном положении обладателей печати. Например, искусно вырезанная яшмовая инталия

с изображением юноши, играющего с петухом (рис. 18), по всей вероятности, принадлежала состоятельному боспорянину, любителю широко распространенных в античности петушиных боев (Неверов, 1976, № 32).

После появления письменности греки не одно столетие часто писали письма на свинцовых пластинках и обломках глиняных сосудов и черепицы. В эллинистический период папирус стал достаточно дешев, и тогда он вытеснил из употребления упомянутые менее удобные материалы для письма, которые смогли сохраниться в земле. Поэтому в Северном Причерноморье уцелели образцы писем, написанных на керамике и металле в VI–III вв. до н. э. (рис. 5, 19). Есть также несколько официальных писем римского времени, так как в виду важности некоторых таких посланий их копии вырезали на камне и выставляли в общественных местах наряду с другими документами.

Содержание писем зачастую трудно понять из-за плохой сохранности и краткости, подразумевающей знание адресата, о чем идет речь. Например, в письме на свинцовой пластинке IV до н. э. из Пантикапея некий Гермей пишет о каких-то вещах или людях в количестве 50 и разрешает своему адресату взять, сколько потребуется (Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 203). На ряде уцелевших писем есть невосполнимые утраты, но и в случаях, если текст хорошо читается, возникают затруднения при его понимании из-за плохо известных нам фонетических, морфологических и синтаксических особенностей языка греческих колонистов. Поэтому большинство из приведенных ниже писем имеют неоднозначное толкование, но мы анализируем те предложенные учеными варианты, которые кажутся нам более убедительными.

В Северном Причерноморье древнейшие известные сейчас письма посылали в архаический период жители Борисфена, Ольвии и Фанагории. В третьей четверти VI в. до н. э. в Ольвию было доставлено письмо на стенке амфоры стиля Фикеллура, его условно называют письмом жреца. Текст состоит из 12 не полностью сохранившихся строк. В них содержится отчет некоего лица, совершавшего инспекционную поездку по округе полиса. Автор пишет, что он увидел разрушенные алтари Геракла, Матери богов и реч-

ного божества Борисфена. Кроме того, он сообщает об отправке в город древесины и об отлове диких лошадей, которых, наверное, здесь приручали, а также упоминает о попытке бегства рабов (Русева, 1987, с. 146–147; Яйленко, 1998, с. 90).

Важная информация о жизни бедных граждан содержится в письме из раскопок Березани (рис. 19), оно написано во второй половине VI в. до н. э. (Виноградов, 1971, с. 83–100). Свинцовая пластинка с текстом из 13 строк была свернута в свиток, а на его внешней стороне начертан адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Приведем текст письма в переводе С.Р. Тохтасьева (2005, с. 142).

«О, Протагор, тебе пишет отец. Он подвергается беззаконию со стороны Матасия, ведь тот обманывает его и отнял у него грузоперевозчика. (?). Придя к Анаксагору, разъясни (ему ситуацию), ведь он (Матасий) говорит, что он (грузоперевозчик) — раб Анаксагора, заявляя «моим имуществом владеет Анаксагор, и рабами, и рабынями, и домами». Он же (грузоперевозчик) кричит и говорит, что он свободный и не имеет никакого отношения к Матасию, а если что есть (спорного) у него и Анаксагора, то они знают, (что к чему) сами по себе. Это надо сказать Анаксагору и его жене. И другое: он (отец) тебе пишет: твою мать и твоих братьев, которые находятся в Арбинатах, надо доставить в город; сам же... когда придет к нему (Анаксагор?), пусть прямиком отправится (в город?)».

В начале письма речь идет о некоем фортегесии. Слово стоит в родительном падеже, поэтому не ясно, мужского оно или среднего рода; определить это невозможно, потому что такое слово ни разу не встречалось в античной литературе и эпиграфике. Однако понятно, что оно родственно глаголу *φορτῆνύειν*, имеющему значение перевозить или переносить грузы. Ю.Г. Виноградов и С.Р. Тохтасьев склоняются к мужскому роду этого слова и переводят его как грузоперевозчик. Если же отнести это слово к среднему роду, то, видимо, имеется ввиду грузовой корабль, а Матасий хочет поработать Ахиллодора, называя его рабом (Тохтасьев, 2005, с. 143). Таким образом, речь идет об обращении в рабство свободного человека, что нередко случалось в античности. Достаточно напомнить,

что в 389 г. до н. э. философ Платон, оказавшись на враждебном Афинам острове Эгине, был продан в рабство и затем выкуплен друзьями. Во второй части письма говорится о том, что отец посылает из поселения Арбинаты в город (вероятно, в Ольвию) свою жену и сыновей, наверное, на какие-то праздники.

В письме упомянут не известный по другим источникам топоним Арбинаты на территории Нижнего Побужья. Послание Ахиллодора касается имущественного и социального конфликта с участием рабов. Этот текст вместе с близким по времени «письмом жреца» содержит древнейшее среди весьма немногочисленных свидетельств об использовании труда рабов и рабынь в колониях Северного Причерноморья. К этому следует добавить известие в частично сохранившемся свинцовом письме, написанном между 530 и 510 гг. до н. э. и полученном в Фанагории: «Этот раб доставлен из Борисфена на продажу, имя его Фаулл». Так мы узнаем о прямых контактах Борисфена с Боспором и о существовании торговли рабами в Северном Причерноморье уже в VI в. до н. э. (Тохтасьев, 2010, с. 50).

Более поздние известные сейчас письма классического и эллинистического времени имеют, как и предыдущие, в основном деловой характер. Обычно они начинаются приветствием адресата и заканчиваются традиционным прощанием. Некоторые представляют краткие записки. Таково упомянутое выше письмо Родона Гераку (рис. 5) или написанное на амфоре сообщение некоего Майдата, что он придет (Соломоник, 1984, с. 90, № 456), а также письмо на стенке амфоры, найденное в окрестностях Ольвии: «Пусть Агрот пошлет Ахиллу из дому» (Русяева, 1987, с. 147–148). Краткая записка на стенке амфоры из Херсонеса содержит упоминание о продажной женщине и свидетельствует, что в IV в. до н. э. в городе находились девицы такого рода (Соломоник, 1987, с. 126–127).

Редкие сведения, касающиеся судебных дел, содержатся в двух ольвийских письмах на свинцовых пластинках. В одном Баттикон сообщает Дифилу о своей неудаче в судебной тяжбе, а в другом некий неизвестный ольвиополит обещает судье взятку за то, чтобы он не допустил выступления свидетелей, неугодных автору

письма (Виноградов, 1971, с. 79; он же, 1987, с. 14–15). Из ольвийского свинцового письма Артикона к родственникам мы узнаем об его семье, не имеющей собственного дома и вынужденной арендовать комнату для жилья. Таким образом, в Ольвии уже в начале V в. до н. э. домовладельцы могли получать доход за сдачу в наем отдельных помещений (Виноградов, 1971, с. 78; Яйленко, 1998, с. 111–115). В письме, написанном на стенке амфоры в Никонии в IV в. до н. э., говорится о посылке корабля с грузом ячменя (Giuszek, 2012, р. 499), а в письме из Керкинитиды его адресат Невмений получает распоряжение, как поступить с товарами и просьбой узнать, кто отправляется в Скифию (Соломоник, 1987, с. 119–120).

Письма на керамике и на свинцовых пластинках в основном написаны частными лицами. Удалось найти лишь два исключения. Это упомянутое выше так называемое письмо жреца, посетившего окрестности Ольвии, и боспорское письмо царского чиновника Ботроса. Он обращается к некому магистрату, отвечавшему в городе Акра за состояние культовых и общественных построек; и дает распоряжение позаботиться о защите от влаги городского святилища и стои (Сапрыкин, Федосеев, 2008, с. 72–74). Что касается римского времени, то все известные сейчас письма из Северного Причерноморья принадлежат официальным лицам. Копии их текстов в виду важности их содержания вырезали на каменных стелах и выставляли на всеобщее обозрение наряду с законами, декретами и другими документами.

Переписка правителей и магистратов в государствах Северного Причерноморья безусловно велась с раннего периода существования колоний, но уцелели лишь тексты первых веков нашей эры. Об официальных письмах более раннего времени есть лишь редчайшие упоминания в античной литературе и эпиграфике. Из «Банкирской речи» Исократу известно, что боспорский царь Сатир в начале IV в. до н. э. написал в афинский суд письмо в поддержку своего подданного Сопеида (Isocr. XVII, 51). Отправляя послов в другие государства, боспорские цари передавали с ними официальные письма. Краткое содержание такого письма изложено в афинском декрете, изданном в честь боспорских царей Спартока и Перисада, которых афиняне в 347 г. до н. э. наградили золотыми

венками (МИС. № 3). Сразу после прихода к власти эти боспорские правители отправили послов в Афины, снабдив их своим личным письмом. В нем они сообщали, что намерены сохранять ту же благоприятную для Афин политику, которую проводил их покойный отец царь Левкон. Кроме того они просили афинян прислать им матросов, и как явствует из декрета, просьба была удовлетворена.

Письма царей в эллинистический период стали новым типом официальных документов, имевших полноценное юридическое значение (Welles, 1934, p. 27). Сейчас их принято называть рескриптами (от латинского *rescriptum* — «ответное письмо», а также «императорский указ»). Лучше всего сохранились папирусные письма египетских монархов. Подобные письма известны сейчас также по их копиям, вырезанным на каменных стелах. В римское время теми же юридическими правами стали пользоваться письма императоров и наместников провинций, которые, придавая особое значение некоторым своим распоряжениям, рекомендовали выставить на видном месте в городе копии некоторых своих писем.

Письма монархов во всем античном мире писались по определенным правилам; их составляли образованные чиновники, заведовавшие деловой перепиской в царской канцелярии. Эту должность нередко занимали риторы (Миллер, 1967, с. 9). Среди эпиграфических памятников Боспора есть несколько писем местных царей. Старшее из них написано от лица Полемона в конце I в. до н. э. и обращено к Совету и народу Херсонеса (IOSPE I². 704). К сожалению, сохранился лишь обломок стелы с традиционным обращением царя, которое употреблялось в отношении городов, пользовавшихся правом самоуправления; о содержании письма можно высказывать лишь предположения, исходя из сведений о политической обстановке того времени (Зубарь, 2004, с. 43). Так же незначительные остатки уцелели от царских рескриптов на стелах из Пантикапея и Горгииппии (КБН. № 836, 1050, 1207; Яйленко, 2010, с. 296–309).

Только два рескрипта Аспурга на мраморной стеле из Горгииппии дают возможность хорошо представить, каковы были официальные письма боспорских царей. Они составлены по принятым в то время трафаретам: письмо пишется от первого лица и начи-

нается с обращения монарха к своим чиновникам, затем излагается основание для издания распоряжения, потом следует само постановление, а в заключении передается привет и ставится дата (Блаватская, 1965, с. 201).

Стела с почти полностью сохранившимися копиями двух писем Аспурга, написанных в апреле–мае 15 г. н. э., была вмонтирована в стену храма, стоявшего в центре Горгииппии. Об этом свидетельствует место находки и высеченный над рескриптами посвященный текст: «Горгиппияне воздвигли Зевсу Спасителю». Приведем перевод этих писем, сделанный, Т.В. Блаватской в первой публикации этого памятника.

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно расположен к городу горгииппиян и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменными согласно родственному закону Евпатора. Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия 20-го дня».

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгииппиянам, (друзьям моим) я дал освобождение от (уплачиваемых податей) с вина, пшеницы и (ячменя) одной одиннадцатой, с проса же (одной двадцатой, то решил написать) Вам с тем, чтобы вы устроили согласно (моему решению). Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия...» (Блаватская, 1965, с. 200).

В утраченных словах второго письма говорилось о сумме налога на просо и сообщалось о царском распоряжении магистратам. Они выполнили волю царя, заказали стелу с копией царских писем и поместили надпись на стене храма в центре города, чтобы все могли ознакомиться с решениями Аспурга и руководствоваться ими в дальнейшем. Оба документа закрепляли юридические и экономические привилегии, данные царем гражданами Горгииппии.

пии, по-видимому за лояльное отношение к царю во время волнений в других боспорских городах, когда Аспург уезжал в Рим..

Анализируя язык рескриптов, Т.В. Блаватская отметила отличное качество стиля и языка надписей, в которых имеется лишь одна орфографическая погрешность. Это указывает на высокую образованность составителей писем: они обладали хорошей профессиональной выучкой, употребляли специальные формулы и термины, встречающиеся во многих документах разных греческих государств и в то же время вырабатывали и собственные термины (Блаватская, 1965, с. 198–202).

В письмах содержатся уникальные сведения о поездке Аспурга к императору Тиберию в Рим, где он получил титул «друга римлян» (*amicus populi romani*), что подразумевало заключение дипломатического союза между Римом и Боспором в форме, называвшейся *amicitia*. Мы узнаем имена царских чиновников Панталеонта и Феангела, к которым царь, как было принято, обращается только по имени, не называя их должности. Вероятно, они возглавляли царскую финансовую администрацию Горгиипии и носили звание экономов; в их обязанности входило взимание налогов в царскую казну. Граждане Боспора, как во многих других государствах того времени, облагались поземельной податью в размере, зависевшем от урожая зерновых и винограда. Аспург не отменял, но снижал эти налоги. Видимо такие послабления царь дал только для поземельных налогов, не затрагивая рыболовства, ремесел, мореходства и торговли.

Вероятно, упомянутые чиновники также наблюдали за городскими судами, где разбирались громкие гражданские дела, в том числе процессы о наследстве. Письмо Аспурга свидетельствует, что горожане были недовольны действовавшим законом о наследстве и желали вернуть закон, установленный при Митридате Евпаторе, и царь разрешил это сделать.

Две надписи из Херсонеса и Тиры показывают, что там также пользовались услугами образованных чиновников, умевших вести деловую переписку по законам, принятым в античном мире. Обе надписи представляют образцы переписки гражданских общин Херсонеса и Тиры с наместником Нижней Мезии. Тира одно время

входила в состав этой римской провинции, а в Херсонесе стояли римские войска, подчинявшиеся легату Нижней Мезии.

На мраморной плите, найденной в Херсонесе, начертаны копии шести документов; из них три написаны по-гречески и три по-латыни (Ростовцев, 1916, с. 63–69; Соломоник, 1983, с. 20–27). Первое письмо магистратам Херсонеса отправлено наместником Нижней Мезии; второе херсонеситы написали наместнику провинции, третье представляло ответ наместника, четвертое и пятое посланы наместником к Аттилию Примиану, трибуну легиона, командующему херсонесской вексилляцией, и центуриону Валерию Максиму, шестое обращено к этим обоим римлянам. Таким образом, только второе письмо составлено херсонеситом. Оно написано по-гречески, как и ответ наместника. Напомним, что всякий образованный римлянин знал греческий язык. Но к римским военачальникам наместник обращался на латыни, официальном языке империи.

Из этих документов мы узнаем, что публичные дома и отдельные девицы легкого поведения облагались определенным налогом, одна часть которого шла в городскую казну, а другая полагалась римскому гарнизону в оплату за защиту города. Подобные проституционные подати, как известно из древних надписей, существовали во многих античных городах. Легионеры сочли, что им достается слишком малая доля от налога; они самовольно стали забирать большие суммы и просили легата узаконить их требования. Херсонеситы, со своей стороны жаловались на незаконные поборы и ссылались на изданные раньше документы, в которых четко определялась их доля в этом налоге; они просили легата подтвердить их права. Наместник Мезии в своем письме заверил, что римские власти не предусматривали никаких изменений в разделении подати, и приказал находившимся в Херсонесе военным подчиняться ранее изданному императорскому рескрипту. Для того чтобы соблюдались эти правила, наместник распорядился написать на стеле его переписку с херсонеситами и легионерами.

Надпись из Тиры также содержит переписку с легатом Нижней Мезии; плохо сохранившиеся документы написаны, как и в Херсонесе, на греческом и латинском языках (IOSPE I². 4). В 201 г.

легат Овиний Тертулл написал Совету и Народу Тиры по-гречески о том, что на основании рескрипта императора городские власти могут давать права гражданства лишь с согласия легата провинции Нижняя Мезия, в состав которой входила Тира. В письме жителей Тиры наместнику излагалась просьба о подтверждении их прав беспошлинной торговли.

В приведенном нами обзоре античных писем из Северного Причерноморья упомянуты все опубликованные наиболее информативные тексты. Они показывают, как начиная с архаического периода, письма вошли в повседневную жизнь греков. Часть их написана рядовыми гражданами Борисфена, Ольвии, Никония, Керкенииды, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, другие принадлежат перу образованных чиновников Тиры, Херсонеса и Боспора, которые владели правилами составления официальных документов, принятыми во всем античном мире, начиная с эпохи эллинизма. На некоторых свинцовых пластинках можно наблюдать процесс написания письма, так как этот материал допускал возможность стирать написанное. Например, на пластинке из Гермонассы видно, как автор писал правильные буквы на месте сделанных им ошибок (Кашаев, Павличенко, 2011, с. 344).

Конечно, уцелела ничтожная часть переписки греческих колонистов. Но даже имеющиеся немногочисленные письма проливают свет на то, что не освещают другие письменные и материальные источники. Таковы важные свидетельства о деловой, хозяйственной, культурной и судебно-правовой деятельности греческого населения Северного Причерноморья. Мы видим, как переписка вошла в повседневный быт граждан, обладавших школьным образованием. В письмах сохранились особенности языка каждой колонии, а также нигде более не встречающиеся слова и топонимы. Только из писем известно о рабах и рабынях и их купле-продаже в ранний период существования колоний. Уникальны сведения о семьях, живших в наемных помещениях, о находившихся на отдаленных от центра местах алтарях греческих богов и героев, о непосредственных связях Борисфена и Фанагории в VI в. до н. э. Из писем мы узнаем о неприглядной практике подкупа судей и о наличии продажных женщин. Официальные письма

первых веков нашей эры написаны людьми с хорошим образованием, они предоставляют важнейшие материалы о царских чиновниках на Боспоре и об отношениях государств Северного Причерноморья с Римской империей.

Поэзия в культуре граждан Ольвии, Херсонеса и Боспора

Внимание ученых неоднократно привлекали поэтические тексты на лапидарных надписях и граффити, найденных при раскопках античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. В.В. Латышев, В.В. Шкорпил, Ю.Г. Виноградов, В.П. Яйленко, С.Р. Тохтасьев и другие издатели надписей подробно анализировали язык и поэтические достоинства таких текстов. В отечественной научной литературе есть несколько обстоятельных статей, посвященных исследованию некоторых метрических застольных и надгробных надписей. В этих работах в основном дается оценка отдельных стихотворных произведений и их соотношение с поэзией Эллады (Шебалин, 1976, 108–11; Доватур, 1992, с. 11–27; Панченко, 1992, с. 28–42; Гаврилов, 2005, с. 215–240). Мы же постараемся показать роль поэзии в повседневной, религиозной и праздничной жизни греков в колониях Северного Причерноморья. Такую возможность дают археологические материалы Борисфена, Ольвии, Херсонеса и Боспора.

В античности поэзия постоянно сопровождала всю сознательную жизнь эллинов. Уже в начальной школе ребенок учился читать на образцах из поэтических текстов и запоминал наизусть отрывки из «Илиады», «Одиссеи» и других эпических поэм. С детских лет греки активно участвовали в различных религиозных праздниках, во время которых исполнялись стихотворные песнопения в честь богов и героев. Во всех более или менее крупных городах существовали театры; там ставили драмы и комедии, написанные стихами. Во время домашних застолий было принято исполнять лирические стихотворения под аккомпанемент лиры или барбитона. Состоятельные эллины устанавливали посвященные и надгробные памятники, снабженные стихотворными текстами. Граффити и лапидарные надписи дают возможность показать, что поэзия в античных городах Северного Причерноморья занимала не меньшее место, чем в других древнегреческих государствах.

Эллины, жившие на северной окраине греческой ойкумены, всегда с детских лет любили и знали эпические поэмы Троянского цикла, и в первую очередь творения Гомера. Свидетельства об этом приведены в предыдущих разделах о школьном образовании. По надписи на чернолаковой солонке, служившей призом за исполнение эпического произведения, можно заключить, что в Пантикапее в IV в. до н. э. устраивали состязания в декламации эпических поэм (Блаватский, 1964, с. 93, рис. 28). Два стиха, написанных хореем на обломке черепицы III–II вв. до н. э., представляют редкое свидетельство о знакомстве херсонеситов с каким-то известным в эллинистический период стихотворным произведением (Сапрыкин, 1987, с. 94–101).

Гораздо более обширные сведения сохранились до наших дней о творчестве местных поэтов. Уцелевшие тексты можно разделить на несколько тематических рубрик. К повседневной жизни относятся застольные надписи, с религиозными праздниками и жертвоприношениями связаны гимны и посвящения богам и героям; отдельную и самую многочисленную группу составляют эпитафии.

Застольные надписи. Несложную краткую метрическую надпись могли составить многие образованные граждане. Древнейшие образцы подобного незамысловатого творчества имеются в археологических коллекциях Березани, Ольвии и Таганрогского поселения. Таково граффито середины VI в. до н. э. на ионийском светильнике, привезенном в Борисфен: «поскольку я светильник, то и служу богам и людям». Как отметил В.П. Яйленко (1982, с. 265), это реминисценция из «Илиады» (XX, 64) или из гомеровского гимна (XXXI, 8). Автор надписи, наверное, шутливо приписал скромному светильнику в березанской землянке ту же роль, что и солнцу у Гомера, и выразил свою мысль в размере трохеического тетраметра, правда, не очень удачно (Тохтасьев, 2005, с. 141, № 268). Другое граффито также от имени сосуда обращается к читающему: «Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино». Надпись составлена гексаметром и прочерчена между ручками большого чернолакового килика V в. до н. э. из раскопок в Ольвии (Яйленко, 1979, с. 58). Вероятно стих вырезал хозяин килика, чтобы гости читали эту надпись, когда пили вино. Сходное

по содержанию частично уцелевшее граффито VI в. до н. э. написано в манере бустрофидон на обломке амфоры, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176–179)

В этих незатейливых стихах чувствуется культурная традиция метрополии. В Элладе с архаического времени были широко распространены надписи, говорящие от лица того предмета, на который они были нанесены. Геродот в своей «Истории» (V, 53–61) сообщил, что он видел в храме Аполлона в Фивах несколько стихотворных надписей, выполненных древним шрифтом. Вот один из гексаметров, который историк списал с дарственного треножника: «Амфитрион меня посвятил, победив телебоев».

Гимны богам и героям. В античных государствах Северного Причерноморья, как и во всей греческой ойкумене, проводилось множество религиозных праздников (Скржинская, 2010), и каждый из них сопровождался пением стихотворного гимна в честь почитаемого бога или героя. Такие гимны заказывали написать, как местным, так и прославленным поэтам из других городов. К настоящему времени известны лишь два текста подобных гимнов, сочиненных по всей вероятности местными поэтами в первые века нашей эры.

Херсонесский гимн Гермесу состоит из десяти строк, написанных элегическим дистихом; в нем чередуются строки гексаметра и пентаметра с цезурой посередине (IOSPE I². 436). Текст нанесен на мраморную плиту во II в. н. э. Это был памятник, изготовленный по заказу гимнасиарха Демотела, в качестве благодарственного приношения Гермесу, считавшемуся покровителем гимнасиев и проводившихся там игр. В прозаическом переводе В.В. Латышева слова этого гимна воспроизводились во многих научных изданиях: «...вестника бессмертных богов владыку земных. Ибо сам он имеет ключи жизни смертных. Посему его зовут многопольным, а иные милостивцем, дарующим богатства, подавателем благ и мудрости. Приди милостивым ко всем тем, которые населяют славный город Дора, никогда не забывая блаженных богов» Затем шли слова о заказчике памятника и обращение к божеству. «Сын Феофила, гимнасиарх Демотел поставил сей победный дар. Спаси же особенно сей город».

На утраченной верхней части плиты находилось начало гимна и, наверное, список победителей на посвященных Гермесу играх в гимнасии, которым руководил Демотел. Автор стихотворения назвал самые известные всем грекам определения Гермеса как вестника богов и обладателя ключей жизни, то есть проводника душ смертных в Аид. В.В. Латышев отметил, что и прочие использованные поэтом эпитеты бога встречаются в греческой поэзии или имеют смысловые аналогии (Латышев, 1909, с. 312).

Мраморная стела I–II вв. н. э. с частично сохранившимся текстом гимна Ахиллу найдена на Березани (рис. 20). Этот гимн так же, как и херсонесский, написан элегическим дистихом; он обращен к Ахиллу Понтарху (владыке Понта), почитание которого в римский период имело государственный характер (Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–62). Вслед за словами «Ахиллу Понтарху благодарственный дар» следуют частично уцелевшие стихи: «О, круглое(?) достояние богов, оплот Ахилла (?), остров, омываемый морем, радующийся волнам! Твою почву в удел получил отпрыск Фетиды, вышняя кровь, Эакид Ахиллес, равный бессмертным богам. Так прими, о Ахилл, жертву и милостив будь, слушая песнь, что вышла из-под нашего пера» (перевод С.Р. Тохтасьева, 2005, с. 145).

Вероятно, поэт сочинил гимн для исполнения во время жертвоприношения у знаменитого храма Ахилла на острове Левка, называвшегося также Ахилловым. Описание острова в гимне перекликается с рассказами о том, что, по желанию Фетиды, Левка на Понте Евксинском была создана специально для обитания духа ее погибшего сына (Arrian. Peripl. 32; Philostr. Her. XXIX, 9). Наверное, этот гимн впоследствии стали исполнять и на праздниках, проходивших в Борисфене, на месте которого найдена надпись. Ведь Ахилл всегда был особо почитаемым героем в Ольвийском полисе, на территории которого найдено более сорока посвящений Ахиллу Понтарху, часть из них обнаружена на Березани (Тохтасьев, 2005, с. 146–149, № 271–273).

Посвящения богам и героям встречаются на постаментах статуй, на посвячительных стелах, на оборонительных сооружениях и др. Чаще всего их писали прозой, но в IV в. до н. э. в Ольвии и на Боспоре некоторые такие надписи сочиняли элегическим

дистихом. Две ольвийские надписи посвящены спасающему город от опасностей Зевсу Элевтерию (освободителю), одна находилась на оборонительной башне, другая на пьедестале статуи знатного ольвиополита Еврисивия (Виноградов, 1989, с. 135–136). Третья частично уцелевшая надпись была вырезана на постаменте статуи ольвиополита, освободившего город от тирана. По мнению Ю.Г. Виноградова, местный поэт сочинил эпиграмму по образцу широко известной стихотворной надписи Симонида на аттическом памятнике тираноборцам Гармодию и Аристоклиту (Виноградов, 1989, с. 141–147).

На постаменте утраченной статуи сохранилась эпиграмма, написанная боспорским поэтом от имени царя Левкона; в ней говорится о победе над войском синдского царя Гекатея и о том, что памятник посвящен Аполлону и поставлен по обету царя. Так же как и в ольвийской надписи на памятнике тираноборцу, здесь видно влияние Афин на культуру колоний Северного Причерноморья в конце V–IV вв. до н. э. (Яйленко, 2004). Боспоряне говорили на ионийском диалекте своей метрополии Милета. Однако стихотворение написано на чистом аттическом языке, как и многие боспорские надписи этого времени. Наверное, автор стихов, сочиненных по заказу царя, совершенствовал свое образование в Афинах, подобно своему соотечественнику Сопеиду, учившемуся у прославленного оратора Исократ (Dion. Hal. Isocr. 18).

Еще одна стихотворная боспорская надпись, вероятно, ошибочно считается надгробной, а не посвятельной (КБН. 113). Подобно Левкону, некий Фаномах поставил по обету статую своего отца, посвятив ее Аполлону. Сходные посвящения богам, правда, написанные не в стихотворной форме, нередко встречаются на Боспоре (КБН 6–14; 971, 972, 974, 1037–1044).

Стихотворные эпитафии в некрополях античных государств Северного Причерноморья появились уже в период архаики, но долгое время они были здесь редкостью, а тексты метрических надписей сочиняли не местные поэты. Древнейшая из известных теперь таких надписей найдена на Березани. Она находилась на известняковой стеле, установленной на могиле гражданина Борисфена в третьей четверти VI в. до н. э. Текст эпитафии

написан гексаметром на ионийском диалекте от имени самого памятника: «Меня, памятник погибшего Мастора, сына Берта, поставил Аристоним». Стелу украшало изображение головы воина в шлеме (Яйленко, 1982, с. 262–265). Надгробие сделано в метрополии по заказу Аристонима, вероятно родственника умершего Мастора. Ведь в столь раннее время в Северном Причерноморье еще не было специалистов, умевших вырезать рельефы и надписи. Они появились здесь позже и сначала были выполнены неумело, о чем свидетельствуют древнейшие ольвийские надписи V до н. э. (НО. 1–5).

Мраморная стела на могиле Леокса была заказана в метрополии и доставлена в Ольвию в самом начале V в. до н. э. Рельеф юноши, украшающий памятник, изготовлен хорошим ионийским скульптором. Надпись составлена элегическим дистихом, и подобно предыдущей написана от лица стелы, как бы говорящей с читающим эти слова. Вот как она звучит в русском переводе Ю.Г. Виноградова (1989, с. 89), сохранившего размер подлинника:

Памятник доблести, я говорю, что, вдали за отчизну
Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс.

По всей вероятности не местному поэту принадлежит и древнейшая метрическая эпитафия из Херсонеса, хотя и выполнена она почти на два столетия позже. Э.И. Соломоник (Соломоник, Антонова, 1974, с. 97) перевела ее в размере подлинника:

Сыну воздвиг своему усопшему Лесханориду
Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес.

Врачи отец и сын приехали в Херсонес, вероятно, по приглашению властей города. Так как среди многих известных сейчас херсонесских эпитафий этого времени нет стихотворных, можно предположить, что надпись составил отец; ведь профессия врача в то время предполагала высшее образование, в котором гуманитарная составляющая играла важную роль.

И в дальнейшем эпитафии, как это было принято во многих греческих государствах (Griechische Vers — Inschriften, 1955), местные авторы писали обычно либо гексаметром, но чаще элеги-

ческим дистихом. Лишь в нескольких боспорских эпитафиях римского времени использован ямбический триметр (КБН. 119, 130, 134, 142), вероятно этим размером была написана одна плохо сохранившаяся херсонесская эпитафия (НЭПХ. 185).

Сочинить несколько строк гексаметра или элегического дистиха мог не только поэт, но и просто хорошо образованный человек, так как в составе любого античного образования поэзия всегда играла заметную роль. Поэтому написанный в IV н. э. элегический дистих на надгробном памятнике ольвиополита Эпикрата с большой долей вероятности принадлежит перу соотечественника умершего (Козуб, Белецкий, 1977, с. 173): «О, Эпикрат, Исократ дитя. Над могилою стела // Памятник это, хотя рано в могилу тебе». То же самое можно сказать и о двух ольвиских стихотворениях эллинистического времени на могилах Мойродора (IOSPE I². 226) и девочки Партениды (Денисова, 1988, с. 251–256).

Из ольвийского некрополя сохранилось всего пять стихотворных надписей (Андреева, 2002, с. 30–36). Гораздо больше их найдено в Херсонесе. Кроме упомянутого надгробия Лесханорида, все опубликованные до настоящего времени херсонесские эпитафии сочинены в первые века нашей эры, когда стелы с богатыми рельефными изображениями и стихотворными надписями получили широкое распространение по всему греческому миру. Старшая из таких херсонесских метрических надписей сохранилась на мраморной стеле Ксанфа, сына Лагорина (IOSPE I². 482), она датируется рубежом I в. до н. э. — I н. э.:

Странник, скрываю собою я Ксанфа, который,
Был утешеньем отца, родины юной красой,
Сведущим в таинствах муз, безупречным средь сонма сограждан,
Чтимым меж юношей всех, светлой звездой красоты.
В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.
О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость
Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?!

Перевод К.М. Колобовой

В корпусе В.В. Латышева опубликовано восемь херсонесских метрических эпитафий (IOSPE I². 479, 482, 485, 516, 519, 527, 546, 716), Э.И. Соломоник добавила к ним еще две (НЭПХ. 58, 185), и за последние годы археологи обнаружили еще несколько таких памятников (Макаров, 2009, с. 113–121). Среди этих текстов есть образцы массовой литературной продукции, а также написанные по заказу стихи профессиональных поэтов. К числу последних относится стихотворение из 19 строк; вырезанное на мраморной стеле; ее поставили в III в. н. э. на могиле умершей в молодости Ойнанты, дочери Главкия (IOSPE I². № 519). К хорошим образцам поэтического творчества следует отнести уже цитированные стихи на памятнике Ксанфа или надпись I–II вв. н. э. на стенке саркофага Исигоны (IOSPE I². 516).

Можно думать, что за сочинение профессионального поэта надо было немало заплатить. Поэтому херсонеситы часто обращались к ремесленникам. Образцы их творчества представлены на группе надписей, содержащих весьма посредственные и просто плохие стихи. Их сочиняли мало образованные люди; они употребляли штампованные формулы и постоянно нарушали стихотворный размер, не умея верно соблюсти долготу и краткость слогов. Ведь в римский период музыкальное ударение в повседневном живом греческом языке изменяется на динамическое, при котором пропадает различие между долгими и краткими гласными. Поэтому на слух уже трудно правильно составить метрическую надпись, чем и объясняется появление таких неумелых якобы стихотворных текстов. Выразительный пример подобного рода читаем на одном херсонесском надгробии III в. н. э. (IOSPE I². 479).

Сходная картина поэтического творчества наблюдается на Боспоре. Здесь стихотворные эпитафии встречаются гораздо чаще, чем в Херсонесе и Ольвии. Они были особенно популярны в среде жителей Пантикапея; в его некрополях найдено около сорока таких надписей; несколько метрических эпитафий обнаружено в Нимфее и в городах на азиатской части Боспора. Большая их часть опубликована в 1965 г. в «Корпусе Боспорских надписей» (№ 114–151; 991, 992, 1017, 1057, 1058, 1192), а найденные позже появлялись в разных изданиях (Болтунова, 1977, с. 25; Иванчик,

Толстиков, 2007, с. 107–117; Яйленко, 2010, с. 543–544). Древнейшая из них написана одной строкой гексаметра на известняковой стеле, поставленной на могиле некого тавра Тихона в V в. до н. э. (КБН. 114). К классическому периоду относится еще одна эпитафия (КБН. 115), несколько надписей датируются III–I вв. до н. э., а основная масса таких эпитафий, как и в Херсонесе, написана в первые три века нашей эры. Их составляли главным образом профессиональные сочинители, удовлетворявшие непритязательные вкусы своих заказчиков. Они постоянно использовали литературные клише и могли повторять ранее сочиненные ими стихи, лишь изменив имя погребенного (см. КБН. 127 и 129). Вот прозаический перевод пантикапейской эпитафии, состоящей из штампов, в которые вставлены сведения об умершем и его воспитателе, позаботившемся о памятнике на могиле своего подопечного: «Когда мне дважды исполнилось десяток лет, я ушел в место благочестивых в Аиде. Эту надгробную стелу поставил воспитатель. Здравствуй, если закончил читать, да завершишь свой путь!» (Иванчик, Толстиков, 2007, с. 107).

Среди боспорских эпитафий есть принадлежащие перу авторов, знакомых с сочинениями разных поэтов и употреблявших слова и выражения из известных стихотворных произведений. Это показал В.В. Шкорпил на примере анализа эпитафии Стратоника, сына Зенона (КБН. 145); автор стихотворения, написанного в конце I — начале II в. н. э., хорошо знал эпическую поэзию и использовал выражения, параллели к которым можно найти у Гомера и Гесиода (Шкорпил, 1914, с. 71–75). Уникальный для Северного Причерноморья случай сочетания двух разных стихотворных размеров в одной эпитафии представлен на надгробном памятнике Феофилы, жившей на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. (КБН. 130). В 14 строках за четырьмя стихами в размере элегического дистиха следуют четыре ямбических стиха и снова элегический дистих. А.И. Доватур предпринял подробный филологический анализ этого стихотворения в контексте поэтических образов, употреблявшихся на надгробных надписях из других греческих городов. Исследователь пришел к выводу, что автор стихотворения был не лишен поэтического таланта. Он начал свое произведение с тра-

диционного мотива скорби о смерти юной девушки, не успевшей вступить в брак; ее похитил бог подземного царства, чтобы сделать своей супругой, и утешением для родителей будет вера, что их красавица дочь станет женой бессмертного бога (Доватур, 1992, с. 11–27).

Эпитафия Аполлония написана в II–I вв. до н. э. профессиональным поэтом, использовавшим редкий для местных стихотворных произведений размер ямбического триметра (КБН. № 119). После традиционных начальных слов «Аполлоний, сын Аполлония, прощай» следуют 13 стихотворных строк, составляющих одну из наиболее длинных боспорских метрических надгробных надписей. В прозаическом переводе В.В. Латышева она звучит так: «Ты неоплаканный сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум, все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом Аида, а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти воздается всяческая почесть». Как и в эпитафии Феофилы, поэт утешает близких умершего мыслью о том, что в загробной жизни погребенного ждет счастливая участь. Недавно А.К. Гаврилов (2005, с. 239–240) предпринял весьма подробный филологический анализ этого стихотворения. Он показал, что автор ради просодического удобства использовал слова в формах как аттического, так и ионийского диалектов, а в слоге стихотворения чувствуется навык в употреблении поэтического языка и обнаруживается знакомство с философскими сочинениями, а также умение пользоваться яркими стилистическими приемами.

К серьезным поэтическим произведениям, по мнению Д.В. Панченко, следует отнести эпитафию Гекатея, жившего во II–I вв. до н. э. (КБН. 121). Два элегических дистиха представляют целостный торжественный текст, сложенный не из общих мест, а из продуманных и прочувствованных представлений. «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения.

Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты скорее избежал круга мучительных страданий» (Панченко, 1992, с 28–42).

Стоит отметить остроумно и в то же время горестно составленную одну строчку гексаметра на могиле II–III вв. н. э: «Напрасно ты, узнав горькую смерть, назывался Гликарион», то есть тебе, испытавшему горькую участь, неверно дали имя Гликарион, означающее сладостный, приятный (Шебалин, 1976, с. 108–111).

Собранные нами стихотворные произведения показывают, сколь неравномерно дошедшие до нас сведения освещают роль поэзии в жизни античных государств Северного Причерноморья. Больше всего оказалось известно о творчестве тех, кто писал эпитафии, так как их вырезали на камне. Благодаря уцелевшим граффити можно составить определенное представление о застольных стихах, звучавших во время приема гостей. На нескольких надписях можно прочесть стихотворные посвящения и отрывки текстов из религиозных гимнов.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют произведения поэтов из Северного Причерноморья. Лишь Дион Хрисостом в «Борисфенитской речи» (XXXVI, 10) упомянул об ольвийских поэтах, которые писали в гомеровском стиле и читали свои стихи перед тем, как граждане отправлялись на войну. О знании многих жанров поэзии на северной окраине греческой ойкумены можно говорить лишь исходя из косвенных свидетельств. Огромное количество надписей и граффити указывает на широкое распространение грамотности и на наличие здесь школ. В античной школе наряду с эпическими поэмами учили и лирические стихотворения прославленных поэтов (Марру, 1998, с. 229). Достоверно известно о наличии театров в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора (Скржинская, 2010, с. 193–200). Там безусловно ставили пьесы, написанные стихами, и их приходили смотреть все граждане. Кроме того в театрах большинства греческих городов, начиная с эпохи эллинизма, проводили мусические состязания, во время которых соревновались поэты, писавшие в разных жанрах (Герцман, 1995, с. 166–177). Имена победителей записывали на каменных стелах и выставляли около театра. К сожалению, в Северном Причерноморье сохранился лишь один фрагмент такой надписи

римского времени, найденной в Херсонесе (IOSPE I². 433; НЭПХ. 127 б, в). В ней говорилось о состязании поэтов, писавших комедии, энкомии (хвалебные стихотворения) и эпиграммы. На подобных агонах наряду со своими гражданами выступали представители из других городов, о чем свидетельствуют множество надписей из разных греческих областей. Таким образом, жители города знакомились с произведениями разных поэтических жанров, написанных не только местными поэтами.

Итак, даже имеющиеся отрывочные свидетельства убеждают нас, что на протяжении всей античности поэзия занимала важное место в культуре античных государств Северного Причерноморья. С детских лет здесь знакомились с классическими образцами поэтического творчества. Праздники сопровождались исполнениями гимнов в честь богов и героев, в театрах устраивались состязаниями поэтов, на которые собирались свободные жители государства. Каждый грамотный человек читал стихи на посвянительных памятниках и на стелах с эпитафиями. Местные поэты наряду с классиками знали творчество своих современников и использовали эти образцы в своих произведениях.

Заключение

Проведенный нами анализ разнообразных эпиграфических источников, а также некоторых литературных и археологических памятников позволяет заключить, что, начиная с V в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры, школьное образование стало насущной необходимостью для полноценной жизни граждан во всех античных государствах Северного Причерноморья. В семьях свободного неполноправного населения также стремились дать сыновьям хотя бы начальное образование.

Отсутствие источников об образованных гречанках на северных берегах Понта косвенно указывает, что здесь, как и во всей греческой ойкумене, большинство женщин не владело грамотой. Не случайно ни одно из местных граффити нельзя с уверенностью считать написанным женщиной. Жизнь девочек и взрослых женщин проходила в основном в стенах дома. Для навыков вести домашнее хозяйство (готовить пищу, прясть, ткать, наблюдать за порядком в доме) дочерям достаточно было перенять опыт матери и других старших членов семьи. Вероятно, некоторые девочки, особенно в состоятельных семьях, умели читать и писать, получая домашнее образование, но это было скорее исключением, чем правилом. Такие исключения в Элладе известны уже в архаическое время. Достаточно напомнить стихи, написанные Сафо во второй половине VII в. до н. э.

Античные авторы сообщают, как женщины из бедных семей зарабатывали средства к существованию. Они занимались мелкой торговлей, становились повитухами или кормилицами и няньками в состоятельных семьях, а в сельской местности работали в поле, на винограднике или огороде. Для всех этих видов деятельности не требовалось владеть даже элементарной грамотой. Мужчины же могли использовать свои школьные знания для заработка. Так, потеряв имущество, человек мог стать школьным учителем или глашатаем. Более высокое образование стало необходимым для исполнения разных государственных должностей, а специализированное высшее образование приносило немалый

доход архитекторам, врачам, руководителям философских и риторских школ.

В большинстве семей подросток, овладев в школе грамотой, становился помощником отца в его мастерской или на сельскохозяйственных работах, либо мальчика отдавали учиться какому-нибудь ремеслу на сторону. В дальнейшем он проявлял свою грамотность при необходимости написать небольшое письмо, а также участвуя в общественной жизни государства. Например, в Херсонесе граждане писали имя лица, которого следовало изгнать из полиса (Виноградов, Золотарев, 1999, с. 106–114). Школьные знания давали возможность сделать краткую запись, чтобы чего-нибудь не забыть. Множество граффити показывают, что в повседневной жизни греки делали для себя на память всевозможные небольшие заметки, а также наносили имена богов на сосуды, которые они посвящали в храмы. Чаще всего имя бога писалось сокращенно и довольно небрежно, гораздо реже вырезали несколько слов ясно и аккуратно (рис. 21, 22).

Благодаря умению читать, можно было ознакомиться с законами, почетными декретами и другими постановлениями Народного собрания. Их тексты, написанные на деревянных или металлических досках, либо на каменных стелах, выставлялись на видном месте в городе. Это имело и практическую пользу, особенно при обращении в суд, что нередко случалось в жизни многих эллинов. По сохранившимся судебным речам знаменитых ораторов Лисия, Демосфена, Исократы и других можно узнать, какие дела слушались в античных судах. Там постоянно разбирались имущественные тяжбы наследников; судьи разрешали всевозможные денежные споры, выносили решения относительно жалоб на злоупотребления опекунов, налагали штраф за избиение одного гражданина другим; постоянно рассматривали иски купцов, особенно связанные с займом денег под проценты. Таким образом, большинству граждан случалось выступать в роли истца, ответчика или свидетеля, для чего требовалось быть грамотным человеком.

Приобретенные в школе знания поэзии помогали понимать и ценить стихи пьес, ставившихся в театрах Северного Причерно-

морья, а также проникать в смысл образного языка гимнов богам, исполнявшихся на религиозных праздниках. В течение всей античности благодаря школьным упражнениям граждане античных государств на северных берегах Понта могли хорошо понимать «Илиаду», «Одиссею» и прочие эпические поэмы, а также стихи и прозу архаического и классического времени, хотя разговорный язык был весьма далек от лексики этих произведений. Поэтому рассказ Диона Хрисостома о том, что все ольвиополиты знали «Илиаду», косвенно свидетельствует о наличии школы и об определенной образованности широкого круга граждан Ольвии в первые века нашей эры.

Как и во всей Элладе, большинство жителей Северного Причерноморья не были любителями чтения книг. Недаром Дион Хрисостом выделил среди ольвиополитов лишь одного знатока сочинений Платона. Чтением литературных и философских произведений занимались в основном люди с высшим образованием. Мраморная статуя из Пантикапея изображает одного из таких боспорян, у ног которого находятся книги в свитках (рис. 12).

Постоянное общение с сочинениями классиков считалось необходимым для политических деятелей, в первую очередь для их практики произнесения речей перед народом. Об этом подробно писал Дион Хрисостом (Or. XVIII) в своем послании «Об упражнении в искусстве речи», которое он подготовил для не названного по имени государственного деятеля. Можно с уверенностью полагать, что подобными советами риторов читать определенные книги пользовались и те, кто достигал высоких государственных должностей в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре.

Чтение больших текстов в античности было трудоемким занятием и требовало постоянной практики. Ведь между словами отсутствовали пробелы, и их надо было самому разделять, при этом деление зачастую могло быть неоднозначным. Предложения не имели пунктуации, так что читатель сам выделял различные обороты речи и определял, содержится ли в предложении утверждение, восклицание или вопрос. Поэтому состоятельные люди держали образованных слуг, которые читали им вслух и записывали то, что требовалось хозяину (Plin. Ep. III, 5; Dio Chrys. XVIII,

6). Изображение такого слуги включено в композицию фрески из склепа в некрополе Горгииппии; молодой человек с табличкой и стилем стоит рядом с креслом, на котором сидит мужчина в плаще (Алексеева, 1984, табл. 42).

Греки и римляне читали все написанное вслух. Иллюстрацией этого может служить, например, упоминание Филострата о его встрече с писателем Элианом, который, держа в руках книгу, читал ее, гневно возвышая голос (Philostr. Vita soph. II, 31). Письменность для греков и римлян была примерно тем же, что ноты для нас. Они дают возможность сохранить надолго сочинение композитора, но их надо воспроизвести на музыкальном инструменте, чтобы услышать замысел автора. Хотя есть люди, которые, читая ноты, слышат про себя музыку, все же и они знают, что настоящее звучание возможно только воплощенное в звуки инструментов. Так и в древности считалось, что записанный текст должен быть озвучен. Блаженный Августин в IV в. н. э. в своей «Исповеди» (VI, 3) с изумлением писал, что Амвросий Медиоланский читал одними глазами и даже не шевелил губами и языком. На этом примере видно, что чтение про себя стало распространенным явлением только в средние века.

Глава II
Досуг

Тема досуга стала предметом исследования еще в V–IV вв. до н. э. Тогда о разумном использовании свободного времени рассуждали Сократ, Платон и Аристотель. В современной научной литературе существует немало исследований о досуге древних греков. С обширной библиографией по этому вопросу можно ознакомиться в недавно опубликованном сборнике статей под редакцией Э.Д. Фролова «Феномен досуга в античном мире» (СПб., 2013). Подавляющая часть подобных трудов посвящена досугу эллинов вообще, либо досугу афинян, так как об этом сохранилось наибольшее количество сведений в античной литературе. За последнее время появились работы о досуге в разных регионах греческой ойкумены (Климов, 2013, с. 257–277; Evans, 2008). Но еще не было специальных исследований о досуге жителей античных государств Северного Причерноморья. В этом разделе мы попытаемся заполнить этот пробел, широко привлекая наряду с письменными источниками археологические материалы, которые до сих пор мало использовали современные историки и филологи, занимавшиеся ежедневной жизнью населения древнегреческих полисов.

Время, не занятое различными видами труда, общественной деятельностью или войной, эллины называли словом *σχολή*, то есть досугом; его наличие считалось отличительным качеством свободного человека. Античные философы посвятили немало рассуждений о достойном проведении досуга, который считали драгоценным достоянием гражданина. Они осуждали пустое времяпровождение и рекомендовали посвящать свободное время интеллектуальным занятиям. Погружаясь в них, человек может наслаждаться блаженством и счастьем (Aristot. EN. X, 7; Xen. Symp. IV, 44), а чтобы получить такое удовольствие, нужно иметь определенное воспитание и образование (Aristot. Pol. VIII, 2, 5; 1338b). В часы досуга греки и римляне создали множество литературных, философских и разнообразных научных трудов. Поэтому в современной литературе античность иногда называют «цивилизацией досуга» (Фролов, 1981, с. 5).

Конечно, такое использование свободного времени было характерно лишь для интеллектуальной элиты общества, но ее

представители участвовали также во многих характерных для большинства греков занятиях, заполнявших досуг. Формы его проведения можно разделить на общественные и частные. К последним относятся вечерние застолья с друзьями, развлекательные игры, охота, разговоры на разные темы на агоре или в порту. О коллективном досуге заботились власти государства или отдельного города, а также монархи. Организацией подобных мероприятий занимались выборные граждане, в частности гимнасиархи и агонотеты. В трех надписях из Тире, Нимфея и Гермонассы (КБН. 1039; Карышковский, 1959, с. 112, № 4; Соколова, 2001, с. 268–271) упомянуты местные агонотеты, имена же гимнасиархов встречаются во многих надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Коллективный досуг греки проводили в специально выстроенных для этого сооружениях. Таковы были театры, гимнасии, стадионы, портики и экседры (крытые галереи с местами для сидения), а в римское время к ним присоединились термы (общественные бани). Обо всех подобных зданиях в Северном Причерноморье имеются литературные и эпиграфические свидетельства, а так же открытые археологами архитектурные остатки (Крыжицкий, 1993). По надписям можно заключить, что строительство и ремонт общественных сооружений велось либо за государственные средства, либо на деньги богатых граждан, желавших оказать услуги родине и снискать популярность у соотечественников.

Общественные формы организации досуга

Все виды общественного досуга организовывались в дневное время. Наиболее распространенным из них было посещение гимнасия и театра. Многие массовые мероприятия проходили во время религиозных празднеств; они включали всевозможные зрелища, которые, начиная с V в. до н. э., уже непосредственно не связывались с религиозными ритуалами. Поэтому к досугу можно отнести время, которое зрители тратили на созерцание драматических постановок и разнообразных музыкальных, поэтических, атлетических и конных состязаний, сопровождавших разнообразные празднества, посвященные богам. В римское время к общественным формам досуга присоединились посещения гладиаторских игр и терм.

Гимнасий и стадион

Обязательные занятия в гимнасии входили в круг среднего образования сыновей граждан греческого государства. У взрослых привычка посещать гимнасий становилась одной из излюбленных форм проведения досуга. К занятиям в гимнасии допускались только мужчины, полноправные граждане, так что круг постоянно встречавшихся здесь лиц, особенно в небольшом городе, был весьма ограниченным, и все хорошо знали друг друга. Одни взрослые тратили свободное время на тренировки, чтобы выступать на состязаниях в самом гимнасии или на стадионе, другие под руководством опытного тренера делали упражнения для избавления от разных болезней (Шанин, 1980, с. 127–128), например, так лечили ревматизм и заболевания селезенки (Paus. VI, 3, 4; Ael. Var. Hist. IV, 15). Почти все граждане приходили в гимнасий посмотреть на тренировки атлетов или на устраивавшиеся там праздничные соревнования. В комплекс построек гимнасия непременно входили беговая дорожка, портик, окружавший открытый двор, где тренировались борцы, кулачные бойцы и другие атлеты; кроме того имелись комнаты для раздевания, умащения маслом и

посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий.

В эллинистический период гимнасии стали также местом для интеллектуального досуга. Здесь находились общедоступные библиотеки, в портике гимнасия или в специальном зале посетители слушали выступления местных и приезжих поэтов и ораторов, а философы проводили беседы со своими учениками (Блаватская, 1983, с. 67, 308–310; Фролов, 2013, с. 158–159).

Эллины справедливо считали, что спортивные тренировки укрепляют здоровье и поддерживают физическую форму, что способствует успеху во время военных действий. Кроме того, как писал Лукиан (Anach.13), занятия в гимнасии помогают «не становиться от праздности насильниками» и заполнять с пользой свой досуг. Так гимнасий реализовал в нужном направлении энергию подростков и взрослых. Эпизод из «Пира» Ксенофонта (I, 7) иллюстрирует посещения гимнасия взрослыми: гости Каллия днем занимались в гимнасии перед тем, как отправиться к нему на симпозион, чтобы отметить победу в борьбе юного Автолика, за которого хозяин болел во время состязаний.

В крупных государствах, например, в Афинах и Милете, имелось несколько гимнасиев, но в большинстве эллинских полисов строился только один (Jones, 1940, p. 220–225). Так было в Ольвии и Тире. В Боспорском царстве, кроме столицы Пантикапея, гимнасии существовали в нескольких городах (КБН. 129, 823, 983, 991). В период расцвета Херсонесского государства гимнасий находился не только в Херсонесе, но, возможно, в Керкинитиде и Калос Лимене. Эпиграфические свидетельства о северопричерноморских гимнасиях сохранились в надписях Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и Танаиса, а остатки этих строений найдены в Ольвии, Херсонесе и Фанагории.

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий, и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи (Берзин, 1961, с. 127). Здание гимнасия принадлежало к числу

наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Некоторое представление о том, как выглядели гимнасии в Северном Причерноморье, можно получить по археологическим находкам.

Ольвийский гимнасий находился в районе агоры уже в V в. до н. э. (Леви, 1985, с. 99); затем его неоднократно перестраивали и переносили на новое место, о чем можно судить по архитектурным остаткам и двум надписям. Древнейшее имеющееся у нас письменное упоминание местного гимнасия содержится в граффито на штукатурке здания III в. до н. э. (Семенов-Зусер, 1940, с. 40). В лапидарной надписи II в. н. э. сообщается о постройке нового гимнасия (IOSPE I². № 40); его местоположение сейчас не известно, но ясно, что он находился не на старом месте, так как прежняя центральная площадь оказалась вне стен города, и в слоях римского времени там найдены лишь хозяйственные ямы.

В конце IV — начале III в. до н. э. ольвиополиты заменили на агоре старый гимнасий новым каменным зданием с фасадом, украшенным мраморными деталями (Леви, 1985, с. 99–108). Большую часть постройки занимал зал для тренировок и соревнований. Он делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. От выложенного галькой пола сохранилось немного, но, вероятно, разноцветная галька составляла какой-то рисунок, подобный тем, которые частично уцелели в парадных комнатах богатых ольвийских домов.

К восточной стороне зала примыкали банные помещения; в них найдены остатки труб, по которым вода поступала в большие пифосы из колодца, располагавшегося в юго-западной части здания. Этот каменный колодец был сложным гидротехническим сооружением, поскольку водоносный слой в Верхнем городе лежал на глубине примерно 30 м. На южной стороне гимнасия концентрировались комнаты хозяйственного назначения и туалет, а в восточной части помещались большие топки. Жар от них по гончарным трубам шел к днищам резервуаров с водой.

Фанагорийский каменный гимнасий, подобно ольвийскому, впервые построили в классический период, и позже он подвергся значительным перестройкам. Именно об этом гимнасии говорит-

ся в плохо сохранившейся стихотворной надписи IV в. до н. э. (КБН. 991). Здание под черепичной крышей имело богатый архитектурный декор. Главный зал окружали известняковые колонны, их венчали мраморные капители с тонкой резьбой, потолок украшали кессоны — мраморные плиты с пальметтами, а стены покрывала штукатурка излюбленного греками красного цвета с добавлением белых и желтых орнаментов (Кобылина, 1956, с. 29–32). Гимнасий в Фанагории существовал и в римское время (КБН. 983).

Архитектурные остатки херсонесского гимнасия римского времени найдены между главной улицей и оборонительной стеной; сохранились фрагменты мраморной облицовки стен, остатки банных помещений и бассейна (Кадеев, 1996. с. 34, 35). Древнейшее известие о наличии гимнасия в Херсонесе содержится в надписи III в. до н. э. (IOSPE I². 418). Там в числе должностей видного государственного и общественного деятеля Агасикла названа его обязанность гимнасиарха. Но, конечно гимнасий в Херсонесе появился значительно раньше.

О гимнасиях в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе известно лишь по упоминаниям в надписях о самих гимнасиях и об их руководителях (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1263, 1264, 1277–1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии и проводившиеся там праздники существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

Все античные государства постоянно заботились не только о постройках, ремонте и содержании гимнасия, но и о том, чтобы нанять хороших тренеров. В надписях Северного Причерноморья уцелело имя лишь одного учителя гимнастики Фарнака, приглашенного в Пантикапей из Синопы (КБН. 129).

Кроме упомянутого Агасикла, в надписях сохранились имена еще нескольких ольвийских, херсонесских и боспорских гимнасиархов. Например, херсонесский гимнасиарх Демотел (IOSPE I². 436) во II в. н. э. поставил памятник с текстом гимна Гермесу, который исполнялся на празднике в гимнасии; вероятно, на утраченной части мраморной стелы перечислялись победители на агоне, сопровождавшем праздник, который посетили многие херсо-

неситы. Больше всего уцелело имен боспорских гимнасиархов, но их упоминания в надписях Пантикапея, Горгиппии и Танаиса не связано с деятельностью в этой должности (КБН. 90, 103, 1140, 1263, 1264, 1277–1280, 1277, 1288).

Гимнасиархи ведали всеми делами, относящимися к функционированию гимнасия. Обычно их выбирали из состоятельных граждан, имевших возможность добавить к общественным средствам собственные деньги. Сами же они подобным способом завоевывали признание соотечественников и получали возможность баллотироваться на более высокие государственные должности. Это можно иллюстрировать ольвийской надписью II в. н. э.; в ней речь идет о Феокле, состоятельном и весьма уважаемом гражданине. Ольвиополиты четырежды избирали его первым архонтом; 18 городов наградили Феокла золотыми венками за гостеприимство, оказанное их гражданам. Будучи гимнасиархом, Феокл заново построил гимнасий, а когда он умер, там установили его статую (IOSPE I². 40).

В середине III в. до н. э. гимнасиарх Никодром поставил в ольвийском гимнасии статую своего сына Дионисия, победителя в беге во время праздничного состязания в честь Гермеса. Обычай украшать гимнасий статуями рекордсменов известен во многих греческих городах, так что упомянутая скульптура, наверное, в Ольвии была не единственной. От статуи Дионисия уцелел лишь постамент с сильно поврежденным стихотворным посвящением Гераклу и Гермесу (IOSPE I². 186). Во многих мифах рассказывалось об их выдающихся атлетических достижениях. Гермес олицетворял образцового спортивного юношу, а Геракл зрелого мужчину, способного побеждать в разных видах атлетики. Поэтому эллины считали их покровителями гимнасиев, и там во многих городах устраивались агонистические празднества Гермеи.

Письменные и эпиграфические источники содержат упоминания о Гермеях в Афинах, Беотии, Сиракузах, на островах Делосе, Теосе, Самосе. (Берзин 1961. С. 127). Название этого праздника в Северном Причерноморье сохранилось в двух надписях из Горгиппии и Херсонеса. Первая из них датируется IV в до н. э. и представляет собой большой каталог победителей на местных Герме-

ях за много лет (КБН. 1137). Фрагмент второй надписи, исполненной во второй половине II в до н. э., содержит 11 плохо сохранившихся строк законодательного акта относительно тренировок и состязаний молодых граждан Херсонеса. Там перечислялись указания гимнасиархам, как проводить праздник, устраивать священную процессию в сопровождении эфебов, совершать жертвоприношения Гермесу и организовывать игры (Макаров, 2002, р. 189–190.). Строки из гимна, посвященного Гермесу и исполнявшегося на празднике в гимнасии, сохранились на фрагменте упомянутой выше херсонесской надписи (IOSPE I². 436).

О том, что в Северном Причерноморье взрослые мужчины посвящали свой досуг тренировкам в гимнасиях, свидетельствуют надпись об атлетических победах граждан Горгииппии, старшему из которых было около 50 лет (Берзин, 1961, с. 115; Анохин, 1999, с. 210–212), а также записи о достижениях ольвийских архонтов и стратегов. Граждане занимали подобные должности, лишь пройдя определенные ступени политической карьеры. Поэтому далеко не юношами были архонты Пурфей, одержавший победу в метании копья и диска, Еврисивий, победивший в беге и прыжках, Адой, ставший лучшим борцом и прыгуном, Салий, опередивший всех в беге, и не известный по имени архонт, который дальше всех бросил копье и диск, а также стратег метатель копья Леонид (IOSPE I².130, 138, 155, 156, 157). Благодаря этим надписям, мы узнаем, что взрослые граждане могли посвящать свой досуг тренировкам не в одном виде спорта. Это было в духе эллинских традиций; известно, например, что одни и те же олимпийские рекордсмены побеждали в разных видах атлетики (Paus. VI, 3, 3; 4, 2).

Среди херсонеситов также встречались призеры в двух видах атлетики. Критобул побеждал в борьбе и кулачногм бою, Антилох в беге на длинную дистанцию и в кулачном бою (IOSPE I². 434). Их имена сохранились на фрагменте надписи с перечнем победителей на спортивных агонах. Такие надписи греки выставляли на всеобщее обозрение около гимнасиев. Особый интерес представляет упомянутая надпись из Горгииппии с большим перечнем победителей на праздниках в честь Гермеса в IV–III вв. до н. э. Участники делились на четыре возрастные группы: мальчиков

12–15 лет, юношей 16–17 и 18–19 лет, взрослых старше 20 лет. В последней группе побеждали чаще всего мужчины 26–30 лет, а самому старшему победителю было 48 лет. Из этого можно заключить, что некоторые граждане посвящали свой досуг тренировкам до преклонного по античным меркам возраста. Горгиппийская надпись показывает, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе. Во многих греческих городах, жили целые династии атлетов-победителей (Шанин, 1980, с. 148–149). О наличии таких династий в Северном Причерноморье свидетельствует горгиппийский каталог, включающий имена чемпионов братьев, отцов и сыновей (Берзин, 1961, с. 115; Анохин, 1999, с. 210–212). Они, надо полагать, принадлежали к состоятельным семьям, члены которых могли уделять продолжительное время тренировкам, в то время как у бедняков работа занимала весь световой день, когда был открыт гимнасий.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой небольшой флакон для масла, полотенце и стригиль — скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие сосуды имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями (рис. 7). Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу. Состоятельные люди приобретали дорогие и изящные принадлежности атлета. Таковы, например, многоцветный алабастр

из финикийского стекла IV в. до н. э. (рис. 23) и бронзовый стригиль I в. н. э с серебряной инкрустацией в виде листьев плюща, принадлежавшие жителям Пантикапея, или вошедшие в моду во II в. н. э. найденные в Горгиппии бронзовые стригили (рис. 24) с ручками, украшенными орнаментами из цветной эмали (РОА. № 110–114, 124).

В IV–III вв. до н. э. в херсонесском некрополе устанавливали в качестве надгробных памятников известняковые стелы с рельефными изображениями стригилей и висящих на шнурке флаконов для масла (арибаллов, алабастров или амфорисков) (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). Они напоминали о том, что погребенные посвящали немало времени занятиям и состязаниям в гимнасии. Вероятно, выдающийся атлет был похоронен в пантикапейском склепе на рубеже IV–III вв. до н. э. На стене погребальной камеры нарисованы необходимые для спортсмена стригиль и алабастры с маслом, а также призы за победу, состоявшие из наградных венков и узорчатых повязок-тений (АДЖ. с. 71, табл. 26, 27). Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как такие награды украшали комнаты в домах чемпионов различных соревнований (рис. 25).

О том, какими видами спорта занимались в гимнасиях Северного Причерноморья, можно судить по надписям с перечислением победителей разных агонов: ими становились бегуны на короткие и длинные дистанции (IOSPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IOSPE I². 130, 156), борцы (IOSPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IOSPE I². 434), метатели диска (IOSPE I². 130, 157, 158) и копья (IOSPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя. Это показывает, что в Северном Причерноморье занимались всеми традиционными греческими видами атлетики.

На месте, где постоянно проводились соревнования в беге, размечались дистанции в стадиях, а само такое место называлось стадионом. На подобном стадионе в IV в. до н. э. некий херсонесит получил в награду за бег чернолаковую чашку, как гласит об этом прочерченная на сосуде надпись (Толстой, 1953, с. 58, № 81).

Сейчас трудно определить точно дистанции, которые пробегали античные атлеты на тех или иных стадионах. Ведь размер стадия в разных государствах определялся различно и колебался от 164 до 210 м. (Фирсов, 1972, с. 161). Вероятно, в Северном Причерноморье колонисты первоначально, по традиции своей метрополии, пользовались ионийским стадиом (210 м), а позже, начиная с V в. до н. э., когда наблюдается влияние Афин во многих областях жизни северопричерноморских полисов и в частности в системе мер и весов, они, наверное, перешли на аттический стадий (177,6 м).

Рисунки атлетов на аттических вазах, найденных в Северном Причерноморье, напоминали их владельцам время, проведенное в гимнасии и на стадионе, а для нас они служат иллюстрациями к излюбленному виду досуга греков. Больше всего изображений бегунов. На небольших сосудах обычно нарисован один, а на амфорах и кратерах — несколько соревнующихся бегунов. Чаще всего они запечатлены во время бега на дистанции, изредка на финише, где победитель заканчивал бег, подняв руки (Скуднова, 1988, с. 40, № 17). Среди подобных ваз выделяется мастерством рисунка панафинейская амфора из гробницы близ Пантикапея (АП. № 41). Художник великолепно передал стремительный бег трех атлетов, энергично помогающих себе движениями согнутых рук (рис. 26).

Вазы с иллюстрациями кулачного боя входят в число наиболее ранних аттических сосудов, появившихся в Северном Причерноморье. Таковы кратер из Пантикапея, расписанный в мастерской известного вазописца Лидоса в середине VI в. до н. э. (рис. 27). Наиболее выразительна сцена кулачного боя на панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской стороне Боспора (рис. 28). В центре картины двое бойцов. На кистях рук у них намотаны ремни, игравшие роль современных боксерских перчаток. Вазописец показал заключительный момент схватки: побежденный упал и, подняв руку, молит о пощаде замахнувшегося победителя. За его спиной стоит судья в нарядном плаще с узорами, с венком на голове и длинным посохом в руке. С другой стороны от бойцов изображен атлет, наблюдающий за боем. Он дер-

жит еще не завязанные на кистях ремни. Это эфедр — боец, который должен сразиться с победителем.

Весьма выразительны две терракотовые статуэтки IV в. до н. э. из боспорского кургана Большая Близница. Одна изображает нагого кулачного бойца в венке, показывающем, что он только что одержал победу, и утомленный сидит, еще не сняв ремни с рук. Скульптор передал характерные для таких бойцов внешние приметы присущих этому виду спорта травм: расплюснутые уши, губы и нос. Другая терракота представляет момент схватки двух борцов (Семенов-Зусер, 1940, с. 17).

Большинство эллинов выделяли свое свободное время для посещения стадиона, где наряду с традиционными видами атлетики проходили состязания в стрельбе из лука и разнообразные конские ристания. В Северном Причерноморье определенные сведения сохранились только о стадионе, построенном ольвиополитами на Ахилловом Дроме (совр. Тендровская коса). Там уже в V в. до н. э. находился стадион, оборудованный по крайней мере для бега. Это можно заключить по словам песни хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (ст. 435–436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома «с прекрасно размеченными стадиями», то есть дистанциями для бега. Песчаная Тендровская коса как нельзя лучше подходила для проведения подобных состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку. Вот как писал об этом Лукиан в диалоге «Анахарсис»: «Мы заставляем юношей упражняться в беге, как на большие расстояния, так и на скорость; и этот бег производится не на твердом месте, а на глубоком песке, где трудно прочно встать и нелегко упереться ногами, так как они вязнут в мягкой почве».

Из почетного декрета в честь Никерата (IOSPE I². 34) известно, что на стадионе Ахиллова Дрома проходили конные ристания. Кроме того, там соревновались в стрельбе из лука. Соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание

владению луком и включали стрельбу в состязания на местных праздниках. Вероятно, на упомянутом стадионе ольвийский лучник Анаксагор установил в IV в. до н. э. удивительный рекорд, пустив стрелу на расстояние 282 оргии, то есть примерно на 540 м (IOSPE I². 195). Это значительно превышает современные достижения, достигающие 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальноточности, чем у теперешних спортивных снарядов (Черненко, 1981, с. 139). Ольвиополиты, по-видимому, изготавливали луки по образцу скифских; их специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям (рис. 29).

Конные ристания принадлежали к наиболее престижному виду состязаний, на которые собиралось множество зрителей. Именно перед этими соревнованиями на Ахилловом Дроме глашатай читал почетные постановления с перечислением заслуг особо отличившихся граждан, о чем говорится в декрете Никерата (Приложение № 5). О конных состязаниях свидетельствуют найденные в ольвийских могилах три наградные амфоры рубежа IV–III в. до н. э. (Фармаковский, 1903, с. 29–30, рис.15; Соколов, 1999, с. 137, рис. 85, 86; Скржинская, 2010 а, с.107); они символизировали высшие достижения, некогда завоеванные этими ольвиополитами у себя на родине и за ее пределами. Одна из этих ваз представляет редкий образец из серии поздних панафинейских призовых амфор, сохранившихся в очень малом числе. Ольвийский победитель получил в Афинах чернофигурную вазу, традиционно украшенную с одной стороны фигурой богини города, а с другой изображением возницы на бегущей колеснице. Лавровые ветви на горле и листья на венчике двух других амфор указывают, что сосуды изготавливались с целью стать призом победителю. На обеих амфорах с одной стороны нарисован возница на бегущей колеснице, а другая сторона имеет разные сюжеты рисунка: на первой воин с копьем, а на второй мчащийся всадник с факелом (рис. 30). Изображение меты, столба на стадионе, около которого проносились колесницы, указывает зрителю, что нарисовано именно конное состязание, а не

иной сюжет, например, иллюстрация эпизода из эпического сказания о битве на боевых колесницах.

Конные соревнования в античности были весьма разнообразны; на них выступали всадники и колесницы, запряженные одной, двумя или четырьмя лошадьми, либо мулами (Paus. V, 8, 2; 9,1). Судя по рисункам упомянутых ваз, на Ахиллеях состязались и колесницы, и всадники, причем один из видов соревнований включал умение доскакать до финиша, не потушив зажженный на старте факел.

Театр

Греческий театр был одним из главных мест проведения общественного досуга. Поэтому его строили так, чтобы в нем помещались все желающие граждане. У нас нет никаких сведений о том, могли ли в Северном Причерноморье присутствовать в театре женщины и представители свободного неполноправного населения. Однако вместимость театра давала представление о составе и количестве населения города. В IV в. до н. э. этим воспользовался полководец Мемнон. На Боспор к царю Левкону он отправил вместе со своим послом прославленного кифарода Аристоника. Тот объезжал с концертами боспорские города, и все жители собирались в театр, чтобы послушать исполнителя, знаменитого во всей Элладе; так Мемнон неофициально узнал о численности взрослого населения страны, с которой назревала война.

В сохранившейся античной литературе это сообщение Полиэна (V, 44) является единственным упоминанием о театрах в Северном Причерноморье. Прочие сведения о зрелищах в театрах на северной окраине греческой ойкумены можно почерпнуть из нескольких местных надписей и разнообразных археологических находок.

Античный театр всегда включал три основных элемента: оркестру, сцену и театрон. Оркестра была круглой или полукруглой площадкой для выступлений хора; сцена, буквально «палатка», первоначально служила местом переодевания актеров и хранения театрального инвентаря. С V в. до н. э. сцену, находившуюся позади оркестры, начали художественно оформлять как декоратив-

ный фон для пьес: стена сцены, выходившая на оркестру, чаще всего изображала фасад дворца или храма, перед которым обычно разворачивалось действие трагедий.

Места для зрителей, располагавшиеся уступами и подковой окружавшие оркестру, назывались театрон; они дали наименование всему сооружению. Театрон в течение многих веков мало изменялся, он делился на секторы радиальными и концентрическими проходами. Оркестра постепенно теряла свою определяющую роль, потому что хор в пьесах отодвигался на второй план и в конце концов совсем исчез. В VI–V вв. до н. э. на оркестре выступали хор и актеры, а в эллинистический период актеры перешли играть на крышу невысокой сцены либо на проскений, возвышавшийся за оркестрой перед стеной сцены.

Первоначально греческий театр служил местом проведения празднеств в честь Диониса, во время которых выступали детские и взрослые хоры, разыгрывались трагедии, комедии и сатировские драмы. Уже в V в. до н. э. их содержание часто не имело отношения к культу Диониса, а театр стал использоваться и для других зрелищ. Например, после 480 г. до н. э. в афинском театре устраивали петушинные бои (Ael. Var. Hist. II, 28)). Из упомянутого выше рассказа Полиэна и сочинений других античных авторов (Himer. Or. XVIII, 3) известно, что греки ходили в театр на концерты певцов и музыкантов, игравших на духовых и струнных инструментах. Со школьных лет эллины умели ценить ораторское искусство, поэтому они охотно слушали речи на философские и политические темы, и хорошие ораторы собирали большую аудиторию в театрах (Dio Chrys. I, 32; XXVII, 77; Himer. Or. XIII, 2). В первые века нашей эры театральную сцену стали приспосабливать для новых развлечений – звериной травли и гладиаторских боев.

О праздниках Диониса, проходивших в ольвийском театре, известно из текстов четырех надписей IV–III вв. до н. э. (рис. 31). В них говорится о чтении глашатаем почетных декретов в честь граждан Ольвии во время Дионисий в театре (IOSPE I². № 31; НО. 28; Виноградов, 1984, с. 57, 58), то есть в присутствии большинства граждан. Подобный обычай сообщать в театре о выдающихся заслугах соотечественников и иностранцев известен по

надписям из Афин и многих других греческих полисов. Эсхин в речи «Против Ктесифонта» говорил, что публичные провозглашения почетных декретов оказывают огромное воспитательное влияние на молодежь.

Местоположение театра на достаточно хорошо исследованном ольвийском городище до сих пор не обнаружено, хотя археологи неоднократно предпринимали его поиски. Скорее всего, театр находился на склоне между Верхним и Нижним городом, и еще в древности его полностью уничтожил оползень. На городище найден небольшой мраморный торс Силена с ребенком-Дионисом на руках. Наверное, эту статую, исполненную афинским мастером на рубеже IV–III вв. до н. э., приобрели для украшения ольвийского театра, так как подобная скульптурная композиция находилась в афинском театре. (Клейман, 1986, с. 115–120). После гетского разгрома в первых веках нашей эры ольвиополиты, вероятно, не смогли построить новый театр. Не случайно о нем нет упоминаний ни в одной надписи римского времени, а Дион Хрисостом (XXXVI, 17), по просьбе ольвиополитов, произносил речь не в театре, как ему случалось в других городах, а у храма Зевса, где лишь немногие уважаемые граждане могли сесть на ступенях храма, а остальным пришлось стоять.

В Херсонесе зрители проводили свой досуг в театре до заката античной эпохи. Позже на его месте построил христианский храм. При исследовании его руин О.И. Домбровский в 1954 г. увидел под ними несколько каменных скамей и ступенек лестницы, в которых археолог узнал фрагменты здания античного театра; дальнейшие исследования дали возможность понять, когда впервые появилось здание театра и как его перестраивали несколько раз (Домбровский, 1960, с. 29).

В III в. до н. э. херсонесты пригласили опытного зодчего для постройки каменного театра. Архитектор ориентировал его так, что солнце освещало проскений в любое время дня. Само здание соответствовало хорошим образцам своего времени, о чем свидетельствуют уцелевшие рустованные квадры, прекрасно пригнанные один к другому, и каменные скамьи с изящным профилем. От украшавшего театр мраморного фриза сохранился небольшой

фрагмент с изображением богини Гармонии — спутницы Муз и Харит, покровительниц музыкального и драматического искусств (Соломоник, 1988, с. 46). Театр существовал до IV в. н. э. и четырежды капитально перестраивался. Согласно реконструкции О.И. Домбровского, во II в. н. э. он вмещал около 3000 человек (рис. 32). Фасад проскения был выполнен в дорическом ордере; по размерам орхестры и проскения здание мало отличалось от театров Эллады, но значительно уступало многим по количеству мест для зрителей, что объясняется небольшим населением города (Домбровский, 1960, с. 30–36; Крыжицкий, 1993, с. 146, рис. 99, 100).

Херсонеситы приходили в театр смотреть драматические представления и музыкальные агоны, сопровождавшие многие праздники, начиная с эллинистического периода. Возможно, здесь в III в. до н. э. Сириск читал свое историческое сочинение, за которое соотечественники наградили его золотым венком (рис. 10; IOSPE I². 344; см. Приложение № 7). В первые века нашей эры, когда в городе стоял римский гарнизон, в театре стали проводить гладиаторские бои. Косвенным свидетельством об этом является перестройка театра во II в. н. э. когда проскений расширили и выдвинули вперед к зрителям; полукруглая площадка орхестры могла превращаться в арену до 30 м. в диаметре, а вместо первого ряда зрительских мест сооружался высокий барьер, вероятно, с металлической решеткой (Домбровский, 1960, с. 30–32).

На фрагменте обнаруженного в Херсонесе мраморного рельефа с изображением заключительного момента борьбы гладиаторов и надписью имени победителя Ксанф (НЭПХ. № 124 б, с. 68; АСХ. № 502, рис. 200) представлен один из моментов зрелища, которое наблюдали херсонеситы на сцене своего театра. Это схватка гладиатора, называемого секутором, и его традиционного противника ретиария, вооружение которого состояло из сети длиной около 3 м., большого трезубца и кинжала; он стремился сетью опутать противника и нанести ему решающий удар. На рельефе побеждает секутор. На его голове шлем, закрывающий лицо, в руках щит и короткий меч, которым он собирается нанести последний смертельный удар упавшему на землю ретиарию. Тот поднял вверх правую руку с раскрытой ладонью и отодвинутым большим

пальцем; этим жестом, обращенным публике, он безмолвно молит о помиловании (Горончаровский, 2009, с. 233). На обломанных краях рельефа уцелели части руки и ноги утраченных фигур, которые представляли другие сцены боя. Косвенными свидетельствами о популярности гладиаторских боев в Херсонесе служат привозные светильники с изображениями пар сражающихся гладиаторов или победителя с пальмовой ветвью, с которой он совершал круг почета по арене. В III–IV вв. светильники с подобными изображениями стали делать херсонесские мастера, причем чаще всего изображали схватки секутора и ретиария (Горончаровский, 2009, с. 235).

Около театра греки ставили стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок одной подобной надписей римского времени найден вблизи херсонесского театра. Сохранились лишь слова, говорящие о соревнованиях хоров, комедиографов и поэтов, писавших эпиграммы и энкомии (хвалебные стихотворения), а также глашатаев и трубачей (НЭПХ. № 127). Иллюстрацией к упоминанию о комедиографах могут служить бронзовая статуэтка актера в роли раба и терракотовые изображения комических масок и актеров, найденные в Херсонесе (Кадеев, 1996, с. 38; ТС. 1970, с. 73).

На правой обломанной части херсонесской надписи перечислялись победители; из них читается лишь автор энкомия Марк. Это латинское имя сразу напоминает, что во II–III вв. в Херсонесе находился римский гарнизон, и кто-то из его состава мог принять участие в состязании на празднике. Среди херсонесских надгробий есть эпитафия Аврелия Сальвиана, трубача одиннадцатого Клавдиева легиона (IOSPE I². 551; АСХ. № 390, рис. 167). Он изображен на стеле в полный рост с большой трубой в руках. Поэтому участие легионеров в соревнованиях трубачей вполне вероятно. Однако римские воины вряд ли столь хорошо знали греческий язык, чтобы писать на нем энкомии. Поэтому поэт-победитель Марк скорее всего был местным греком из первых лиц государства, имевших римское гражданство и потому носивших римские имена. Например, в декрете 174 г. среди херсонесских магистратов

тов, подписавших документ, четверо имели римские имена, а пятеро смешанные греко-римские (Антонова, Яйленко, 1995, с. 86).

Древнейшее свидетельство о театрах в городах Боспора относится к IV в. до н. э.; оно содержится в упомянутом рассказе Полиэна (V, 44), из которого следует, что театр был не только в столичном Пантикапее, но и в других боспорских городах, наверное, в Феодосии, Нимфее, Фанагории, Гермонассе. Наряду драматическими представлениями там проходили концерты музыкантов. Кроме уже упомянутого Аристоникиа, в боспорских театрах, наверное, выступал не менее знаменитый в Элладе кифарод Стратоник, живший при дворе царя Перисада (Athen. VIII, 41, 349 d).

В Пантикапее найдено почти целое мраморное кресло, изготовленное на рубеже IV–III в. до н. э. Подобные кресла устанавливали в театрах для жрецов, магистратов и почетных гостей (Блаватский, 1957, с. 247). Право занимать особые места в первых рядах театра входило в число привилегий, отмечавшихся в почетных декретах. Поэтому нам известно, что боспорянин Никий, оливиополит Дионисий и херсонесит Сокрит сидели на почетных местах во время дельфийских праздников (МИС. 12), а в Ольвии подобной привилегией пользовался гражданин Истрии Феодот (НО. 7) и некоторые милетяне (Syll³. 286).

Греческие театры, как правило, строились у подножия горы или холма, чтобы использовать естественное возвышение для располагавшихся уступами мест для зрителей. Поэтому, надо полагать, что пантикапейский театр находился на склоне горы Митридат, вершину которой венчал акрополь с резиденцией боспорских царей. Этот театр, вероятно, украшал мраморный рельеф с изображением свиты Диониса. От скульптуры, исполненной афинским мастером в IV в. до н. э., сохранился только фрагмент с фигурой человека в костюме силена, несущего на плече лозу с крупными гроздьями винограда (рис. 33; Гайдукевич, 1949, с. 126, рис. 27)

Как и в Херсонесе, в первые века нашей эры на Боспоре устраивали гладиаторские бои, участники которых изображены на стенах царского склепа I в. н. э. (АДЖ. с. 357, 358, табл. 89–91). Живописец нарисовал нескольких персонажей, выступавших на грандиозном представлении, возможно, организованном в память

о покойном царе (Горончаровский, 2009, с. 217). Действие начиналось, как было принято, травлей диких зверей, а после этого шли бои гладиаторов.

Как показано на фреске, во время травли пеший боец нанес трезубцем смертельный удар в горло леопарда, вооруженные копьями всадники убивали медведя, кабана и оленя, а целящийся из мощного лука всадник пускал стрелы в поднявшегося на задние лапы гепарда. Стоит отметить, что большинство изображенных на картине животных можно было изловить в окрестностях Боспора и не тратить, как в Риме, большие средства на приобретение экзотических зверей из дальних стран. По наблюдению В.А. Горончаровского (2009, с. 218), всадники, принимавшие участие в звериной травле, были боспорянами, так как они одеты в местный костюм, состоящий из длинного до колен хитона, перетянутого поясом, обтяжных штанов и небольших кожаных сапожек. Но во второй части представления полуобнаженные гладиаторы с традиционным оружием, в частности ретиарий с сетью, были профессиональными бойцами, за приглашение которых платили немалые деньги.

К косвенным свидетельствам о гладиаторских боях на Боспоре, как и в Херсонесе, относятся привозные и местные светильники с изображениями гладиаторов, а так же резные украшения саркофагов со сценами травли зверей. Но в отличие от Херсонеса эти сюжеты выходят из моды на Боспоре уже во II в. н. э., поэтому можно предположить, что увлечение гладиаторскими боями было здесь кратковременным (Горончаровский, 2009, с. 230).

О театре в Тире и в других не упомянутых выше городах Северного Причерноморья нет никаких определенных сведений. Мы так же не знаем, какие именно пьесы смотрели местные греки. Найденные здесь статуэттки актеров и терракотовые копии театральных масок, в большинстве своем находились в погребениях и были связаны с заупокойным культом. Однако они имели реальные прототипы, и по ним можно судить, что местные эллины хорошо знали основные типажи греческой трагедии, комедии и сатировской драмы. В последней корифеем хора сатиров обычно был пожилой Силен. Не случайно ольвийский и боспорский теат-

ры украшали изображения этого спутника Диониса, причем на боспорском рельефе хорошо видно, что перед нами не мифический персонаж, а именно актер в хорошо известном по другим изображениям костюме, который не закрывает кисти его рук и ступни ног (рис. 33). Для сравнения достаточно напомнить фигуру актера в костюме Паппосилена на знаменитой вазе Пронома с изображением нескольких актеров в роли Геракла и сатиров (рис. 34).

Терракотовая фигурка трагического актера из Фанагории, сделанная из местной глины на рубеже нашей эры (Кобылина, 1961, с. 89, табл. 12, 6), показывает, что на Боспоре вплоть до римского времени играли трагедии. Лицо актера скрывает трагическая маска, увенчанная высоким онкосом — треугольной приставкой, увеличивавшей рост исполнителей героических ролей в трагедии. На маске выделяется большой раскрытый рот с опущенными углами. Одетый в длинный плащ актер стоит, перебирая рукой струны какого-то неясно изображенного музыкального инструмента. Судя по форме и тому, что инструмент оперт на стоящую рядом высокую подставку, это — тригон, род древней арфы. Актер во время действия переодевал несколько масок, показывая, как меняется настроение или состояние героя (например, смена маски требовалась Эдипу после его ослепления); кроме того один и тот же артист зачастую изображал нескольких персонажей, поэтому, переходя к другой роли, он менял маску. По большей части маски представляли типы, хорошо известные и понятные зрителям. Но иногда, особенно в афинском театре V в. до н. э., изготавливали маски имевшие сходство с высмеиваемыми людьми; такой была маска Сократа в «Облаках» Аристофана (Ael. Var. Hist. II, 13). Множество различных типов масок описано в словаре Поллукса (IV, 133–154). Он назвал 28 трагических масок: 6 видов стариков, 8 — юношей, 3 — слуг и 11 женских масок. Для новой комедии Поллукс перечислил 11 разновидностей масок юношей, 9 — стариков, 7 — рабов, 14 молодых и 3 старых женских маски. По маске зритель сразу понимал, каковы пол, возраст, социальное положение и даже основные черты характера того или иного персонажа.

Находки терракотовых копий в Северном Причерноморье показывают, что местные греки знали много разновидностей

театральных масок (рис. 35, 36). С определенной сценической ролью можно связать маски и статуэтки Геракла, любимого персонажа, как трагедии, так и комедии. Три боспорских маски (На краю... 2002, № 227, 228; ММ. № 101) отождествляются с героем по повязке с характерным «геракловым узлом» (рис. 37); они относятся к его серьезным образам, а четыре статуэтки V–IV вв. до н. э. из Пантикапея, Феодосии и Херсонеса представляют Геракла в комедиях. Там он изображался пьяницей и обжорой; достаточно напомнить его роль в «Птицах» Аристофана. На упомянутых статуэтках Геракл одет в костюм комического персонажа с привязанным фаллосом; актер снабжен атрибутами героя — львиной шкурой и палицей. Феодосийская и две херсонесских статуэтки сделаны в Аттике, а пантикапейская местного производства (ТС. 1970, с. 73, табл. 8,3; ч. 2. с. 80, ч.3. с.19, табл. 10,3.).

Редкая иллюстрация целой театральной сцены сохранилась на двух терракотах IV в. до н. э. из Пантикапея и Кеп. На них представлены два актера в масках сатиров, несущих третьего актера в роли Диониса (Журавлев, Ломтадзе, с. 55–69; На краю ... 2002, № 212). Другая сцена с участием двух актеров, вероятно, персонажей местной комедии, представлена на статуэтке эллинистического времени; она сделана из боспорской глины и найдена в Пантикапее (Кобылина, 1961, с. 88). Одна фигура имеет маску и костюм раба, а у второго персонажа без маски изображено лицо юноши и одежда с характерными для боспорян узкими брюками (рис. 38). Вероятно, это эпизод пьесы, в котором раб поддерживал хозяина, помогая ему добраться домой. Судя по венку на голове безбородого молодого человека, он участвовал в пиршестве и там слишком много выпил, или его специально опоили.

Терракотовые маски дают представление о типажах, а не о действующих лицах определенных пьес. Комические персонажи из древней и средней комедии одевались в обтяжное трико, короткий хитон и плащ. Под ними прикреплялись утолщения, деформировавшие торс, с нижней части которого свисал большой кожаный фаллос. Уродство фигуры усугублялось широкой маской, делавшей актера большеголовым и лишавшей его шеи. Этот гротескный костюм, вероятно, заимствован из народных маскарадов,

представлявших фаллических демонов (Webster, 1956, p. 56). В таком наряде мы видим актера древней комедии на двух сходных статуэтках из Ольвии и Пантикапея (Ходза, 2001, с. 2008). Аттические скульпторы зачастую изображали комических актеров в роли раба, сидящего на алтаре; там он, наверное, искал убежище от наказания после совершения недостойных проделок. Подобные терракотовые статуэтки и фигурные сосуды найдены в Ольвии, Пантикапее и в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора (ТС.1970 с. 52; Ч.З. с. 19–20; АМ. № 76).

Комический актер в женской роли представлен тремя похожими статуэтками IV в. до н. э. из Ольвии, Пантикапея и кургана Большая Близница. Артист с большим выпирающим животом одет в женский хитон и гиматий (рис. 39). По-видимому, он гротескно представлял беременную старуху (Ходза, 2001, с. 210, 211; На краю... 2002, № 216) Иногда актер снабжен атрибутом, напоминающим хорошо известный образ из одной или нескольких пьес. Такова аттическая статуэтка IV в. до н. э. из Пантикапея, изображающая комического актера с молотом на плече (На краю.. 2002, № 215).

Рассмотренные статуэтки и маски дают лишь слабый намек на то, какие пьесы зрители смотрели в театрах Северного Причерноморья. Конечно, здесь ставили произведения прославленных греческих драматургов и местных авторов. Надо думать, что особый интерес проявляли к пьесам, действие которых происходило на северных берегах Понта. Из них сохранилась лишь одна трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», а по названиям и кратким цитатам известны трагедия Софокла «Скифы» и комедия Антифана «Скифы и тавры».

О существовании местных комедиографов свидетельствует упомянутый фрагмент херсонесского агонистического каталога. Пантикапейская терракота, изображающая раба и хозяина, вероятно, иллюстрирует местную комедию, так как хозяин одет в боспорский костюм (рис. 38). В эллинистический период широкую популярность завоевали мимы, диалогические или монологические сценки бытового содержания. Они известны сейчас по сочинению «Мимиямбы» ионийского поэта Герода. Иногда в мимах

шутливо изображались боги; может быть, в местном театре разыгрывался мим на сюжет мифа о коварстве Афродиты в борьбе с гигантами в какой-то пещере на Боспоре (Strab. X, 2, 10; Тохтасьев, 1983, с. 117). Терракотовая статуэтка актера-мима из Тиритаки (Котина, 2013, с. 405) указывает на знакомство боспорян с таким видом театральных представлений.

Термы

В первые века нашей эры в греческих городах появился новый вид общественных сооружений — общественные бани, термы. В них местные жители стали проводить свой досуг подобно римлянам, у которых посещение терм было излюбленным проведением свободного времени. О термах в Северном Причерноморье известно по надписям и архитектурным остаткам.

В ольвийской надписи конца II в. н. э. сказано, что в городе на общественных средства построена баня со штучным полом (IOSPE I². 174). Для ее возведения пригласили опытного архитектора; его имя не уцелело, но слова о том, что этот уроженец Никомедии обладал также гражданством Том, показывают, что жители этого города высоко оценили его мастерство и удостоили высшей награды, даровав право гражданства. Другая надпись о термах найдена в Херсонесе. В ней сообщается, что Деметрий соорудил термы для города на собственные деньги (НЭПХ. 133). Обе надписи, по-видимому, были вмонтированы на видном месте стены бани.

Архитектурные остатки терм, самых крупных в Северном Причерноморье, обнаружены в Херсонесе, фрагменты подобных построек найдены в Пантикапее, Фанагории и в Кепях (АГСП. 1984, с. 209; Крыжицкий, 1993, с. 185–186). Там раскрыты части строений, обязательных для любых терм: это комнаты для раздевания, помещения для холодных, теплых и горячих ванн, а также системы для подогрева воды. Римские бани имели мужские и женские отделения, либо в одной бане отводилось разное время для мужчин и женщин. Нам не известно, посещали ли женщины бани в Северном Причерноморье, или, подобно гимнасию, это было место для досуга только мужчин.

По произведениям римских авторов можно представить, как посетители проводили время в термах. Обычно при бане находился сад со скамьями, где посетители отдыхали, обмениваясь новостями. Кроме того здесь была обнесенная колоннадой площадка для разнообразных игр и занятий разными видами гимнастики, куда направлялись перед посещением собственно бани. Наряду с атлетическими упражнениями здесь любили заниматься разными играми с мячом или просто смотрели, как это делают другие.

Раздевшись в предбаннике, посетитель шел сначала в фригидарий, где размещался холодный бассейн, затем в тепидарий с теплым бассейном. В нем не мылись, а лишь прогревались, готовясь перейти в жаркий кальдарий. Там потели и отправлялись в большую ванную с горячей водой. В термы ходили не только для соблюдения гигиены и получения удовольствия, но также для улучшения здоровья, так как врачи рекомендовали баню для лечения некоторых болезней. Здесь также предлагали здесь свои услуги массажисты и банщики. Иногда при бане находились заведения, где можно было поесть, а в сами термы приходили разнощики всевозможной еды (Сергеенко, 1964, с. 144–160).

Частные формы проведения досуга

Симпосион

В вечерние часы греки нередко посвящали свой досуг встречам с друзьями и интересными собеседниками у себя дома или в специально нанятом помещении. Такие встречи сопровождались сначала угощением, а затем большую часть времени питьем вина, поэтому подобные сборища эллины называли симпосионом, то есть совместным питьем вина. За чашей вина участники застолья обменивались новостями, вели всевозможные беседы, пели, развлекались разными играми, слушали приглашенных музыкантов.

Масса упоминаний о симпосионах рассыпана по всей античной литературе: у лирических поэтов и комедиографов, у философов и астрономов. Трактаты Платона и Ксенофонта с заглавием «Симпосион» (в русских переводах «Пир»), хотя и посвящены философским рассуждениям участников застолья, изобилуют массой бытовых подробностей своего времени. Важнейшим источником о греческих симпосионах является одно из сочинений Плутарха, которое так и называется *Συμπόσιακῆ*. В русском переводе оно озаглавлено двумя словами «Застольные беседы» (Плутарх, 1990), так как автор воспроизводит беседы, которые в его присутствии велись на пирах в родной Херонее, в Афинах, Дельфах, Коринфе, Риме и других городах. Среди тем, обсуждавшихся гостями, были рассуждения о лучшей организации симпосиона (Plut. Sympos. I, 1–4). Современное значение слова симпозиум (такова его латинизированная форма) опирается на выработавшийся в античности литературный жанр философской беседы на пиру, но теперь подразумевает обсуждение не только философских, но и других тем.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют сведения о симпосионах на северном краю греческой ойкумены, но археологические находки в сопоставлении с записями древних авторов предоставляют немалые возможности для реконструкции этого вида досуга северопричерноморских греков. К таким свидетельствам относятся наличие андронов, специальных больших комнат

для приема гостей, в богатых домах Ольвии, Херсонеса, Керкинитиды, Пантикапея и Фанагории (Домбровский, 1994, с. 169; Крыжицкий, 1993, рис. 109–114). При раскопках всех городов и более или менее крупных поселений найдено множество обломков парадной посуды; особенно часто встречаются фрагменты разнообразных сосудов для вина, которые употребляли во время симпозионов. На некоторых имеются застольные надписи, прочерченные острым предметом во время пира. Древнейшие из них сделаны борисфенитами и ольвиополитами в архаическое время (Толстой, 1953, № 10, 11; ББ. № 261, 262, 266, 267). Надгробные стелы римского времени из некрополей Боспора и Херсонеса часто украшала сцена загробной трапезы (АП. № 129, 171; АСХ. № 336–344, 350–354). Умершего изображали пирующим; он счастлив, предаваясь любимому досугу в потустороннем мире. Образцом для подобных рельефов служили симпозионы в реальной жизни. Поэтому можно утверждать, что симпозион сопровождал жизнь греков в Северном Причерноморье на протяжении всего античного периода существования древнегреческих государств в этом регионе.

Симпозионы проводили не в любой день; например, в дни, посвященные подземным богам, полагалось соблюдать пост. Античные авторы называют разнообразные поводы для устройства симпозиона: отпраздновать победы на всевозможных состязаниях, попрощаться с друзьями, отправлявшимися в дальний путь, или приветствовать их возвращение из путешествия, устроить ужин после жертвоприношения и др. В «Пире» Платона беседа происходит в доме поэта Агафона, который созвал гостей в честь своего успеха на драматическом агоне; гости в «Пире» Ксенофонта отмечали победу юноши в атлетическом состязании; друзья Плутарха несколько раз собирались на симпозион по случаю его возвращения из Александрии (Plut. Sympos. V, 1; Mor. 678 e).

Подобно другим грекам, эллины в Северном Причерноморье отмечали симпозионом различные награды, полученные за заслуги перед государством или за победу на спортивном или музыкальном агоне. О таких наградах известно по текстам почетных декретов, записанных на каменных стелах из Тиры, Ольвии и Хер-

сонеса (Скржинская, 2010, с. 281–314). Здесь, как и повсюду в греческой ойкумене, любили пригласить гостей, чтобы послушать рассказы приезжих из других городов или соотечественников, возвратившихся из путешествия (Plut. Sympos. IV, 3; Mor. 666 f). Вероятно, местные греки соблюдали присущий эллинам обычай устроить праздничное угощение после жертвоприношений, которые в древности совершали по самым разнообразным случаям (Xen. Mem. 3, 11; Plut. Sympos. III, 1; Mor. 642 f, 645 d). Немыми свидетелями древних жертвоприношений являются множество античных каменных алтарей, найденных при раскопках на северных берегах Черного моря (Скржинская, 2010, с. 20–21).

В обязанности хозяина не всегда входила забота о предоставлении всего необходимого для застолья, а именно еды, вина, благовоний для умащения, венков из цветов и душистых растений. Ведь симпосион нередко устраивался вскладчину, и гости сами приносили еду и вино (Xen. Symp. I, 15; Memorab. III, 14, 1; Parke, 1977, p. 110). У небогатых людей эти яства бывали довольно скромными. В I в. до н. э. Филодем в одной из своих элегий описал, как один гость принес капусту, другой — соленую рыбу, третий — лук, четвертый — печень, пятый — свинину.

Греки не любили многолюдных сборищ; они считали, что для приятного общения количество гостей не должно превышать числа муз, то есть девяти. Плутарх (Symp. V, 5; Mor. 678 d), рассуждая на тему, надо ли приглашать на симпосион много гостей, говорил, что хорошее застолье теряет смысл, если количество его участников превысит пределы, допускающие возможность одновременного общения всех сотрапезников. Этим объясняется, почему Агафон, хозяин симпосиона в «Пире» Платона, пригласил всего пятирех гостей, а в комедии Аристофана «Осы» перечислено семь сотрапезников. К приглашенным иногда присоединялись приведенный гостем приятель или незванный друг дома. Так Сократ по своей инициативе привел к Агафону Аристодема, а в разгар пира туда зашел Алкивиад, возвращаясь с другого симпосиона, и хозяин радушно его принял, усадив рядом с собой.

На симпосион звали к назначенному часу, и опоздание считалось дурным тоном (Plut. Sympos. VIII, 6; Mor. 726 a–b). Гости по-

являлись в праздничной одежде; сняв обувь и омыв ноги, проходили на мужскую половину дома в андрон. Там они располагались на местах, выбранных ими самими или указанными хозяином. Произвольный выбор считался демократичным, но хозяину часто следовало распределить гостей по рангам, особенно если являлся почтенный или знатный гость: ведь определенные места в андроне считались наиболее почетными, причем в разных государствах они определялись не одинаково (Plut. Sympos. I, 3; Mor. 619 b).

Остатки андронов найдены при раскопках многих античных городов. В Северном Причерноморье полы и части стен таких комнат открыты в Ольвии, Пантикапее, Фанагории и Керкинитиде. (Крыжицкий, 1993, рис. 108–114). Стены богатых андронов украшали росписи по штукатурке, полы устилала мозаика из разноцветной гальки, а начиная со II в. до н. э. из смальты (кубиков для мозаики). В городах Северного Причерноморья обнаружены фрагменты разноцветной штукатурки и остатки полов андронов с мозаикой только из гальки; она чаще всего воспроизводила геометрические орнаменты: круги, ромбы, квадраты, меандры и др. Сюжетная композиция украшала пол в ольвийском доме III в. до н. э. (рис. 40), но к сожалению, там утрачена центральная картина, заключенная в круг; уцелели два шедших по краю орнаментальных пояса: внешний в виде волны и внутренний с изображением пантер, львов, кабанов и грифонов (Леви, 1985, с. 40, рис. 25, 26). Лучшее всего сюжетное изображение сохранилось среди руин большого дома III–II вв. до н. э. в Херсонесе (рис. 41). Там цветной галькой были выложены фигуры двух обнаженных женщин; они стоят у лутерия, чаши для омовения, на которой сидит голубь, священная птица Афродиты. По предположению О.И. Домбровского (1994, с. 159–169), художник представил Афродиту в двух ипостасях: Урания (небесная) в плаще, а полностью обнаженная — богиня любви и красоты.

В ольвийском андроне вокруг мозаичного пола вдоль стен на возвышающихся панелях находилось восемь лож (Крыжицкий, 1971, с. 57–58). На них в античности возлежали мужчины во время трапезы, причем на одном ложе могли помещаться два (рис. 42) и даже три человека. В «Пире» Платона вместе с хозяином Агафоном

на ложе находился Сократ, а когда позже к ним присоединился Алкивиад, возник спор, кому поместиться рядом с философом (Plat. Symp. 213 b, 223 b). Поэтому на восьми ложах упомянутого андрона могло поместиться до двадцати гостей, но, как уже говорилось, их обычно бывало значительно меньше.

Античные ложа днем служили местом для еды и отдыха. Ложе состояло из деревянной или реже бронзовой рамы, установленной на четырех ножках. На раму натягивались ремни или веревки, сверху клали матрац, а под руку возлежащего одну или несколько подушек. Это хорошо видно на ольвийской стеле ситонов, изготовленной в III в. до н. э. (рис. 15). Пирующий мужчина опирается на несколько подушек в изголовье ложа, ножки которого украшены сложной резьбой. Рядом стоят пять ольвиополитов, составлявших коллегия ситонов; как явствует из надписи на стеле, они вошли в комиссию, созданную для обеспечения населения хлебом в голодный год (НО. 72). Успешно исполнив свои обязанности, ситоны заказали рельеф с изображением своей коллегии, Бога и Богини, им покровительствовавшим. Бог представлен в виде пирующего бородатого мужчины в плаще на обнаженном теле, он возлежит на ложе и держит наполненный вином ритон; у ложа стоит круглый столик с яствами и мальчик-виночерпий.

На этой стеле, как и на более поздних надгробиях со сценами заупокойной трапезы, хорошо видно, что греки в Северном Причерноморье в торжественных случаях одевались так же, как эллины в прочих античных государствах, то есть носили большой плащ-гиматий, окутывая им обнаженное тело, либо надевали этот плащ поверх нижней рубашки- хитона. В такой праздничной одежде приходили на симпозион.

Приступая к застолью, собравшиеся выбирали симпосиарха, распорядителя пира. Он следил за направлением беседы, не допускал крайностей, руководил смешиванием вина с водой, старался не разрешить гостям слишком много пить (Plut. Symp. II, 4; Мор. 620). Во время симпозиона ценилось умение принять свободную и непринужденную позу, а в начале беседы похвалить что-нибудь из окружающей обстановки.

Перед едой слуги подавали воду для мытья рук, затем у каждого лежа ставили маленькие столики с угощением, которые меняли при каждой перемене блюд (Aristoph. *Vesp.* 1210–1218). Такой круглый столик на трех ножках представлен на стеле ситонов (рис. 15) и на упомянутых херсонесских и боспорских надгробных памятниках (рис. 43). Прежде чем приступить к питью вина, пирующие снова мыли руки, а слуги подметали и даже мыли пол (Xenophon. I, 1), потому что туда падали остатки еды и куски хлебного мякиша, с помощью которого ели и обтирали руки. Ведь греки почти не употребляли ложек и вилок, они ели руками пищу, предварительно разрезанную на небольшие куски. В одном ольвийском андроне археологами обнаружены даже канавки, куда стекала вода при мытье пола (Крыжицкий, 1971, с. 57). После влажной уборки мокрая галечная мозаика в центре андрона блестела особенно ярко и радовала глаз своим узором.

Трапеза начиналась с горячих и холодных растительных, мясных или рыбных блюд. Потом подавался десерт: фрукты, орехи, сыр, а затем начинался собственно симпозион. В присутствии гостей вино, принесенное в большой амфоре (рис. 44) с клеймом производителя (рис. 45), смешивали в больших кратерах с налитой в гидрию (рис. 46) водой и затем черпаком наполняли столовые амфоры (рис. 47), пелики (рис. 48) или ойнохои (рис. 49), а затем разливали в кубки различных форм — килики (рис. 50), скифосы (рис. 51), канфары (рис. 52), ритоны и др. Вино зачерпывали специальными керамическими (рис. 53) или бронзовыми черпаками — киафами (АХБ № 39) и лили через ситечки (рис. 54), поскольку в древности вина имели осадок.

В богатых домах в парадный сервиз входили сосуды из золота, серебра и бронзы (Plut. *Alc.* 4). Среди редких подобных находок в Северном Причерноморье назовем два серебряных канфара II в. до н. э. (рис. 55), находившиеся в Артюховском кургане недалеко от Фанагории, бронзовые гидрию и ойнохою с серебряными вставками и фигурными украшениями из Пантикапея и Нимфея, бронзовый черпак для вина с ручкой, оканчивающейся двумя лебедиными головками из Нимфея V в. до н. э. и др. (АХБ. № 34, 37, 43). В первые века нашей эры в парадном сервизе появились про-

зрачные и пестрые стеклянные сосуды: блюда для фруктов, кувшины и ойнохой, разнообразные кубки для вина. Стаканы, снабженные надписями с заздравными пожеланиями или пожеланием одержать победу, могли служить призом на состязании в пении, чтении стихов или в развлекательных играх, устраивавшихся на симпозионе (АГСП. 1984, с. 234–235, табл. 70, 71).

Наиболее распространенной была керамическая посуда. Ее обломки с хорошими росписями ионийских и афинских вазописцев встречаются даже в скромных землянках, в которых первоначально жили колонисты. Бесчисленное количество фрагментов чернолаковой и расписной столовой керамики найдено при раскопках античных городов, а в погребениях сохраняются целые сосуды, дающие возможность почти по каждому обломку узнать всю форму изделия. Поэтому сейчас можно достаточно хорошо представить парадный сервиз для симпозиона, употреблявшийся в любом из исследованных археологами греческом городе.

Аттические мастера любили украшать вазы изображениями симпозиона (рис. 56). Жители Северного Причерноморья приобретали сосуды с таким декором. Древнейшие образцы подобных ваз найдены в Борисфене и Пантикапее. В конце VI в. до н. э. состоятельный боспорянин приобрел такой чернофигурный кратер для смешивания вина на пирах в Пантикапее (рис. 42). На сохранившемся фрагменте представлены пирующие молодые безбородые и зрелые бородатые мужчины, они по двое возлежат на каждом ложе; пирующих развлекает флейтист, а слуга подносит килик с вином. Стены андрона украшены венками с цветами, намеченными белой краской (CVA. T.1. Pl. 25, 2). В Борисфене в парадный сервиз того же времени входила краснофигурная чаша с изображением пирующих юношей (рис. 57), держащих в руках килики, ритон и другие сосуды для питья вина (ББ. № 164). На тему симпозиона расписан краснофигурный кратер первой четверти IV в. до н. э. из Керкинитиды. На нем нарисованы трое мужчин, расположившихся на двух ложах, и развлекающая их гетера; у каждого ложа стоит круглый столик, на который ставили еду и напитки (Кутайсов, 2013, с. 106, рис. 46). Обломки ваз со сценами

симпозиона найдены при раскопках Ольвии (сообщение О. Буравчук).

Хозяин симпозиона зачастую любил похвастаться изысканной посудой. Это можно иллюстрировать на примере двух дорогих керамических ваз с накладными рельефами из некрополя Пантикапея. Их положили в могилу как особо любимые вещи умершего. Эти вазы не были предметами массового аттического производства, которыми торговали по всей Элладе и ее колониям. Интересующие нас гидрия для воды, которой разбавляли вино, и ойнохоя, из которой разливали по кубкам готовый для питья напиток, принадлежат к дорогим изделиям афинских мастеров, делавших такие сосуды по желанию заказчика. Ойнохоя, изготовленная в конце V в. до н. э., относится к серии только что входивших в моду сосудов с раскрашенными накладными рельефами.

Образцом для гончаров послужили драгоценные металлические вазы с рельефным декором. В отличие от таких монохромных металлических изделий краснофигурные вазы с многоцветными рельефами блистали яркими красками и позолотой, что придавало им особую привлекательность. Они были ценными штучными изделиями, и до наших дней уцелело немногим более сотни образцов, обнаруженных в разных частях греческой ойкумены (Zervoudaki, 1968). В их числе около десятка найдено в некрополях Боспора.

Упомянутая ойнохоя из Змеиного кургана считается лучшим образцом из известных сейчас ваз конца V в. до н. э. (Корске, 1969, S. 546). На ней помещены иллюстрации двух мифов, в которых участвуют шесть персонажей, и около трех написаны их имена. В группе, украшающей одну сторону вазы, сидящий полуобнаженный юноша назван Адонисом, а стоящая рядом женщина — Пейто. Афродита и крылатый Эрот легко определяются и без поясняющих надписей. Перед нами иллюстрация мифа о прекрасном юноше Адонисе, которым пленилась Афродита. Ее сын Эрот и постоянная спутница Пейто, богиня убеждения и красноречия, помогают возбудить ответное чувство у Адониса. Изображения Адониса, божества восточного происхождения, впервые появляются на аттических вазах в конце V в. до н. э. (LIMC, Bd. 1, S. 228), так что

боспорянин приобрел одну из ранних ваз с этим мифическим персонажем. Образованные эллины знали мифы об Адонисе еще в архаический период; ведь об этом божестве писали поэты Гесиод (фр. 139), Сафо (фр. 23), Паниасис (Apollod. Bibl. III, 14, 4). Сейчас мифы об Адонисе известны из сочинений Аполлодора и Овидия (Apollod. Bibl. III, 14, 4; Ovid. Met. 300–524; 708–739), описавших, как юноша стал возлюбленным Афродиты и погиб во время охоты от раны, нанесенной кабаном. Пантикапейский владелец вазы, покупая дорогую ойнохою для своего парадного сервиза, мог знать рассказы об Адонисе по литературным произведениям или по собственным впечатлениям при посещении Афин, когда там в середине лета справляли двухдневный праздник Адониса, умирающего и воскресающего бога (Plut. Alcib. 18; Nic. 13).

На другой стороне вазы находится иллюстрация к эпизоду из троянского цикла мифов. На это указывает надпись Тевкр; так звали брата Аякса, а о подвигах самого Тевкра греки помнили по нескольким упоминаниям в «Илиаде». В сказаниях о конце Троянской войны говорилось, что Аякс перед самоубийством поручил брату позаботиться о своем сыне Эврисаке, которого родила Текмесса, захваченная в плен после падения Трои (Soph. Ai. 569–576). На ойнохое фигура Тевкра помещена рядом с женщиной, держащей на коленях ребенка. Это Текмесса с младенцем Эврисаком. Во второй половине V в. до н. э. этот второстепенный эпизод из троянских сказаний получил широкую известность среди афинян, благодаря трагедиям Софокла «Аякс» и «Эврисак». Владелец вазы, наверное, как и многие боспоряне в V–IV вв. до н. э., ездил в Афины и посещал театр. Вероятно, он сам приобрел в афинской мастерской дорогую ойнохою с входящим в моду декором и с иллюстрациями мифов, которые на Боспоре знали немногие образованные люди, принадлежавшие, как правило, к состоятельным слоям общества. Разливая вино из красивой ойнохой, хозяин с гордостью обращал внимание гостей на сосуд с редким для того времени декором и объяснял, что на нем изображено.

Большая краснофигурная гидрия IV в. до н. э. украшена иллюстрацией мифа о споре Афины и Посейдона за обладание Аттикой (рис. 46), она относится к редким экземплярам крупных

роскошных ваз с рельефами (АП. 1973, № 37; LIMC. Bd. 1. S. 291, № 38; Bd. 2, S. 997. № 453). Сейчас на рельефах уцелели лишь остатки разных красок и позолоты. Возможно, по желанию боспорского заказчика, мастер изобразил спорящих богов, стоящих около оливкового дерева; они воспроизводят скульптуры Фидия, находившиеся в центре западного фронтона Парфенона. Этот храм, построенный за несколько десятилетий до изготовления гидрии, вызывал всеобщее восхищение. Во время пиров, глядя на вазу, боспоряне вспоминали свое посещение афинского акрополя, а тем, кто там не бывал, рассказывали об удивительном храме и его декоре с изображением кульминационного момента предания о том, как Афина и Посейдон стремились завоевать первенствующее положение в Аттике: богиня дарила оливковое дерево, а Посейдон — соляной источник. Фигурка Ники, летящей к Афине, символизировала ее победу в состязании.

Комната, где проходили симпозионы, освещалась несколькими светильниками. Большинство их было керамическими с одним или двумя рожками, в которых горел фитиль, смоченный в масле, наполнявшем резервуар светильника. Его верхний щиток часто украшали рельефами. В богатых домах на симпозионе использовали бронзовые светильники. Таков светильник из раскопок Пантикапея; его ручка оканчивается изображением театральной маски (рис. 58).

Перед тем, как начать пить вино, греки повязывали голову лентами (рис. 56) или надевали венки из цветов и душистых растений, умащались благовонными маслами, затем пели хором пеан и совершали возлияния в честь Доброго Гения и других божеств (Plat. Symp. 212 e; Xen. Symp. II, 1; Athen. IV, 2). Надписи на застольных чашах свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье придерживались аналогичных правил. Посвящения Доброму Гению прочерчены на киликах V–IV вв. до н. э. из Ольвии и Пантикапея (Толстой, 1953, № 12, 14, 161). На других киликах вырезаны надписи застольного содержания: «Наливай пить в меру сил», «Выпив меня, Поликрат будет радоваться», «Наполняй до краев» и др. (Толстой, 1953, № 10–17).

Третью чашу вина пили за удачу и посвящали ее Зевсу Сотеру, что отразилось в поговорке «третья — Сотеру» (Liddle, Scott, 1968, p. 175). Это правило, по всей вероятности, соблюдалось и на симпозионах в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют граффити с именем Зевса Сотера на застольных чашах и кратерах из Борисфена, Ольвии и Пантикапея (Толстой, 1953, № 161; Яйленко, 1980, с. 90, 91; Русяева, 1992, с. 57). Диодор Сицилийский (IV, 3) так объяснял, почему во время питья вина следует вызывать к Зевсу Спасителю: «Неразбавленное вино приводит в буйное состояние, а разбавленное зевсовым ливнем сохраняет наслаждение и удовольствие, избавляя в то же время от пагубы, которая исходит от буйства и развязности».

Вино разбавляли водой в различных пропорциях, поэтому его можно было выпить много. Поэтому кубки для вина вмещали большое количество жидкости. Гесиод в поэме «Труды и дни» (ст. 596) рекомендовал пропорцию из трех частей воды на одну часть вина, а вино, разбавленное наполовину водой, считалось очень крепким. Утонченные любители вина пили каждый сорт с определенным количеством воды (Plut. Symp. I, 4; Mor. 620 e). Иногда вино смешивалось с горячей водой (Athen. IV, 4), но обычно с холодной, а летом специально охлажденной. Пить цельное вино считалось опасным для жизни. Об этом говорится в эпиграмме Каллимаха (AP. VII, 454):

Пьяницу Эрасискена винные чаши сгубили:

Выпил не смешанным он сразу две чаши вина.

Перевод Ю. Шульца

По мнению греков, только варвары способны пить неразбавленное вино, но вместо приятной беседы и веселого настроения у них, как, например, у скифов, получалось крикливое пьяное собрание. Такие привычки считались унижительными и губительными. Геродот записал рассказ спартанцев о том, как их царь Клеомен сошел с ума и умер, потому что научился у скифов пить неразбавленное вино. Поэтому, когда спартанцы хотели выпить ви-

на покрепче, они говорили: «Налей по-скифски!» (Her. VI, 84; Athen. X, 29).

Греки считали хорошим тоном пить умеренно, чтобы при возвращении домой не нуждаться в помощи слуги (Theogn. 475–495; Xenophan. I, 17–18), но это правило зачастую нарушалось (Theogn. 469–470; 479–484). В «Пире» Платона (223 с, d) некоторые гости, опьянев, заснули тут же за столом. Комедиограф Евбул с наибольшей полнотой отразил отношение греков к тому, сколько следует пить вина: после трех чаш разумному гостю следует удалиться домой, четвертую чашу осушают соревнующиеся в умении пить кубок залпом, после пятой чаши за столом поднимается крик, после шестой чаши гости ударяются в разгул, после седьмой начинают драться, восьмая чаша приводит к тюрьме, девятая к болезни, а после десятой сходят с ума (Athen. II, 36). На симпозионах в Северном Причерноморье устраивались соревнования, о которых говорит Евбул. Это отражено в граффити на застольных чашах: на ольвийском килике прочерчены слова «выпить одним духом», а на кубке из Херсонеса надпись сообщает, что на пиру будет первенствовать тот, кто без перерыва пять раз осушит кубок (Яйленко, 1980, № 92; 1987, № 1491).

Симпосион сопровождался различными беседами, музыкой, пением, играми. Выразителен в этом плане вопрос одного из гостей Агафона: «Неужели мы не будем беседовать за чашей, не петь, а просто пить, как пьют для утоления жажды?» (Plat. Symp. 214 b). Плутарх во вступлении к четвертой книге «Застольных бесед» (Mor. 660 a, b) писал, что «на симпосион разумные люди для того и отправляются, чтобы доставить удовольствие себе и друзьям, вместе с тем приобрести новых друзей. Сотрапезнику подобает приобщиться не только к еде, вину и лакомствам, но и к речам, шуткам и веселью, приводящему к взаимному дружескому расположению».

Беседы на различные темы были излюбленным времяпровождением греков. Днем в городе цирюльни и лавки становились центрами встреч имеющих досуг граждан; в них обсуждались различные животрепещущие вопросы (Plut. Nic. 30). Феофраст называл такие сборища «сухими симпосионами», потому что там не

пили вино (Plut. Symp. V, 5; Mor. 679 a). Неспешные и серьезные беседы велись в узком кругу на вечернем застолье. Костяные таблички V в. до н. э. с надписями орфиков свидетельствуют о том, что ольвиополиты задумывались о смысле жизни и смерти, войны и мира, истины и лжи (Русяева, 1992, с. 16–17), а в конце I в. н. э. посетивший Ольвию оратор Дион Хрисостом (XXXVI, 16, 24) встретил людей, читавших Платона, и собрал большую аудиторию, слушавшую его рассуждения о наилучшем управлении государством. Но гораздо чаще на симпозионах речь шла о житейских делах: судебных тяжбах, которые касались участников или о которых говорил весь город, о ценах, о войнах и т. п. Многие сотрапезники хотели отвлечься от тяжелых повседневных забот, предаваясь легким разговорам о любви за чашей вина, о чем в своих стихах распевал на пирах Анакреонт (AP. IV, 9):

Мил мне не тот, кто, пируя, за полною чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселей на пиру.

Перевод Л. Блуменау

Питье вина часто перемежалось пением стихов лирических поэтов, арий из театральных пьес и застольных песен, и это тоже отразилось в творчестве Анакреонта, автора многих песен, исполнявшихся на симпозионах.

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик, резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно;
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Перевод А.С. Пушкина

Застольные песни назывались сколиями; поющий держал в руке ветвь и передавал ее другому сотрапезнику по своему выбору, а тот либо оканчивал песню, либо запевал другую и передавал ветвь следующему. Аристофан в «Осах» (ст. 1225–1245), описывая симпосион, привел начальные стихи популярных в его время сколиев. Наверное, на пирах в городах Северного Причерноморья наряду с местными песнями пели сколии и стихи поэтов из разных городов, а также популярные во всей Элладе арии из пьес афинских драматургов. Ведь сюда прибывали корабли с товарами из многих греческих государств, а на симпосион эллины любили пригласить приезжих, чтобы послушать новости. Плутарх в биографии афинского стратега Никия (гл. 29) рассказал о том, сколь хорошо афинские моряки запоминали много стихов и мелодий из популярных пьес и как их любили узнавать в разных городах.

Гости на симпосионе нередко читали стихи, а лучшим исполнителям иногда вручали призы. В IV в. до н. э. таким призом на пиру в Пантикапее стала чернолаковая солонка, на которой острым предметом сразу же прочертили, что победа досталась Гигиенту и Патайку (рис. 59). Скорее всего, они состязались в чтении отрывков из эпоса (Блаватский, 1964, с. 93.), но это могло быть и иное соревнование, например, в популярных на симпосионах отгадываниях загадок или в играх в коттаб.

Иногда на симпосион звали шутов и актеров. Первые развлекали общество остроумными высказываниями и анекдотами, вторые разыгрывали небольшие сцены, а порой даже целое представление, описанное Ксенофонтом (Sympr. I, 13). Об участии актера-мима в пирушке, устроенной в середине VI в. до н. э. в Борисфене, известно по надписи на поддоне чернофигурной чаши для вина, принадлежавшей некоей Мелесии, по-видимому, гетере (Яйленко, 1982, с. 302–303).

Для симпосиона на рынке можно было нанять поваров и музыкантов. Редкий пир обходился без хотя бы одного музыканта, чаще всего флейтистки (Plut. Mor. 643 b), недаром ее часто изображают у ложа пирующих (рис. 56). В русском переводе женщину, игравшую на аулосе, принято называть флейтисткой, хотя звук этого духового инструмента был ближе всего к современно-

му гобою. Среди струнных инструментов на симпозионе чаще всего звучала лира, на которой учились играть в школе, так что и сами пирующие могли аккомпанировать застольным песням. Кроме того в эллинистический период наряду с флейтистками стали приглашали псалтрий, игравших на тригоне, прототипе современной арфы (рис. 60). Их изображения известны по терракотам, найденным в Пантикапее (Блаватский, 1964, рис. 42; ММ. № 114). О профессиональных музыкантшах на Боспоре свидетельствует эпитафия флейтистки (αὐλητρίς) Пассафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э. (КБН. 875). Отсутствие патронимика на ее надгробии указывает, что она не принадлежала к гражданскому населению; это не случайно, так как женам и дочерям граждан нельзя было заниматься такой деятельностью.

Иногда музыкантш посылали в гинекей развлечь женщин. Так, поэт Агафон позвал, как положено, на свой пир флейтистку, но ее отправили в гинекей, когда гости единодушно решили посвятить все время философской беседе (Plat. Symp. 176 e). Женщинам посылали также блюда, которые подавали на первой и второй перемене столов, но содержимое третьих им не полагалось. Как пишет Элиан в «Пестрых рассказах» (II, 41), женщина, «склонная к вину, а тем более, много пьющая, была отвратительна». В классический период в Милете и Массилии существовал закон, запрещавший женщинам пить, и они его строго придерживались (Ael. Var. Hist. II, 38). Возможно, такие же правила действовали в милетских колониях Северного Причерноморья. Однако подобные установления нигде не касались гетер, принимавших участие в симпозионе, поэтому их изображали с чашей для вина в руках (рис. 56). В V в. до н. э. такой гетерой была Анагора; на одном ольвийском симпозионе ей поднесли наполненный вином кратер и написали на нем ее имя (Толстой, 1953, № 13).

Пирующие любили смотреть на танцы, которые нередко сопровождались акробатическими номерами. В «Пире» Ксенофонта танцовщица исполнила один танец на гончарном круге, другой среди воткнутой в землю кинжалов, третий — подбрасывая в такт музыке одновременно 12 обручей. Иногда и сами гости пускались танцевать (Her. VII, 129; Plat. Symp. 16–20).

Участники симпозиона развлекались всевозможными играми, чаще всего в коттаб. В углубленном сосуде с водой плавали пустые чашечки, в них надо было попасть остатками вина из своего кубка, чтобы чашечка погрузилась в воду. Существовали и другие варианты этой игры, но задача всегда состояла в том, чтобы метко выплеснутым вином заставить другой сосуд принять определенное положение (Sparkes, 1960, p. 202).

Такое развлечение во время симпозиона в Ольвии упомянуто во фривольном граффито на чернолаковом скифосе рубежа VI–V вв. до н. э. (Граков, 1968, с. 115, рис. 4). Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом (XXXVI, 6), писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета. Впрочем, подобные отношения вообще характерны для эллинов, о чем имеется множество упоминаний в античной литературе, начиная с мегарского поэта Феогнида, посвятившего в VI в. до н. э. Кирну свои знаменитые элегии.

Возвращаясь с симпозиона домой, гости продолжали пританцовывать и петь песни под аккомпанемент лиры или аулоса. Такую веселую процессию нередко рисовали аттические вазописцы на различных сосудах, предназначавшихся для вина. Чернофигурный килик с подобной росписью найден в Ольвии (Горбунова, 1983, с. 152). На нем представлены идущие с пирушки четверо мужчин и одна женщина; один молодой человек играет на аулосе, другой заигрывает с гетерой, держащей в руках лиру (рис. 50).

В архаический период симпозионы устраивались в аристократических домах, но позже они стали распространенной формой организации досуга более или менее состоятельных граждан. (Свенцицкая, 1999, с. 54). Домашние застолья служили отдыхом и развлечениями, определявшимися интеллектуальным уровнем и настроением собравшихся. У одних преобладали дружеские беседы, у других игры и песни, у третьих гетеры и выступления танцовщиц, мимов и фокусников, но все это сопровождалось питьем вина. Конечно, состоятельные люди имели возможность чаще,

чем более бедные сограждане, заполнять свой досуг таким образом. Порядок совместной трапезы в основных чертах сохранялся в течение многих веков. Изменения касались способов приготовления разных блюд, менялась мода на застольные песни и мелодии, и, конечно, беседы затрагивали все новые животрепещущие темы современности.

Совместные трапезы членов религиозных сообществ

Небольшие объединения частного характера или, как их теперь называют, микрогруппы, составляли на протяжении всей античности важную особенность общественной и частной жизни любого греческого полиса (Свенцицкая, 1985, с. 43; Кнабе, 1987, с. 164–181). Особенно возросла их роль в эпоху эллинизма (Устинова, 1988, с. 215). Совместные трапезы стали излюбленной формой общения греков из разных слоев населения, объединявшихся во всевозможные союзы: культовые, погребальные, землячества соотечественников, живущих в чужом полисе, союзы взаимопомощи. Наиболее древними были культовые ассоциации, члены которых поклонялись не общегосударственным божествам. В число основных ритуалов почитания божества входила совместная трапеза, на которой бог считался хозяином или гостем, получавшим в качестве дара свою долю жертвы. Наряду с ритуальной стороной, трапеза членов союза оказалась в значительной степени поводом для веселого времяпровождения (Устинова, 1988, с. 197).

В эпоху эллинизма, когда многие граждане отстранились от общественной деятельности и целиком ушли в частную жизнь, появилась потребность принадлежать к некому объединению, отличному от семьи. В результате возникло много новых различных сообществ, называемых фиасами, и общей чертой большинства из них были совместные застолья в домах членов сообщества или в нанятом помещении (Свенцицкая, 1985, с. 45; Устинова, 1988, с. 198, 208). Древнейшие сведения о таких сообществах в Северном Причерноморье относятся к Ольвии. Это известные по надписям аристократические союзы мольпов и нумениастов, а также фиас

почитателей Диониса, упомянутый в новелле о Скиле у Геродота (IV, 78); видимо сюда же следует отнести орфические сообщества V–II вв. до н. э., тесно связанные с культом Диониса (Русяева, 1992, с. 193–200). Ольвийский союз мольпов, известный по эпиграфическим источникам V в. до н. э., продолжил традиции своей метрополии. Судя по надписям, милетские мольпы имели общественную кассу и свой дом, в котором проходили симпозионы. Для них все члены союза, кроме специально освобожденных, предоставляли продукты, доставка которых входила в обязанности младших членов. Структура, функции и совместные трапезы ольвийской коллегии мольпов, вероятно, были аналогичными (Карышковский, 1984, с. 44).

Различные фиасы, появившиеся у греков в Северном Причерноморье, особенно широко распространились в римский период на Боспоре (Гайдукевич, 1949, с. 432–438). Благодаря надписям, нам известно множество имен руководителей и рядовых членов фиасов, объединявших граждан Херсонеса (IOSPE I². 425), Пантикапея (КБН. 75–108), Мирмекия (КБН. 870), Илурата (КБН. 967), Фанагории (КБН. 987–988), Гермонассы (КБН. 1054, 1055), Горгиппии (КБН. 1129–1136) и Танаиса (КБН. 1259–1292). Фиас возглавляла руководящая коллегия из нескольких человек. В обязанности одного из них, называвшегося синагогом, входила организация общих трапез.

Царские пиры на Боспоре и официальные приемы в Ольвии

Эллины считали большой честью быть приглашенными на пир, устроенный в демократических полисах на государственный счет в общественном здании, или на симпозион во дворце монарха. Среди античных государств Северного Причерноморья только Боспор находился под властью царей, а им стали присущи привычки государей эллинистического и римского времени. У таких властителей пиры стали неотъемлемым элементом их быта. На обычный, проходивший почти ежедневно симпозион царь звал лишь своих приближенных; застолье венчало дневной распорядок

дня царя и его окружения; в беседах подводился итог текущих событий, так что симпозион частично оказывался продолжением управленческой деятельности царя и его окружения. На таких вечерних застольях присутствовали жившие при дворе философы, поэты и музыканты, общество которых делало пир интересным и содержательным. Таким образом, симпозион выполнял функцию организации досуга и развлечения царской семьи и ее приближенных. Реже устраивались особо пышные пиры для множества гостей, среди которых бывали иностранные послы и богатые купцы из других государств. Такие пиршества организовывали состоявшие при царском дворе опытные распорядители (Климов, 2013, с. 237–250).

О пирах во дворцах боспорских царей мне известно лишь одно упоминание в античной литературе. Это сочинение Лукиана «Токсарис или о дружбе», написанное во II в. н. э.; в нем автор использовал какие-то произведения эпохи позднего эллинизма (Ростовцев, 1925, с. 108). Лукиан не стремился к серьезному историческому исследованию, поэтому в этом произведении есть масса несообразностей и сведенных вместе разновременных сведений. Но некоторые сообщения заслуживают доверия. К ним, на мой взгляд, относится упоминание о боспорском обычае свататься нескольким женихам к дочери хозяина во время симпозиона и при этом состязаться в доказательстве, кто из них наиболее достоин руки невесты. Можно поверить сведениям Лукиана о том, что боспорские цари могли пригласить на свои пиры властителей местных племен, особенно когда Боспор испытывал затруднения в общении с соседями, а те были заинтересованы в династических браках с царскими дочерьми. Такая возможность подтверждается рассказом Аппиана о Митридате: боспорский царь пообещал отдать в жены своих дочерей скифским вождям, если они предоставят в его распоряжение свои войска, необходимые для шедшей тогда войны (App. Mithr. 101).

Все прочие интересующие нас сведения о царских пирах на Боспоре можно извлечь лишь из косвенных данных. К ним относится фундамент большого андрона на акрополе Пантикапея. Если андрон в богатом доме Ольвии обычно имел площадь около

30 кв. м. (Леви, 1985, с. 43, 59), то боспорский был гораздо больше — 47,5 кв. м. По мнению ученых, здесь в конце V–IV вв. до н. э. устраивали свои приемы первые боспорские цари из династии Спартокидов (Толстиков, 2001, с. 75–78). Имеются литературные и археологические свидетельства о дворцах боспорских царей IV в. до н. э., в которых они устраивали свои пиры. Полиэн (VI, 2) в серии рассказов о царе Левконе упомянул его дворец. Раскопки на акрополе Пантикапея показывают, что в последней четверти IV в. до н. э. был сооружен новый дворцовый комплекс построек (Толстиков, 1992, с. 93).

В IV в. до н. э., когда политические, экономические и культурные связи Боспора с Афинами были особенно тесными, образцом для подобных пиршеств могли служить приемы в афинском пританейоне. Там в 346 г до н. э. чествовали боспорских послов Сосия и Феодосия, которые сообщили, что вступившие на престол цари Спарток и Перисад, как и их отец, будут проводить ту же дружественную политику в отношении Афин (МИС. 3). Боспоряне безусловно подробно рассказывали у себя на родине об этом тождественном приеме с угощением.

На пирах боспорских царей звучала музыка в исполнении профессиональных музыкантов. При дворе царя Перисада во второй половине IV в. до н. э. долгое время жил известный во всей Элладе певец Стратоник, певший под аккомпанемент кифары; когда музыкант собрался вернуться на родину, царь не хотел его отпустить (Athen. VIII, 41. 349 d). Косвенным подтверждением любви царя Митридата к музыке на симпозионе служит упоминание Плутарха о том, как на пиру он увлекся музыканткой Стратоникой и сделал ее своей наложницей. (Plut. Pomp. 36)

Развлечения на царских симпозионах иногда бывали довольно грубыми, они сопровождались неумеренным употреблением вина и в результате этого недостойным поведением некоторых гостей. Известно, что царь Митридат Евпатор любил во время симпозиона устраивать состязания гостей в способности больше всех съесть той или иной пищи, либо выпить наибольшее количество кубков вина (Plut. Diatr. I, 6; 2 a–b).

В демократических полисах давали торжественные приемы за счет государства или храмовой казны. В Афинах они проходили в пританейоне, а на Крите при храме Аполлона Дельфиния. Афиней (IV, 22; 143с), ссылаясь критского историка Досиада, рассказал о симпозионах в Кноссе в период раннего эллинизма. Туда приглашали местных граждан и иностранцев, которые обсуждали политические и военные дела, а в конце обеда чествовали гостей, оказавших услуги государству.

Эти данные можно сопоставить с сообщениями трех надписей о торжественных симпозионах в Ольвии (НО. 29, 35, 36). Их устраивали при храме Аполлона Дельфиния, верховного божества государства. Иногда это были грандиозные пиры; об этом свидетельствуют слова декрета в честь херсонеситов Аполлодора, Аполлония и Евфрона, которые оказывали Ольвии крупные финансовые услуги. Для устройства пиршества в их честь назначили целых трех организаторов (НО. 29).

Развлекательные и азартные игры

Различные игры являются элементом культуры всех народов (Хейзинга, 1997). О разнообразных играх древних греков известно по изображениям, по описаниям в античной литературе и по уцелевшим изделиям, предназначенным для игр. Наиболее подробно об играх написано в «Ономастиконе», Поллукса; в этом предметном словаре II в. н. э. названо около полусотни античных развлекательных игр. Сопоставляя письменные известия с археологическими находками, можно узнать о многообразии игровых развлечений, которыми заполняли свой досуг жители государств на северных берегах Понта.

Игры в кости, развивавшие ловкость и глазомер, были широко распространены в античности. Их можно разделить на два вида: в одних успех полностью зависел от случая, в других выигрыш доставался опытным игрокам, обладавшим определенным интеллектом (Kurke, 1999, р. 247–267). Для игры брали кубики, грани которых имели знаки в виде кружка от одного до шести на каждой стороне, но чаще использовали астрагалы, называемые по-

русски бабками; так именовались имеющие удобную для игры форму кости суставов лошадей, быков и коров, коз и овец. Большое количество астрагалов найдено на городищах и некрополях Северного Причерноморья; древнейшие относятся к архаическому времени (рис. 61). Кубики археологи находят значительно реже (Петерс, 1986, с. 79–84, табл. 16, 17, 19).

Игру в кости любили в античности все: взрослые мужчины, женщины (рис. 62) и дети. Для одних это было просто развлечением, для других азартной игрой со ставками на деньги или на вкусное угощение, либо на оплату за услуги продажной женщины (Plut. Rom. Qaest. 35; Mor. 272 f). Из произведений древних авторов известно несколько разновидностей подобных игр. Например, в игре πεντέλιτοι (пять камушков) пять небольших астрагалов клали на тыльную сторону кисти, подбрасывали их вверх и старались поймать в ладонь. Название игры указывает на возможность использования мелких камушков.

Большой популярностью в древности пользовалась игра τρόπα. Астрагалы бросали в середину нарисованного на земле круга или в специально вырытое углубление. Большим астрагалом игрок выбивал разложенные в определенном порядке бабки противника и получал в награду те, которые ему удалось выбить. В азартных играх бросали астрагалы и начисляли очки в зависимости от того, как они ложились. Каждая сторона бабки имела свою «цену»: широкая выпуклая давала 3 очка, широкая вогнутая оценивалось 4 очками, узкая углубленная соответствовала 1 очку, а узкая плоская — 6 очкам. Короткие боковые стороны не учитывались, так как астрагал очень редко удерживался в таком положении. В подобной игре с использованием четырех астрагалов очки могли выпасть в 35 разных комбинациях. Самым удачным считался удар, при котором каждый астрагал выпадал на разные стороны, менее всего ценилось положение, когда все бабки падали на узкую ровную сторону (Велишский, 1878, с. 256–257).

Игра в кости для развлечения в античности считалась подходящей для любого человека, азартные же игры всегда осуждались. Плутарх (Mor. De fort. Alex. 11, 6; Mor. 338 d) упомянул, что Александр Македонский, болев лихорадкой, развлекался игрой в кос-

ти, но он же наказал штрафом тех своих приближенных, которые всерьез увлекались такими играми. Его современник боспорский царь Левкон I лишал жалования своих солдат, которые влезали в долги, играя на деньги в кости (Aen. Tacit. De obs. tol. 5, 2).

Об играх в кости в античных государствах Северного Причерноморья свидетельствуют находки множества астрагалов; на многих имеются прочерченные отдельные буквы, на одном ольвийском сохранилась надпись «бей», многие имеют высверленные отверстия, следы специальных спилов или вставки из металла (Петерс, 1986, с. 81–83). Это указывает на их использование в разных играх. Нередко бабки клали в могилы детей и юношей, и количество костей соответствовало требованию для определенных игр. Например, одном ольвийском погребении лежало 16 астрагалов, в другом — 5, в третьем — один, а в нескольких боспорских могилах обнаружено по несколько десятков астрагалов. Вероятно, в некоторых играх действовали двумя руками, поскольку в погребениях астрагалы находят лежащими одновременно у обеих рук (Петерс, 1986, 79–80).

Т.В. Блаватская (1959) внимательно изучила находки игровых костей в некрополе Пантикапея. Сопоставив их с описаниями игр в античной литературе, она пришла к выводу, что различное количество астрагалов указывает на то, что боспоряне увлекались играми, называвшимися в древности тропа, пенталита и астрагалисмос.

Менее распространенной была игра кибя, для которой использовали костяные, металлические или глиняные кубики. На их шести сторонах стояли либо цифры от 1 до 6, либо кружочки с тем же значением, обозначавшие очки. Игроки помещали кубики в специальный стакан, встряхивали его для перемешивания содержимого, затем высыпали на ровную поверхность и считали выпавшие очки на сторонах кубика. Выигрывал набравший наибольшее количество очков или выбросивший кубики так, что у каждого было разное количество очков. Иногда для подобных игр пользовались фишками других форм; такова, например, найденная в Пантикапее костяная пирамидка с вырезанными на ней глазками (Петерс, 1986, с. 90, рис. 56).

Шашками принято называть небольшие округлые фишки, которые греки использовали с глубокой древности для разных игр. В одной из поэм Траянского цикла рассказывалось, как за подобной игрой проводили свой досуг Ахилл и Аякс. Вазописцы неоднократно иллюстрировали этот эпизод из не уцелевшей до наших дней эпической поэмы (Boardman, 1995, р. 231; Химин, 2009). Лучшей в этой серии считается амфора, расписанная Эксекием в третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 63). Известные сейчас античные шашки чаще всего сделаны из кости и стекла. Они были круглыми, гладкими с обеих сторон или с рельефным изображением с одной стороны. Древнейшая из известных в Северном Причерноморье шашек относится к IV в. до н. э. Она найдена в Мирмекии, шашки более позднего времени обнаружены в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре (Петерс, 1986, с. 86; Стрельник, Хомчик, Сорокина, 2009, с. 34–49). Для игры использовали специально расчерченную деревянную или каменную доску. Такая каменная доска римского времени найдена в Ольвии (Стрельник, Сорокина, Хомчик, 2010, с. 50).

В первые века нашей эры получили распространение шашки с рельефами, изображавшими императоров, атлетов, богов, героев, а также венков, фруктов и др. Деревянная шкатулка с пятнадцатью костяными фишками дает представление о наборе для определенной игры в Пантикапее во II в. н. э. Эта находка в детском погребении подробно описана в статье М.И. Ростовцева (1904). Лицевая сторона каждой круглой шашки украшена рельефным изображением, а на обратной плоской стороне у многих написаны имена изображенных богов, героев и людей. В этом наборе имелись профили богов Зевса, Геры, Кроноса, Гермеса, Афродиты, Хроноса, Исиды, героев Геракла, Кастора и Полидевка, императора Августа, его внука Луция Цезаря и женщины из императорской семьи, а также венок победителя на спортивном агоне и храм в Элевсине (рис. 64). Вероятно, в зависимости от изображения в игре определялась роль каждого кружка, а в разных играх использовалось их разное количество (Блаватская, 1959, с. 75).

Шашки хранили в шкатулках или в небольших сосудах; иногда их нанизывали на веревочку, о чем свидетельствуют отверстия, просверленные в некоторых экземплярах. Такова пантикапей-

ская шашка с головой атлета или кулачного бойца Харриса, имя которого написано на гладкой стороне шашки (Ростовцев, 1904, с.115–116, рис. 1).

Коттаб — игра, которой греки развлекались во время застолья с гостями, описана в разделе о симпозионе. Упоминание о ней в одном ольвийском граффито представляет один из весьма редких примеров письменного свидетельства о развлекательных играх в Северном Причерноморье (Граков, 1968, с. 115).

Бои петухов перепелов и куропаток принадлежали к азартным играм, во время которых греки делали ставки на ту или иную птицу. Находки костей этих птиц дают основание думать, что в греческих городах Северного Причерноморья проводились бои специально обученных птиц. Греки дрессировали для боев разных птиц, чаще всего петухов, реже перепелов и куропаток (Ael. De nat. anim. IV, 1; Plin. NH. XXII, 65). Кроме того, ручных куропаток использовали на охоте для приманивания диких птиц (Aristot. Hist. anim. IX, 9, 4; Babr. Fab. 124, 4; Athen. 389 c; Plin. NH X, 101). Поэтому перепел и куропатка наряду с петухом считались хорошим подарком любимому молодому человеку (Aristoph. Av. 705). По-видимому, дрессированные куропатки и перепел изображены на бронзовом перстне и краснофигурной вазе из Пантикапея (Скржинская, 2010 а., с. 131, № 255, 256).

Другие памятники изобразительного искусства иллюстрируют петушиные бои и косвенно подтверждают интерес к ним в Северном Причерноморье. По всей вероятности, состоятельный боспорянин, любитель петушиных боев, приобрел вырезанную хорошим мастером в V–IV вв. до н. э. яшмовую инталию (Неверов, 1976, № 32) с изображением юноши и петуха бойцовской породы (рис. 18). Другой боспорянин, живший в IV в. до н. э. в Горгиппии, имел оправленную в золото сердоликовую печать со сценой готовящихся к бою двух петухов (рис. 65; Неверов, 1976, № 44 d). Аналогичные сцены украшают костяную пластинку из Ольвии и две вазы архаического времени, найденные на Боспоре (Скржинская 2010 а, с. 150–151, № 141, 142).

К сожалению, о множестве других игр, популярных у греков, в Северном Причерноморье не уцелело ни письменных, ни мате-

риальных свидетельств. Например, в игре чет и нечет один игрок зажимал в кулаке четное или нечетное число монет или других предметов, а другой угадывал, что находится в руке противника. К весьма популярным забавам относились разнообразные игры в мяч; в некоторых гимнасиях нанимали даже учителя таких игр (σφαῖραστικός).

Οχота

Подобно другим эллинам, жители колоний Северного Причерноморья любили охотиться, о чем свидетельствуют находки костей диких животных. Эллы рассматривали охоту как захватывающее увлечение и считали ее важным занятием для подготовки мужчины к его деятельности воина (Barringer 2001); об этом писали Платон в «Законах» (VII, 823 с), Ксенофонт в «Киропедии» (I, 2, 10) и Аристотель в «Политике» (I, 3, 8; 1256 b). Охоту приравнивали также к гимнастическим упражнениям, потому что в обоих случаях требовалось проявлять ловкость и смекалку (Sansone, 1918, p. 107–115. Webster, 1969, p. 32.) Охота как промысел для добычи пищи и шкур животных никогда не играла у греков заметной роли. Это подтверждается незначительным процентом костей диких животных среди остеологических остатков, найденных при раскопках античных государств Северного Причерноморья (Цалкин, 1960, с. 7–107; Журавлев, 1982, с. 80–85). Здесь греки охотились на зайцев, кабанов, оленей и некоторых других млекопитающих, а также на птиц: уток, гусей, перепелов и куропаток (Воїнственський, 1958, с. 156–158; Цалкин, 1960; Добровольская, 2013, с. 133–134). Мясо этих животных могли употреблять в пищу, а изображения многих из них встречаются памятниках искусства.

Во время охоты греки стреляли из лука, либо убивали добычу копьями или дротиками, а также использовали лошадей и специально обученных собак. Их многочисленные кости в слоях всех поселений указывают на то, что в Северном Причерноморье могли устраивать псовую и конную охоту. На это косвенно подтверждают многочисленные изображения на привозных вазах; ведь сюжеты

росписей выбирали покупатели. Сцены охоты собаки на зайца известны в Северном Причерноморье с VI в. до н. э.; они украшали расписные вазы, мегарские чашки и терракотовые статуэтки (Скржинская, 2010 а, с. 109). Возможно, в этих сценах заложен также символический смысл: заяц воплощает земную жизнь человека, а собака его смерть. В то же время охотничьи сюжеты вызывали ассоциации как с реальной охотой, так и с ее литературными описаниями. Жители Северного Причерноморья могли вспомнить, например, стихи из «Илиады», знакомой со школьных лет каждому эллину. Там Гомер, рассказывая, как Одиссей и Диомед пустились в погоню за троянцем Долоном, сравнил их с острозубыми псами, упорно преследующими серну или зайца (II. X, 359–364).

Охота была любимым развлечением многих царей и их придворных (Климов, 2013, с. 297). Митридат Евпатор, царь Понта и Боспора, посвящал немало времени этому занятию (Iustin. XXXVII, 2, 7–9). Охотой занимались в основном достаточно состоятельные люди, потому что они располагали досугом и возможностью держать охотничьих собак, которые тогда были необходимой принадлежностью охотника. Недаром греческие существительное *κυνηγός* (охотник) и глагол *κυνηγέτω* (охотиться) образованы от слова собака — *κύων*. И не случайно две собаки участвуют в самой развернутой сцене охоты из сохранившихся на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

Афинский мастер Ксенофант, скорее всего по заказу боспорянина, сделал в 80-е годы IV в. до н. э. дорогой лекиф с рельефными фигурами, которые были раскрашены и в некоторых местах позолочены (Виноградов, 2007, с. 10–31). Многофигурная композиция представляет охоту на лань, кабана и двух грифонов (рис. 66). По-видимому, это иллюстрация к утраченному литературному произведению о сказочной охоте на мифических зверей, в которой приняли участие восточные и греческие герои (об их национальной принадлежности свидетельствуют написанные на вазе имена). Однако, образцом для художника служила реальная охота: в центре картины Абраком, стоя на колеснице со скачущей парой коней поражает кабана копьем, и всадник Дарий копьем убивает

лань; слева охотник удерживает на поводке рвущуюся к добыче собаку, а справа собака вспрыгнула на спину кабана и вгрызается ему в шею. Изготавливая лекиф меньших размеров, Ксенофант взял три формы из фигур, использованных на большом лекифе, и среди них охотника с собакой (рис. 67). Эта ваза также была отправлена в Пантикапей, и ее декор без фантастических существ рассматривался как изображение реальной охоты (Скржинская, 1999, с. 121–130).

Фрески на стенах царского склепа I в. н. э. (АДЖ. табл. 89–91) можно привлечь в качестве свидетельства об охоте на Боспоре. Живописец нарисовал участников представления, во время которого на глазах у публики проходила травля диких зверей. Это зрелище предшествовало гладиаторским играм. В схватки со зверями вступали конные и пешие мужчины. На фреске, как и на многих других местных боспорских памятниках изобразительного искусства, всадники одеты в перетянутый поясом длинный до колен хитон и узкие обтягивающие штаны, а на ногах у них небольшие кожаные сапожки. Видимо, не случайно изображения этих фигур отличаются особой реалистичностью (Горончаровский, 2009, с. 218). Можно предположить, что живописец видел местных охотников, и некоторые из них соглашались за деньги принять участие в кровавых зрелищах, как это бывало в других городах. Среди зверей, с которыми им приходилось вступать в схватку были изображенные на стенах склепа медведь и кабан, на которых боспоряне охотились в окрестных лесах.

Посещение агоры и порта

В дневное время многие жители любого античного города, имея свободное время, отправлялись на центральную площадь, агору, или в порт. Они шли туда не только по делам в находившиеся там общественные здания и лавки, но также для общения и узнавания последних новостей, которыми делились в цирюльнях, всевозможных мастерских и магазинах. Здесь встречались представители всех слоев общества: граждане и метеки, рабы, сопровождавшие хозяев или посланные за покупками, и чужестран-

цы — матросы с кораблей и купцы, привозившие свои товары. Неделовая жизнь агоры хорошо отражена в одной из речей Лисия (XXIV, 20): «Каждый из нас привык заходить то в парфюмерную лавку, то в цирюльную, то в сапожную,... Более всего к тем, кто устроился поблизости агоры,... ведь все вы привыкли заходить и болтать, где придется».

В городах Северного Причерноморья археологам удалось раскрыть только ольвийскую агору и определить места, где располагались центральные площади Пантикапея и Херсонеса, которые сейчас из-за современных построек невозможно исследовать. Благодаря ольвийским раскопкам можно представить деловую жизнь на центральной площади, находившейся в верхней части города, а также узнать, как ольвиополиты проводили там свой досуг в большом кругу соотечественников (рис. 68). Площадь эллинистического времени, имевшая не совсем правильную прямоугольную форму, в период наивысшего расцвета Ольвии занимала около 3500 кв. м. Первоначально она была примерно на треть меньше, а в IV — начале III в. до н. э. агору расширили за счет прилегавшего к ней священного участка и перестроили все находившиеся там здания. С восточной и западной стороны агору обрамляли торговые ряды, украшенные по фасаду колоннадой. На западной стороне, кроме торговых рядов, помещался также суд, жилой дом и здание общественного назначения. Наряду со зданием коллегий, на южную сторону агоры выходил своей узкой стороной гимнасий (Леви, 1985, с. 88–113).

Всю северную сторону занимала стоя — крытая галерея с колоннадой. Она составляла архитектурную доминанту ольвийской агоры. Такие здания впервые появились в Элладе и стали необходимой принадлежностью любого города. Посещение стои вошло в число обязательных элементов греческого образа жизни (Coulton, 1976, р. 1). Стои строились на площадях и теменосах; в крупных городах, таких, как Милет и Афины, имелось несколько подобных сооружений. Римляне переняли у греков этот тип постройки и называли его портиком. В стое, где можно было укрыться от дождя, палящего солнца и ветра, назначались всевозможные деловые и частные встречи, обсуждались городские и другие жи-

вотрепещущие новости. В стоях поэты читали стихи, а философы излагали ученикам свои учения. Наименование одного философского течения получило название стоицизм, ибо его основатель Зенон в конце IV в. до н. э. встречался со своими учениками в афинской Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота и Микона. Географическая карта мира, составленная под руководством Агриппы, украшала в Риме специально построенный для нее портик, где каждый мог увидеть чертеж всего известного римлянам мира.

Большая ольвийская стоя, несомненно, играла заметную роль в жизни горожан (рис. 69). Открытая в сторону агоры, она имела двухрядную колоннаду длиной 45 м. Ее два нефа разделялись колоннами ионического ордера, а наружные колонны дорического ордера стояли вдвое чаще, чем внутренние. Подобные двухнефные стои открыты при раскопках в Афинах, Коринфе, Фасосе, Самофракии и других греческих городах (Coulton, 1976, р. 58–59, 194–195). Витрувий в сочинении «Об архитектуре» (V, 9, 11), описывая двойные портики в палестрах, заметил, что их так строили, «чтобы во время непогоды ливень не мог проникнуть внутрь». Это вполне оправдывало себя в Ольвии, где весной и осенью часто льют сильные дожди и дуют пронизывающие ветры. В эллинистический период в ольвийской стое собиралось столь много народа, что пришлось увеличить ее ширину, так что площадь здания составила 743 кв. метра (Леви, 1985, с. 90).

Многие эллины посещали суд из любопытства узнать о тяжбах своих знакомых, кроме того все греки любили послушать хорошо произнесенные речи, а истец и ответчик тщательно готовили свои выступления, так как от этого зависело решение суда. Поэтому можно говорить, что посещение суда в Северном Причерноморье было также одной из форм проведения досуга. В качестве иллюстрации приведем описанные Либанием разговоры на агоре: «На площадь я хожу не больно часто, чтобы не слышать всех этих судебных словечек «речь, доводы, ответ, приговор, иск, отвод», о чем любят говорить все, кому делать нечего» (Lib. Dec. 26, 6. перевод М.Е. Грабарь-Пассек).

Упомянутые здания на ольвийской агоре могли посещать все обитатели города и приезжие; исключение составлял лишь гимнасий. Его двери открывались лишь для полноправных граждан, потому что только для них предусматривались общественные траты на содержание этого здания, закупку масла для натирания при атлетических упражнениях и на оплату тренеров, а богатые ольвиополиты вносили пожертвования на масло и ремонт гимнасия для того, чтобы там тренировались граждане и их сыновья.

В первые века нашей эры размеры Ольвии намного сократились, агора оказалась вне границ города, а ее постройки стали руинами. Но ольвиополиты сохранили традицию общаться в общественных зданиях. Об этом мы узнаем из надписей I–II вв. н. э. о постройке портика и экседры, крытой галереи с сидениями (IOSPE I². 181, 182). Вероятно, они стояли близ агоры, которая переместилась в прибрежную часть Ольвии. Теперь эта территория затоплена и разрушена водами Днепро-Бугского лимана, поэтому вряд ли удастся найти остатки упомянутых строений.

Все греческие более или менее крупные города в Северном Причерноморье имели хорошо обустроенные порты, во многих разделялись гавани для торговых и военных кораблей (рис. 70). Торговая гавань упомянута в одной ольвийской надписи (IOSPE I². 79). Демосфен в речи «Против Лептина» (Dem. XX, 33) говорил, что недавно построенный новый порт в Феодосии, по мнению моряков, не уступает столичному пантикапейскому. В гавани Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора входили суда из большинства государств Причерноморья и восточного Средиземноморья, о чем свидетельствуют многочисленные проксении иностранным купцам, упоминания античных авторов и огромное количество археологических находок разнообразных импортных предметов. Прибытие иностранного судна становилось заметным событием в жизни горожан.

Порты античных городов Северного Причерноморья заполняли сравнительно небольшие торговые и военные суда. Их вид можно представить по графическим рисункам, обнаруженных в античных городах Северного Причерноморья (Петерс, 1982, с. 133–146). На стенах нимфейского святилища богов, покровительство-

вавших мореплаванию, посетители прочертили более тридцати изображений небольших парусных кораблей, среди которых выделяется огромное судно «Исида», прибывшее из Египта. Вероятно, корабль остановился в Нимфее по пути в столичный порт Пантикапея. Здание святилища и рисунки на его стене синхронны времени царствования Перисада II, правившего Боспором в 284–245 гг. до н. э. Известно, что он отправлял своих послов в Египет, и с этим как-то было связано прибытие египетского корабля. Имя этого царя есть среди граффити на стене святилища (Грач, 1984, с. 81–88).

Визит на Боспор корабля из Египта был экстраординарным событием, которое, безусловно, обсуждали все местные жители. Греки всегда отличались повышенным интересом ко всему необычайному. Аристотель (fr. 83 Rose) высмеивал множество зевак, которые, узнав о появлении в гавани корабля из дальних стран, сбегались в порт послушать рассказы мореходов. Конечно, боспоряне стремились рассмотреть редкостное судно и пообщаться с его командой.

Рисунок египетского корабля с написанным на его борту наименованием ΙΣΙΣ (Исида) сделан явно с натуры, и его автор хорошо знал морское дело, хотя и не обладал выдающимися художественными способностями. Он детально изобразил военную триеру, названную именем самой почитаемой богини птолемеевского Египта. Триера, снабженная двумя таранами, имела длину не менее шестидесяти метров и могла идти под парусом и на веслах. Гребцы располагались на каждой стороне в три яруса, и в каждом сидело по 27 человек. По этому рисунку мы узнаем о редком по величине судне и о его многочисленной команде. В эллинистический период официальным языком Египта служил греческий, так что многие боспоряне имели возможность пообщаться с матросами и пассажирами «Исиды».

Порт у эллинов Северного Причерноморья служил оживленным местом встреч лишь в сезон судоходства от поздней весны до ранней осени, agora же в дневное время всегда была многолюдной.

*Занятия науками
и литературное творчество*

Как и во всей Элладе, образованные граждане античных городов Северного Причерноморья посвящали часть своего досуга чтению книг, занятиям философией и ораторским искусством, а иногда и написанию собственных философских, исторических и риторических сочинений. О таком интеллектуальном проведении свободного времени можно узнать из некоторых местных надписей, из рассмотрения произведений искусства, а также из трудов древних писателей, использовавших сведения из утраченных сочинений херсонеситов и боспорян.

Первые греческие философы и историки появились в Ионии. Поэтому не удивительно, что в ионийских колониях Северного Причерноморья уже в архаический период некоторые колонисты знали их труды. Найденные при раскопках Борисфена и Ольвии граффити на костяных пластинках VI–V вв. до н. э. показывают, что их авторы были знакомы с философией орфиков и с сочинениями Гераклита Эфесского; кроме того они желали формулировать собственные взгляды в русле подобных философских учений. Этот вывод сделан, благодаря исследованиям отечественных и зарубежных ученых, которые предложили толкования этих, на первый взгляд мало понятных, кратких символических текстов, связанных с почитанием Аполлона и Диониса (Русяева, 1992, с. 15–18).

Прочие уцелевшие интересующие нас сведения об интеллектуальном досуге относятся к эллинистическому и римскому времени. Таковы упоминания в античной литературе о четырех философах, уроженцах Ольвии и Боспора. Бийон, Посидоний Дифил и Сфер прославились, получив высшее образование и живя в Элладе в IV–II вв. до н. э. (Скржинская, 2002, с. 140–142). Однако их стремление стать профессиональными философами и необходимые знания для поступления в философскую школу они получили у себя на родине. Из биографии Биона Борисфенита известно, что его учителем был ольвийский ритор, который писал и собственные сочинения (Diog. Laert. IV, 22).

Философы входили в окружение боспорских царей. Так Митродор Скепсийский, «человек немалой учености и не чуждый красноречия» оказывал сильное влияние на Митридата (Plut. Luc. 22). Интересовался философией и не названный по имени боспорский царь, приехавший во II в. н. э. в город Смирну для ознакомления с Ионией; там он заплатил, по словам Филострата, крупную сумму за возможность общения с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I, 24). Исходя из времени жизни Антония Полемона, этим царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк.

Сообщения о философах косвенно свидетельствуют о гуманитарных занятиях некоторых граждан Северного Причерноморья. Это подтверждается словами Диона Хрисостома о том, что молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией (Dio. Chrys. XXXVI, 8). Любителем наук был боспорянин Гелиодор, о чем написано в его эпитафии (КБН. 125).

Памятники искусства также можно привлечь в качестве свидетельств об интеллектуальном досуге граждан Херсонеса и Боспора. Античные скульпторы и художники изображали ораторов, философов, политических деятелей и писателей с папирусным свитком в руках, а у их ног помещали корзину, наполненную книгами, состоящими из связок свитков. Такова, например, статуя Демосфена (рис. 11). Такие же атрибуты мы видим у боспорянина на мраморной статуе I в. н. э. (рис. 12), найденной в Пантикапее (АП. № 133). В стихотворной эпитафии на памятнике Стратоника, погибшего в конце I — начале II в. н. э., сказано, что о мудрости покойного долго будут напоминать его книги (КБН. 145). Поэтому на рельефе надгробной стелы Стратоник представлен со свитком в руке, он стоит у стола, где лежат еще четыре свитка, наверное, изображающие его сочинения (рис. 71). В римское время херсонеситы устанавливали на могилах статуи граждан со свитком в руке (рис. 13) или их связкой у ног (АСХ. № 309, 311, 312). Они напоминали об общественной и литературной деятельности погребенного. Такие люди без сомнения посвящали свой досуг чтению, беседам на философские или исторические темы, а некоторые писали собственные сочинения.

Благодаря уцелевшим сообщениям древних писателей, оказалось, что сейчас из всех форм интеллектуального досуга граждан античных государств Северного Причерноморья, мы имеем более или менее подробные сведения о занятиях историей. Поэтому этому виду творчества будет посвящен следующий раздел. До сих пор исследователей интересовали в основном исторические факты, которые описывали местные историки. Мы же постараемся узнать, кто занимался написанием исторических трудов, а также выявить сферу интересов этих историков и особенности изложения ими тех или иных событий.

Историки Боспора и Херсонеса

В исследованиях об античном Северном Причерноморье ученые неоднократно писали о существовании местных историков. Их труды безвозвратно утрачены, но они послужили основой сведений о Боспорском царстве в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, в «Географии» Страбона и «Стратегемах» Полиэна. Выписки из сочинений херсонесских историков римского времени составляют основную часть заключительной главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Л.И. Грацианская издала обширный комментарий с привлечением обширной научной литературы к упомянутой главе об античном Херсонесе (Константин Багрянородный, 1989) Наиболее обстоятельно о боспорских историках писали М.И. Ростовцев и В.В. Струве. Первый (Ростовцев, 1915, 1925) еще в начале прошлого века выделил известия о Боспоре из уцелевшей античной литературы; он подробно исследовал достоверность описанных там событий и наметил пути, по которым те или иные сведения попали к упомянутым писателям, жившим на несколько столетий позже описанных ими событий. В.В. Струве посвятил этому вопросу специальную статью (Струве, 1968). Как и Ростовцев, он полагал, что каждый интересующий нас античный автор пользовался каким-то одним крупным трудом по истории Эллады, включавшим главу о Боспоре; она же была написана на основе обобщающего сочинения местного писателя, названного Струве древнейшим историком СССР.

Вероятно, такое произведение боспорянина использовал Дурис в своем труде о греческой истории, на которую ссылаются многие античные авторы (Ростовцев, 1925, с. 126; Струве, 1968, с. 182–183; Яйленко, 1990, с. 284–286). Этот историк жил на рубеже IV–III вв. до н. э.; он был гражданином Самоса и учился в Афинах у Феофраста. Археологические находки показывают, что во времена Дуриса Боспор поддерживал тесные связи с обоими упомянутыми центрами Эллады, так что интерес этого историка к Боспорскому царству был вполне оправдан.

В Греции древнейшие прозаические сочинения о прошлом своего отечества писали ионийцы, которых сейчас называют логографами. Первым среди них считался Кадм Милетский, а самым известным логографом стал так же милетянин Гекатей, живший на рубеже VI–V вв. до н. э. Поэтому можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в крупных милетских колониях Северного Причерноморья на основе исторической традиции метрополии возникла собственная историография. Это мнение можно подтвердить еще и тем, что почти в каждом греческом государстве уже в V в. до н. э. существовали местные историки, описывавшие прошлое своей страны (Фролов, 1981, с. 92–100). Как правило, они происходили из аристократических и состоятельных семейств. Достоверно это известно из древних биографических сообщений о Геродоте, Фукидиде и Ксенофонтe.

В исследованиях ученых укрепилось мнение о том, что боспорские цари уже в IV в. до н. э. держали при дворе своих историографов (Гайдукевич, 1949, с. 161–162; Струве, 1968, с. 172; Русева, Супруненко, 2005, с. 135). Но у нас нет для такого предположения достаточных оснований потому, что это не было характерным явлением для классического и раннеэллинистического времени. Тогда историки писали не по оплачиваемому заказу, а по собственному призванию, заполняя таким образом свой досуг; ведь занятия литературой, философией, естествознанием и другими науками было характерно для античных интеллектуалов, о чем говорили Аристотель (Nic. Et. X, 7) и Ксенофонт (Symp. IV, 44), блестяще подтверждая это своими трудами на разные темы, в том числе и исторические.

Античные историки освещали события с определенных политических позиций, которые придавали их повествованию тенденциозный характер. Яркий пример лаконофильские взгляды в произведениях Ксенофонта, но это был его собственный выбор, а не заказ спартанских царей. Греческих историков занимали главным образом политические и военные события, движущими силами которых они считали правителей государств, полководцев и вообще выдающихся личностей. Поэтому неслучайно почти все, что известно о содержании сочинений боспорских историков, связано с деятельностью местных царей. О них писали образованные люди из их ближайших соратников; они принадлежали к состоятельным семьям, имевшим возможность дать сыновьям хорошее гуманитарное образование. Оно в частности давало навыки сочинения прозаических произведений и прививало привычку посвящать свой досуг интеллектуальным занятиям. Эти боспоряне восхваляли деяния своих покровителей и резко осуждали их противников, что можно проследить в записях Диодора о Сатире и Евмеле.

В античной литературе имеется свидетельство об одном высокообразованном боспорянине, способном профессионально написать историческое сочинение. Это сын Сопея (его собственное имя не известно), богатого влиятельного вельможи из ближайшего окружения царя Сатира I. Отец отправил молодого человека в Афины, где тот в начале IV в. до н. э. наряду с коммерческой деятельностью занимался в риторической школе знаменитого оратора Исократ (Isocr. Or. XVII; Dion. Hal. Isocr. 18). Среди его учеников в разное время были прославившиеся в дальнейшем ораторы Исей, Ликург и Гиперид, а также историки Андротион, Эфор и Феопомп. Вступив в тяжбу с богатейшим афинским банкиром Пасионом, Сопейд попросил Исократ написать ему убедительную обвинительную речь. Она сохранилась в рукописях произведений Исократ, благодаря чему теперь известно о торговой деятельности Сопейда, о высоком положении его отца при царском дворе и о письме Сатира в афинский суд в поддержку своего соотечественника (Скржинская, 1998, с. 163–168). Будучи современником Сатира I и Левкона I, Сопейд имел возможность написать сочинение об их царствовании и о придворных интригах, одну из которых, свя-

занную с клеветой на его отца, он бегло упомянул в своем выступлении в афинском суде.

В научной литературе прочно утвердилось мнение о том, что боспорская историческая хроника лежит в основе древнейших в античной литературе сведений о боспорских правителях (Завойкин, 1999, с. 142–157). Диодор Сицилийский (Bibl. XII, 31, 1) записал, что при афинском архонте Феодоре, то есть в 480 г. до н. э., завершилось правление Археонактидов, продолжавшееся в течение 42 лет; на смену им пришел Спарток, основатель династии, правившей Боспором до конца II в. до н. э. Таким образом, нам известно, что в Пантикапее в начале V в. до н. э. велись хронологические записи, но из-за отсутствия иных свидетельств нельзя сказать, подробно ли они освещали деятельность правителей, либо только фиксировали даты или какие-то отдельные важные факты. Можно высказать осторожное предположение, что первые хронологические записи принадлежали жрецам главного боспорского храма Аполлона Врача в Пантикапее. Ведь в его метрополии уже в VI в. до н. э. при храме верховного бога милетского пантеона Аполлона Дельфиния составлялись списки жрецов-эпонимов (Биккерман, 1975, с. 64). Кроме того известно, что во многих греческих полисах с древнейших времен велись списки жрецов и других выборных магистратов; в эти хроники вносили заметки о разных выдающихся событиях, и ими постоянно пользовались античные историки (Фролов, 1981, с. 91–92).

Определенно о существовании историков на Боспоре можно говорить с рубежа V–IV вв. до н. э. Античные писатели заимствовали из их сочинений некоторые эпизоды времени царствования Сатира I, сына Спартока, причем разногласия в этих сообщениях указывают, что его правление описывалось более или менее подробно, по крайней мере, двумя разными авторами. Один из них повествовал о войнах Боспора с Феодосией, во время которых умер Сатир. Другой использовал фольклорные рассказы, бытовавшие среди боспорян уже после смерти этого царя в 389 г. до н. э. Он пересказал устную историческую новеллу о царице Тиргатао, которая сейчас известна в изложении Полиэна (Polyaen. VIII, 55).

Тиргатао принадлежала к меотскому знатному роду и была выдана замуж за синдского царя Гекатея, чьи земли граничили с азиатской частью Боспора. Когда Гекатей лишился престола, Сатир помог ему вернуть власть и взамен потребовал жениться на его дочери, а Тиргатао умертвить. Гекатей не решился убить жену, но заточил ее в крепость. Тиргатао удалось бежать и добраться на родину. Там она вышла замуж за царя иксоматов; после чего склонила к войне местные племена, которые под ее руководством стали опустошать владения Гекатея и Сатира. Они оба были вынуждены просить мира, а Сатиру пришлось дать в заложники своего сына. Боспорский царь подослал убийц к Тиргатао, но покушение не удалось. Тогда царица умертвила заложника и возобновила войну «подвергая страну всем ужасам грабежа и резни». Сатир умер от отчаяния, позже его наследнику удалось заключить мир, принеся Тиргатао богатейшие дары.

Содержание новеллы записано у Полизна достаточно подробно. Бросается в глаза характерное для фольклора контрастное противопоставление действий отважной героини и ее коварного противника, по заслугам получившего страшное наказание разорением его царства и умершего от отчаяния. В начале рассказа Тиргатао названа меотянкой, так греки определяли племена, жившие в окрестностях Азовского моря (Меотиды). Точнее национальная принадлежность царицы обозначена позже, когда сказано, что она бежала на родину и там стала женой местного царя иксаматов. Это сарматское племя упоминается близ Синдики уже на рубеже VI–V вв. до н. э. у Гекатея Милетского (фр. 216), а позже другие авторы называют его около устья Дона и на восточном берегу Меотиды (Ps. Scymn.878; Mela, I, 114; Steph. Byz s. v.; Valer. Flacc. Argon VI, 146).

Новелла появилась в кругах боспорян, осуждавших неудачные политические и военные действия Сатира. Его вмешательство в борьбу за власть в Синдике на стороне царя Гекатея привело к войнам Боспора с местными племенами, к тяжелым поражениям боспорян, разорению их земли и необходимости выплачивать дань в виде богатых даров. Имена героев новеллы, названия местных племен и реальные географические ориентиры явно указы-

вают на хорошее знание рассказчика и его слушателей о пограничных с Боспором областях, а упоминание о конце царствования Сатира позволяет датировать возникновение новеллы о Тиргатао первой четвертью IV в. до н. э. Современные ученые используют ряд фактов из этого рассказа для реконструкции истории Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. (Шелов-Коведяев, 1985, с. 128–130).

Новелла сложилась, конечно, на Боспоре, так как этот жанр фольклора возникает у всех народов, когда у них сформировался государственный строй, которого не было у соседей эллинов античных государств Северного Причерноморья. Яркий пример такого рода представляет сообщение Геродота об его удивлении, что скифы ничего не помнят о жизни члена царской семьи Анахарсиса, а местные греки, создавшие государство в Нижнем Побужье, рассказали историку свою историческую новеллу о смерти скифа, случившейся почти на столетие раньше посещения Геродотом Ольвии в середине V в. до н. э.

Наверное, не лишено оснований предположение М.И. Ростовцева (1925, с. 131), считавшего, что первоначальная боспорская запись новеллы стилистически обработана писателем эллинистического времени, для которого царица Тиргатао ассоциировалась с отважными амазонками, по преданию, обитавшими в степях Северного Причерноморья. Полиэн, конечно, не читал оригиналы боспорских историков; скорее всего он заимствовал новеллу у автора, который составил сборник рассказов о мужественных женщинах, противостоящих мужчинам. К его творчеству при передаче новеллы следует отнести, на наш взгляд, слова о том, что Тиргатао «часто писала письма» Сатиру, спрашивая о боспорянах, просивших ее защиты. В реальности она вряд ли знала греческий язык, а тем более могла на нем писать; ведь в те времена даже большинство греков были неграмотными, а на родном языке Тиргатао не существовало письменности. Переговоры с варварами обычно велись устно через послов и переводчиков. Однако, в представлении человека, не знавшего подробностей быта степных народов, царица, подобно женщинам из состоятельных греческих семей эллинистического времени, должна быть грамотной.

Устная новелла, несомненно, появилась среди боспорян, враждебных царю, и была записана одним из его недоброжелателей. Более достоверными считаются основанные на другом боспорском источнике записи о смерти Сатира при осаде Феодосии, о чем сказано в словаре Гарпократиона под словом Феодосия и в схолиях Ульпиана к речи Демосфена «Против Лептина» (XX, 33). Обе версии можно примирить, если войны Сатира с варварами и поход на Феодосию состоялись одновременно, а кончина царя в окрестностях Феодосии случилась после полученных им сведений о вторжении варварских отрядов на территорию Боспора и о смерти его сына Метродора, отданного в заложники Тиргатао (Шелов-Коведяев, 1985, с. 119).

Новелла о Тиргатао относится к древнейшему эпизоду из рассказов Полиэна, касающихся истории Боспора. Другие главы «Стратегем», восходящие к сочинениям боспорских историков, повествуют о хитроумных поступках потомков Сатира, царей Левкона I (389–349 гг. до н. э.) и Перисада I (349–311 гг. до н. э.).

Благодаря активным связям Боспорского царства со многими центрами Эллады деятельность царей этого региона вызывала интерес у греческих писателей. Известно, например, что хвалебное сочинение о Левконе знал философ Хрисипп, один из основателей школы стоиков в Афинах в III в. до н. э. Дион Хрисостом в речи «О царской власти» (II, 77) упомянул, что Хрисипп назвал Левкона в числе мужественных и добродетельных царей, которым Зевс даровал долгую жизнь. Действительно Левкон правил Боспором 40 лет и умер в преклонном возрасте. Плутарх в двадцатой главе трактата «О противоречиях стоиков» также со ссылкой на Хрисиппа называет Левкона мудрецом, «охотно принявшим царскую власть». Страбон (VII, 3, 8) кратко упомянул о том, что Хрисипп писал о Левконе и его преемниках. Вероятно, положительная характеристика боспорских царей у Хрисиппа и соответственно у его боспорского источника послужила основанием для того, чтобы Страбон (VII, 4, 4) назвал Перисада и Левкона достойными правителями. Видимо, следуя сложившейся письменной традиции, он не включил в этот ряд упомянутого им Сатира, так как

о нем боспоряне вспоминали не только одобрительно, как видно из новеллы о Тиргатао.

Полиэн (VI, 9; VII, 37) для своего произведения о военных хитростях выписал из разных сочинений подходящие к его теме эпизоды, в частности рассказы о Левконе и Перисаде, которые в трудных ситуациях находили неординарные решения. Таков рассказ об использовании Перисадом трех видов одежды. Царь выстраивал войско в ярком парадном костюме, надевал простое одеяние во время сражений, чтобы его не замечали неприятели; если же приходилось бежать, то он одевался так, чтобы его не могли узнать ни свои, ни враги. (Polyaen. VII, 37). Наверное, в боспорском оригинале подробно описывалось появление царя в роскошном убранстве перед строем войска, к которому он обращался с речью перед военными действиями; когда же Перисад сам шел в бой, он не хотел выделяться своим нарядом, привлекавшим внимание врагов. За пределами внимания Полиэна остались обстоятельства, когда царь вынужден был бежать и скрываться не только от врагов, но и от соотечественников, по каковой причине он переодевался в несвойственную царю одежду. Однако описания боспорских войн оказались лишними для целей сочинения Полиэна.

Сказанное относится и к другим его сообщениям о Боспоре. Писатель рассказал о денежной реформе, в результате которой Левкон получил нужные ему средства, но не о причинах обеднения государственной казны, из-за чего Левкон решил на такой шаг. Сообщая о хитрости этого царя при выявлении и наказании тех, кто задумал свергнуть его с престола, Полиэн не пишет о сути заговора, не говоря уж о конкретных именах заговорщиков, о чем, по всей вероятности, упоминал боспорский автор. В «Стратегемах» описаны хитроумные действия Левкона во время войны (или нескольких войн) с Гераклеей (VI, 3, 4), но не сказано о причинах и ходе этих войн, как было в оригинале боспорского историка. У Полиэна отсутствует датировка событий, поэтому не ясно, идет ли речь о Левконе Первом или Втором. Большинство исследователей считают героя Полиэна Левконом I (Сапрыкин, 1986, с. 71–74). Соответственно лежащий в основе боспорский источник, вклю-

чавший непосредственные наблюдения деятельности царя, следует датировать IV в. до н. э.

Новелла о Тиргатао оказалась единственным сохранившимся образцом подобного жанра фольклора на Боспоре. Сообщения Полиэна о хитроумных поступках царей Левкона и Перисада не несут никаких признаков устного рассказа. Эти сведения восходят к хвалебным сочинениям о царях и записаны их современниками, писавшими по собственным впечатлениям. Поэтому не правы исследователи, называющие новеллами все рассказы Полиэна о Боспоре (Шелов-Коведяев, 1985, с. 121; Русяева, Супруненко, 2005, с. 74–76).

В своих героях греки ценили не только отвагу и силу, но также смекалку, с помощью которой они побеждали противника. Достаточно напомнить популярного в античности персонажа обширного троянского цикла мифов Одиссея с его постоянным эпитетом хитроумный. Поэтому не случайно в хвалебных сочинениях о боспорских царях авторы рассказывали об их хитроумных уловках в борьбе с внутренними и внешними врагами, а Полиэн имел возможность найти подобные примеры в боспорской истории и включить их в ряд подобных деяний героев из разных частей греческой ойкумены.

Сочинения боспорских историков лежат в основе сведений Диодора Сицилийского о правлении царей династии Спартокидов. Эти известия четко разделяются на две различные по характеру части. С одной стороны, это подробный рассказ о борьбе за власть сыновей Перисада, о победе младшего из них Евмела, о его царствовании и гибели. С другой стороны, в разные главы, датированные годами правления афинских архонтов эпонимов, наряду с прочими событиями включены краткие упоминания о смерти боспорских царей, начиная со Спартока, основателя династии Спартокидов, о количестве лет их царствования и об их наследниках. Таким образом, сохранились бесценные данные о сроках правления царей Спартока I (XII; 31,1; 36,1), Сатира I, Левкона I (XIV, 93, 1), Спартока II, Перисада I (XVI, 36, 1), Евмела и Спартока III (XVII, 100, 7). Кроме того сказано, что первый Спарток пришел к власти после сорокадвухлетнего правления династии Археонак-

тидов. Видимо в основе сведений Диодора лежит боспорская хроника, в которой перечислялись местные правители от времени образования Боспорского царства при Археонактидах в первой половине V в. до н. э. и до конца царствования Спартока III, то есть 284/ 283 г. до н. э. Возможно, утраченные заключительные главы «Исторической библиотеки» включали даты правления следующих Спартокидов.

Важно напомнить, что в боспорских эпиграфических памятниках классического и эллинистического периодов встречаются упоминания, при каких царях сделаны эти надписи (КБН. 6–11, 76, 77 и др.), но нет более точных указаний определенного года, как в более поздних сохранившихся документах (КБН. 39, 42, 43, 45, 47; 69, 70 и др.). До сих пор, насколько я знаю, ученые не заметили, что записи Диодора о годах вступления на престол и смерти боспорских царей являются сейчас единственным свидетельством о том, что боспоряне издавна точно определяли по годам события своей истории. Как и в других греческих государствах, каждый год носил имя эпонима, и им, скорее всего, по традиции метрополии, был жрец главного храма Аполлона в Пантикапее. Так было, например, в Ольвии (Карышковский, 1978, с. 82–88), которую, как и Пантикапей, основали милетяне.

Обширный рассказ Диодора (XX, 22–24) о борьбе за власть сыновей Перисада, о царствовании и смерти Евмела, а также о предсказаниях оракулов Евмелу и его брату Сатиру восходят к произведениям совсем иного рода. Этот небольшой по времени период боспорской истории освещен весьма неравномерно, что, на мой взгляд, указывает на несколько источников и на их разный характер.

Соратник Сатира II написал сочинение о его непродолжительном царствовании, сопровождавшемся боями с войсками Евмела, который претендовал на боспорский трон и в результате его получил (см. Приложение № 11). Подробный рассказ о сражениях, об укрепленном замке, где укрывался Евмел, и об его осаде Сатиром, а также о местности, где происходили битвы, дает основание думать, что это сочинение принадлежит участнику событий. Он также описал похороны царя, гибель его брата Притана, а в заключе-

ние дал уничтожающую характеристику жестокости Евмела, умертвившего всех родственников и друзей своих братьев. Публикации подобных воспоминаний участников исторических событий были не редкостью уже в начале эллинистического периода.

Возможно, образцом для труда боспорянина послужил изданный несколькими десятилетиями ранее «Анабасис» Ксенофонта. Ведь это сочинение высоко ценилось в древности; там также очевидец рассказывал о военных действиях и смерти в бою одного из братьев, ставших врагами из-за борьбы за власть. Автор входил в число греческих наемников, сражавшихся против царя Артаксеркса на стороне его брата Кира Младшего, претендовавшего на персидский престол. Ксенофонт рассказал о гибели Кира в 401 г. до н. э. и о вынужденном длительном отступлении греков из окрестностей Вавилона к южному побережью Черного моря. Писатель опубликовал «Анабасис» в ответ на вызвавшие его несогласие воспоминания об этом походе Софайнета, уроженца Аркадии, который был коллегой Ксенофонта в походе греческого войска. Это показывает, что сочинения о военных и политических событиях писали их участники в разных греческих государствах.

Войны Евмела с братьями проходили на азиатской стороне Боспора в 310–309 гг. до н. э. Сатир командовал регулярным боспорским войском, состоявшим из 2000 греческих наемников и 2000 фракийцев, вместе с союзническим войском скифов, в которое входили 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Евмел же опирался на войско племени фатеев, предоставленное им царем Арифарном; оно состояло из 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Эти круглые крупные цифры вряд ли отвечают действительности, наверное, они преувеличены, как было часто и в других греческих рассказах о разных войнах. Однако, национальный состав воюющих сторон дает хорошее представление о том, что цари набирали армию из дружественных им варваров и греческих наемников, а также о том, как происходили битвы. Вожди становились в центре боевого строя войска и вместе со своим окружением вступали в непосредственную схватку с неприятелем. Так начали воевать Арифарн и Сатир, но последний покинул эту позицию, когда узнал, что наемники не выдержали натиска отряда под

командованием Евмела и обратились в бегство. Все же Сатиру удалось победить, вероятно, благодаря его полководческому таланту и действиям скифских воинов. В конце рассказа об этом сражении автор дал высокую оценку боспорского царя: после того, как он разбил неприятельское войско, «всем стало ясно, что он по старшинству происхождения и по храбрости был достоин наследовать царскую власть». Но царствовал он всего девять месяцев.

Евмел и Арифарн с уцелевшими воинами укрылись в неприступном замке на реке Фате. Боспорский историк, наверное по собственным наблюдениям, подробно описал местоположение и укрепления этого замка, а также тактику осады, предпринятой Сатиром. Царь распорядился опустошать окрестности замка и не позволять подвозить туда продовольствие и новых защитников; затем он заставил своих воинов три дня вырубать лес, чтобы проложить дорогу к твердыне неприятеля. По этой дороге боспорское войско подошло к замку, откуда ему навстречу двинулись воины Евмела. Начальник наемников Мениск, «отличавшийся умом и храбростью» пошел в наступление, и когда его отряду пришлось отступать, Сатир бросился на помощь, получил ранение в руку и вечером скончался в своем лагере. Поэтому Мениску пришлось снять осаду и вернуться в Пантикапей, куда он привез останки царя. После пышных похорон Сатира его брат Притан провозгласил себя царем. Он возобновил борьбу с Евмелом, но она окончилась поражением и смертью Притана. Захватив власть, Евмел приказал убить родственников и друзей своих братьев, их жен и детей. Спасти удалось лишь одному сыну Сатира, нашедшего убежище у скифского царя Агара. Жестокость Евмела вызвала недовольство многих боспорян. Чтобы завоевать благосклонность своих подданных, Евмел восстановил право пантикапейцев не платить пошлины и пообещал им освобождение от податей.

Известно, что для своего огромного произведения Диодор сокращал сведения своих источников, и это явно касается боспорской истории (Струве, 1968, с. 160). Поэтому он не записал, какими доводами обосновывал Евмел свое право на боспорский трон при двух живых старших братьях. В результате сокращения появились

ошибки и неясности при описании крепости сираков у реки Фат и об ее осаде Сатиром. Пример сокращения боспорского источника хорошо виден в рассказе о том, что после гибели Сатира его полководец Мениск отвел войска к городу Гаргаза. Такой топоним нигде больше не упоминается (может быть, это искаженное наименование города Горгиппии), но очевидно, что город находился на азиатской стороне Боспора. Далее сказано, что отсюда Мениск по реке перевез останки царя в Пантикапей к его брату Притану. На деле же по какой-либо реке на Таманском полуострове можно было достигнуть лишь Керченского пролива, а затем через него переправляться в Пантикапей.

Уничтожающая характеристика Евмела контрастирует с кратким последующим описанием его пятилетнего царствования. О нем рассказано в панегирическом тоне, но без тех живых подробностей, которые присутствовали в повествовании о завоевании престола. Здесь за основу взято сочинение другого боспорского историка, описавшего достойные похвалы поступки царя. Глава о правлении Евмела у Диодора напоминает обширные почетные ольвийские декреты, изданные после смерти Протогена и Никерата (см. Приложение №. 4, 5). В этих документах, написанных хорошо образованными ольвиополитами, перечисляются достойные похвалы поступки упомянутых выдающихся граждан (IOSPE I². 32, 34). Боспорянин также перечислил достижения Евмела: он расширил границы своего государства, оказывал содействие многим греческим городам на Черном море, выделил землю для поселения тысячи беженцев из Каллатии. Успешная борьба Евмела с пиратами обезопасила мореходство в юго-западном Причерноморье, за что ему были благодарны соотечественники и все, кто плывал на кораблях по Понту Евксинскому. Царь собирался покорить многие причерноморские варварские племена, но внезапная смерть положила конец осуществлению этого плана. Упоминание о намерениях царя показывает, что о Евмеле писал человек из его ближайшего окружения. Возможно, он произнес надгробную речь на похоронах Евмела, а затем частично включил в свой исторический труд. Образец подобной речи с перечислением заслуг покойного государственного и политического деятеля известен сейчас по

надписи конца I — начала II вв. н э., включенной в памятник на пантикапейском некрополе (Сапрыкин, 2005, с. 45–81).

Обстоятельства гибели царя в отличие от его благих деяний описаны Диодором достаточно подробно. Евмел спешил из Синдики на какой-то праздник в Пантикапей. Когда лошади понесли его четырехколесную крытую карету, Евмел из за опасности скатиться в обрыв, попытался выпрыгнуть из повозки, но его меч попал в колесо, поэтому быстро несущийся экипаж потащил тело царя, от чего он сразу погиб. Создается впечатление, что в этом эпизоде отражены наблюдения спутников Евмела, рассказы которых о трагическом событии передавались на Боспоре из уст в уста и были записаны местным историком.

Содержание последней главы, посвященной Диодором Боспору, стоит особняком и предоставляет нам любопытные данные о том, что боспоряне, как и другие древние авторы, включали в свои сочинения оракулы. Напомним упоминание Геродота о неоднократном обращении лидийского царя Креза к Дельфийскому оракулу; последнее предсказание лидийский царь понял неверно, решил, что победит персов, но потерпел сокрушительное поражение и лишился своего царства (Her. I, 91). Боспоряне также рассказывали о неверно понятых предсказаниях оракулов. Так Сатир получил совет остерегаться мыши, поэтому он не разрешал своим подданным носить имена с таким значением, боялся полевых и домашних мышей и приказывал их убивать. Умер же он от раны, нанесенной в мышцу руки (в русском языке слово мышца происходит от слова мышь и является калькой с греческого). Оракул советовал Евмелу опасаться несущегося дома, из-за этого он постоянно проверял прочность крыши и фундамента домов, в которые он входил. Когда же Евмел погиб, выпрыгнув из крытой повозки, которую понесла четверка лошадей, «каждый стал думать, что предсказание сбылось». Таким образом, по мнению боспорян, обоим царям не удалось избежать predetermined им судьбы. Мысль о невозможности уйти от предназначенной судьбы вообще была характерна для эллинов классического и эллинистического времени, так что она не случайно попала в рассказы о гибели двух боспорских царей.

Итак, по моему мнению, сведения Диодора восходят не к одному панегирическому сочинению о царствовании Евмела, как полагают некоторые исследователи (Яйленко, 1990, с. 298–299). Ведь деяниям этого царя посвящено гораздо меньше места, чем описанию войн сыновей Перисада I, где Сатиру уделено гораздо больше внимания, чем Евмелу. В основе сведений сицилийского историка лежат несколько разных произведений. В одном содержались записанные в местной хронике годы правления боспорских царей; второе сочинение боспорянин посвятил краткому царствованию Сатира II. Историк подробно описал его войны с братом Евмелом и высоко оценил деятельность царя, назвав его достойным наследником престола; он также рассказал о пышных похоронах Сатира. Третий труд другого боспорянина представлял посмертный панегирик Евмела. Из него источник Диодора заимствовал краткий пересказ основных заслуг царя и его грандиозных планов, а также подробное описание его гибели в 304 г. до н. э. Упомянутые оракулы, наверное, находились в двух последних произведениях, и Диодор их выделил как пример суеверия боспорян.

Отрывочные сведения о некоторых фактах боспорской истории у других античных авторов таких, как Страбон (VII, 44), Элиан (Var. Hist. VI, 13), Юстин (Epit. Prolog. XXXII), свидетельствуют о продолжении деятельности местных историков в эллинистический период, но не дают нам никакого представления о характере их трудов.

Херсонес, колония Гераклеи Понтийской, как и прочие колонии, во многом продолжал и развивал культурные традиции своей метрополии. Сейчас по упоминаниям античных авторов известно несколько гераклейских историков. Древнейший из них Геродор в конце V в. до н. э. описал мифологическую историю Гераклеи со времени ее основания. В эллинистический период об истории этого города писали Проматид, Нимфид и Домитий Каллистрат (FGH, III, F. 1–7. № 430–435; Сапрыкин, 1986, с. 11, 12).

Уникальный источник об историографии в Херсонесе представляет принятый в первой половине III в. до н. э. декрет в честь Сириска, сына Гераклида (IOSPE I². 344; Ростовцев, 1915, с. 151–156; Виноградов Ю.Г., 1997, с. 110–114). Это единственный обра-

зец в Северном Причерноморье и вообще весьма редкий греческий декрет, содержащий сведения о награждении за исторический труд (см. Приложение № 7 и рис. 10). На мраморной стеле написано о том, что Сириск публично читал свое сочинение, которое очень понравилось соотечественникам. Вероятно, чтение происходило в херсонесском театре, куда могли собраться все граждане и слышать каждое слово, благодаря хорошей акустике, присущей всем античным театрам. В декрете сказано, что Сириск трудолюбиво описал явления богини Девы, а также рассказал об отношениях Херсонеса с царями Боспора и со многими дружественными городами, исследовав этот вопрос «правдиво и согласно с достоинством государства». За этот труд его венчали золотым венком, а текст почетного декрета высекли на мраморной стеле и поставили в притворе храма Девы.

Сириск принадлежал к местному знатному роду (Ростовцев, 1915, с. 153–155); несомненно, он получил хорошее образование и, будучи состоятельным человеком, посвящал свой досуг историческим исследованиям. Именно так, по мнению древних греков и римлян, настоящий гражданин должен проводить свое свободное время, отдаваясь интеллектуальным занятиям.

Из скурых сведений о сочинении Сириска можно заключить, что он пользовался архивом храма верховной богини города, ведь там хранились записи о явлениях Девы. Относительно ее чудесной помощи херсонеситам упоминалось и в документах из городского архива, часть которых теперь известна по лапидарным надписям. Так в одной надписи III в. до н. э. (IOSPE I². 343), составленной, по-видимому, при жизни Сириска, сказано, что народ воздает Деве «должную благодарность за полученное от нее спасение», когда варвары напали на участников праздника Диониса, проходившего вне стен города. Выражая свою признательность богине, херсонеситы заверяли ее, что помнят, как она и раньше спасала Херсонес от величайших опасностей. Летопись чудесных деяний Девы продолжали вести в Херсонесе и после смерти Сириска. Об этом свидетельствуют декрет Диофанта, где сказано о знамениях в храме богини во II до н. э., и об ее содействии полководцу и его воинам (IOSPE I². 352, Приложение № 8).

Мы располагаем еще двумя свидетельствами о развитии исторической прозы в Херсонесе эллинистического и римского времени. Первое содержится в «Стратегемах» Полиэна (VIII, 56), второе в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей». По мнению современных исследователей, рассказ Полиэна о разгроме скифов отрядом сарматской царицы Амаги записан с сугубо херсонесской точки зрения и относится ко II в. до н. э. (Ростовцев, 1925, 137, 138). Воинственная сарматская царица избавила Херсонес от угрозы подчинения скифам. Она с отрядом всего в 120 человек необычайно быстро с помощью подменных лошадей преодолела за одни сутки 1200 стадиев и совершенно внезапно появилась у ворот дворца скифского царя. Так как скифы не ожидали никакой опасности, сарматы смогли уничтожить стражу, самого царя и его окружение; а скифы поверили, что с Амагой пришло большое войско. Поэтому царица легко добилась возвращения херсонеситам отвоеванной у них части страны, а также вручила власть сыну убитого царя, который пообещал не нападать на соседних эллинов и варваров.

В херсонесской новелле нашли отражение известные по другим источникам сведения о союзнических отношениях Херсонеса с сарматскими правителями на рубеже III–II вв. до н. э. (Херсонес Таврический, 2005, с. 236). В «Истории» Геродота (IV, 116) и в трактате «О воздухе, водах и местностях» (гл. 24), вошедшем в свод трудов врача Гиппократ, говорится, что сарматские женщины прекрасно ездили на лошадях, стреляли из лука, метали дротики и участвовали в сражениях с врагами. Это подтверждается находками стрел и копий во многих женских сарматских погребениях (Бунятян, 1985, с. 70). Впечатление о важной роли женщин в сарматском обществе отразилось в том, что греки называли сарматов гинекократуменами, то есть управляемыми женщинами (Ps. Scymn. 874; Mela I, 116; Plin. NH. VI, 19). На фоне этих сообщений вполне возможно признать, что в ряде случаев сарматка могла возглавить военный отряд, а имя Амага принадлежало реально существовавшей воинственной сарматской царице.

Последняя глава трактата Константина Багрянородного, представляет подборку выписок относительно пяти эпизодов херсо-

неской истории. Они не были использованы Константином, но их включили в качестве приложения в заключительную часть его труда. Четыре первых рассказа повествуют о войнах Херсонеса с местными сарматскими племенами и с царями Боспора в конце III–IV вв. н. э. Заключительный пятый рассказ о патриотическом поступке Гикии датируется второй половиной I в. до н. э., так как его героиня была женой сына боспорского царя Асандра (Константин Багрянородный, 1989, с. 450–457).

Эти тексты предоставляют уникальную возможность узнать о характере записи событий в сочинениях херсонесских историков. Они не сухо перечисляли факты, но описывали их, используя элементы художественной прозы; например, вкладывали в уста своих персонажей диалоги, записанные в прямой речи. Зачастую историки излагали бытовавшие в среде населения Херсонеса устные исторические новеллы, в которых реальные факты переплетались с вымышленными. Последнее заставило многих ученых отказываться в какой-либо достоверности изложенных событий, но в последнее время появляется все больше исследований, выделяющих реальные факты в составе этих новелл (Сапрыкин, 1987, с. 48–57; Херсонес Таврический, 2004, с. 508).

По-видимому, выписки сделаны из одного сводного сочинения по истории Херсонеса. А.Ю. Виноградов считает, что оно было написано в VI в. н. э. и имело целью отстоять независимость государства от его давнего врага Боспора (Виноградов А.Ю., 2013, с. 53). Мне же хочется обратить внимание на другой аспект всех пяти разделов об истории Херсонеса. Там всюду присутствуют описания всевозможных хитроумных поступков, поэтому можно предположить, что херсонесский автор целенаправленно выбирал их из сочинений своих предшественников и составил произведение наподобие «Военных хитростей» Полизна. Но Полизн брал примеры из истории различных государств, а херсонесский писатель решил показать, как хитрости помогали его соотечественникам добиваться поставленных целей. Выбирая нужные ему эпизоды из трудов предшественников, писатель оставлял хронологические ориентиры, присутствовавшие в его источниках. Поэтому события датируются по именам первых лиц, правивших в Херсо-

несе; однако теперь это не помогает узнать, когда происходили эти события, так как у нас отсутствуют возможность привязать названные имена к известным нам датам.

Только первый эпизод с упоминанием императора Диоклетиана и войн его полководца Константа (то есть Констанция Хлора) определенно относится к последним десятилетиям III в. н. э. Историк рассказал о том, как Диоклетиан просил херсонеситов развязать войну с Боспором, чтобы отвлечь силы последнего от войны в Малой Азии, угрожавшей зоне влияния там римской империи. Просьба римлян была исполнена в частности благодаря хитроумной уловке при осаде Пантикапея. Херсонеситы сумели внушить защитникам города, что врагов немного, и они отступают. Боспоряне, покинув свои укрепления, стали преследовать якобы убегающих неприятелей, но их убили из заранее приготовленных засад, а Пантикапей и крепости у Азовского моря оказались в руках херсонеситов. Те придумали еще одну хитрость, чтобы заставить боспорского царя остановить поход и не сражаться со стоявшим у реки Галиса войском во главе с военным трибуном Константином. Победители взяли в плен жену и членов семьи царя, после чего отправили в Малую Азию посольство из представителей херсонеситов и боспорской знати. Они обещали отпустить заложников, если боспоряне заключат мир с римлянами, в случае же отказа это сделать грозили поголовно истребить всех жителей Пантикапея. На этих условиях царь прекратил военный поход и вернулся на Боспор, а Константин отправил донесение императору о благополучном окончании войны. Так херсонеситы выполнили просьбу Диоклетиана и за это получили от него особые права, а также полное избавление от налогов.

Другая хитрость сопровождала победоносную войну Херсонеса с боспорянами во главе с Савроматом. Такое имя носили три боспорских царя III–IV вв., и сейчас трудно решить, который из них стал героем предания, записанного некогда херсонесским автором. По мнению Л.И. Грацианской, в новелле речь шла о Савромате IV, правившем в 275–276 гг., а героями двух предыдущих сюжетов надо считать Савроматов Второго и Третьего (Грацианская, 2004, с. 87–94). Реальные события в устной новелле совме-

щены с распространенным фольклорным сюжетом о поединке предводителей противоборствующих сторон и неожиданной победе того, кто казался более слабым. Таков библейский сюжет о сражении Давида и Голиафа. Все же не следует думать, что поединок предводителей войска был невозможен в реальности. Например, в «Повести временных лет» описано, как решился исход противостояния войск русичей и черкесов (касогов). В бой, по предложению касожского вождя Редеди, вступили военачальники; тмутараканский князь Мстислав зарезал Редедю, после чего касоги вынуждены были платить дань.

В херсонесской исторической новелле повествовалось, как войска встретились в районе Феодосии, и там было принято решение, что исход войны решит поединок между предводителями воюющих сторон. Высокий, одетый в хорошие военные доспехи Савромат заранее считал, что легко одолеет низкорослого херсонесита Фарнака. Но тот победил соперника, придумав следующую уловку. Фарнак велел своим воинам в определенный момент по его знаку один раз дружно вскрикнуть «а, а». Савромат обернулся, чтобы узнать, что случилось у противника; в это время немного приоткрылась пластина его шлема, Фарнак ударил туда своим копьем, убил царя и так выиграл войну.

Хитроумные уловки описаны в исторической новелле о херсонесской героине Гикии, не раз прибегавшей к обманным действиям. Так как эта новелла представляет уникальный образец крупного отрывка из сочинения херсонесского историка, стоит подробнее остановиться на его анализе. Ведь до сих пор исследователей в основном интересовали лишь исторические факты из этого текста.

Любознательный херсонесит заинтересовался историей женской статуи, уже давно стоявшей в городе. Он вытер от пыли пьедестал и прочел, за что граждане поставили памятник своей соотечественнице. Затем он решил узнать о ней более подробно и сумел найти людей, помнивших передававшийся из уст в уста рассказ о подвиге Гикии. Эту новеллу историк старательно записал, сохранив особенности устного повествования, и, незначительно ее литературно обработав, включил в свое сочинение

о Херсонесе. В трактате Константина Багрянородного текст херсонесита с небольшими правками уцелел в первоизданном виде (см. Приложение № 9). Содержание его таково.

Богатый гражданин Херсонеса Ламах, занимавший высокие государственные должности, отдал, по просьбе боспорян, свою единственную дочь Гикию в жены сыну царя Аспурга. Последний хотел вернуть Херсонес в подчинение Боспорскому царству, как это было несколькими десятилетиями ранее. С этой целью муж Гикии, живший с ней в Херсонесе, составил заговор для захвата города, и центром сбора боспорян стал обширный херсонесский дом супругов. Любимая служанка Гикии случайно узнала об этом. За какую-то провинность, девушку заперли в комнате и велели пряхсть лен. Когда с ее веретена упало на пол пряслице, она нашла его в глубокой щели, в которой увидела большое количество незнакомых мужчин. Служанка позвала хозяйку, и та поняла, что без ее ведома в доме находятся боспорские заговорщики, и что они собираются захватить власть в ближайшие дни, когда Гикия устроит большой праздник с угощением для горожан в годовщину смерти ее отца. Тогда все станут пить много вина и после этого беспробудно заснут, так что с горожанами будет легко расправиться. Гикия разработала план, как сорвать замысел неприятелей, и привлекла для этого видных граждан и своих доверенных служанок. В день праздника она велела всем своим помощникам изображать веселье, но не пьянеть, сама же пила воду из красного кубка, чтобы муж не заметил, что там налито не вино. Вечером помощники Гикии обложили ее дом дровами, залили их маслом и подожгли после того, как хозяйка со своими служанками, захватив ценности, покинула здание и заперла все выходы. Херсонеситы воспрепятствовали бежать боспорянам, пытавшимся спастись из пожара, поэтому все заговорщики погибли. Так был сорван план захвата боспорянами власти в Херсонесе, и для этого Гикия сознательно пошла на утрату значительной части собственного имущества. В благодарность за ее подвиг во имя родины граждане поставили в городе две бронзовые статуи своей спасительницы и на пьедесталах высекли надписи, рассказывающие об ее деянии. Сама же Гикия пожелала увековечить себя экстраординарными

почестями, а именно завещала похоронить ее в черте города, а не на территории некрополя. Чтобы убедиться в исполнении своей воли, Гикия разыграла собственные похороны и поняла, что ее пожелание не будет исполнено. Она пристыдила граждан, поклявшихся исполнить ее просьбу, и они еще при ее жизни в указанном ей самой месте соорудили гробницу и поставили рядом позолоченную статую героини.

В имеющейся у нас записи рассказ изобилует характерными для фольклора переданными в прямой речи диалогами: боспоряне ведут переговоры с херсонеситами, Гикия беседует с мужем, с любимой служанкой, с гражданами, помогавшими устроить пожар, и с горожанами, нарушившими обещание похоронить ее в черте города. Зная сюжет новеллы, каждый по своему усмотрению составлял эти диалоги, и у хорошего рассказчика они становились наполненными эмоциями. В драматических местах, где рассказчик чувствовал себя как бы свидетелем происходящих событий, он переходил от прошедшего времени, в котором велось все повествование, к настоящему (*praesens historicum*). В записи новеллы это время употреблено около десяти раз.

Историческим новеллам, как и другим прозаическим жанрам фольклора, были свойственны определенные стилистические особенности Доватур, 1957, с. 65; Aly, 1921, S. 240). Отметим важные для нашего исследования черты. В отличие от авторов литературных произведений рассказчик никогда не выступал на первый план повествования, он контрастно противопоставлял положительные и отрицательные качества действующих лиц, характеризовал героев описанием их действий. Собственные имена в повествовательном фольклоре имелись лишь у немногих главных героев, остальные действующие лица назывались по их отношению к героям: друзьями, родственниками, врагами, послами и др. В новеллах отсутствовали определенные временные даты. Повествование нередко оживлялось монологами и диалогами героев и употреблением *praesens historicum*. Указание определенных топографических пунктов придавало рассказу особую достоверность. Надо помнить, что устная новелла не имела закрепленного текста, ее детали изменялись при переходе от одного рассказчика к дру-

тому; зачастую, но далеко не всегда, это было связано с определенными социальными и политическими взглядами исполнителя. Все эти черты можно увидеть в новелле о Гикий.

В новелле много действующих лиц, но собственные имена имеют лишь героиня и ее отец. Имена прочих персонажей первоначально были у всех на слуху, но с течением времени они забывались, поэтому, когда оформилась новелла, говорили просто о слугах, родственниках, видных гражданах и заговорщиках. Не помнили даже имени мужа Гикий, называя его лишь сыном боспорского царя. Имя царя Асандр, по всей вероятности, добавлено историком, почерпнувшим свои сведения из надписи на пьедестале статуи Гикий.

Действие новеллы концентрируется вокруг главной героини. Ей принадлежит весь замысел раскрытия заговора и уничтожения заговорщиков, хотя вряд ли приглашенные ею на помощь граждане были слепыми исполнителями ее воли и не участвовали в составлении плана расправы с боспорянами. Однако, в фольклорном рассказе обычно проявляется стремление к выпрямлению и упрощению сюжета.

Довольно неправдоподобным выглядит сообщение о том, что большое количество заговорщиков собиралось в подвале дома Гикий в течение двух лет, и они силой собирались установить свою власть в городе. Ведь от безвылазного сидения в небольшом помещении человек быстро теряет хорошую физическую форму и вряд ли способен к активной борьбе. Но для фольклорного сюжета такие соображения не имели значения, зато было очень эффектно показать, как одним махом херсонеситы расправились с большим отрядом боспорян и перехитрили тех, кто долго готовился навязать им свое господство. Вообще в греческом фольклоре особо ценилась смекалка героев, с помощью которой они побеждали противника. Достаточно напомнить Одиссея с его постоянным эпитетом хитроумный; герой множества знаменитых мифов троянского цикла побеждал, как правило, именно благодаря своим хитро задуманным планам. В новелле с большим одобрением рассказано о двух подобных замыслах Гикий: она придумала, как усыпить внимание заговорщиков, благодаря чему херсо-

неситы быстро с ними расправились, а также сумела проверить, исполнят ли граждане ее желание о погребении в черте города.

В общественном сознании херсонеситов издавна существовало убеждение, что покровительницей их города является Артемиде в ипостаси Партенос (Дева), которая неоднократно приходила на помощь в критические моменты истории государства. Выше уже говорилось, что ее чудесные явления описал в своем труде местный историк Сириск (IOSPE I². 344). О помощи Девы упоминается в двух сохранившихся надписях III–II вв. до н. э. (IOSPE I². 343, 352). Роль богини в раскрытии заговора боспорян несколько раз упоминалась в новелле о Гикий. Однако переписчик текста, живший через несколько столетий, когда христианство стало господствующей религией в Херсонесе, заменил упоминание богини понятным ему единым Богом, не задумываясь о том, что во времена действия новеллы христианство еще вообще не существовало. Поэтому получилось, что Бог, а не языческая богиня, помогла Гикий обратиться на просьбу зайти к провинившейся служанке: ведь хозяйка скорее всего не стала бы навещать разгневавшую ее рабыню. Служанка считала, что по божьей воле упало пряслице с ее веретена, и благодаря его поискам она обнаружила заговорщиков. В конце новеллы трижды сказано, что Гикий спасла отечество с божьей помощью, а один раз прямо говорится, что Бог спас город от козней боспорян. Еще одно исправление византийского переписчика новеллы коснулось названия города и его граждан. Как свидетельствуют надписи, до заката античности город назывался Херсонесом, а его жители херсонеситами, и так, конечно, было в новелле; наименования Херсон и херсониты появляется в V–VI вв. н. э.

Херсонесский историк, запомнив надпись на пьедестале статуи Гикий, ввел в новеллу некоторые сведения из этого текста. При имени гражданки в официальных документах греки всегда называли имя отца или мужа женщины. В надписи Гикий явно именовалась дочерью уважаемого херсонесита Ламаха, а не женой коварного боспорянина. В надписи также упоминался царь Асандр, при котором боспоряне составили заговор для покушения на независимость Херсонеса, и это произошло, когда стефанфором

и протевонем был Зет, сын Зета. Писатель вставил эти слова из надписи как вводное примечание в текст новеллы. Также из официального документа автор заимствовал дату мнимой смерти Гикий (при стефаноре и протевоне Стратофиле, сыне Филомуса).

Новелла о Гикий предоставляет уникальные сведения о повседневной жизни Херсонеса на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. Мы узнаем, что в Херсонесе имелись районы с разными названиями; один из них, примыкавший к стене в припортовой части города назывался Сосы. На городском участке богатого человека находилось несколько строений и среди них загон для скота, который укрывался за городскими стенами в случае нападения неприятеля. Участок, примыкавший к оборонительным сооружениям, мог иметь собственную калитку в стене, чтобы выводить скот на пастбище.

Упоминание о богатствах Ламаха дает представление о том, чем владели состоятельные херсонеситы. Они имели большой дом в городе, золото и серебро, которое, вероятно, заключалось не только в монетах, но и в сосудах и украшениях из этих металлов. Кроме того богач был крупным землевладельцем и имел большие стада домашних животных: коней, коров, овец и ослов; для каждого вида животных существовали отдельные стойла. Для ведения хозяйства в распоряжении состоятельного гражданина находилось много рабов и рабынь. Мы узнаем также, что херсонеситы приглашали на угощение горожан в годовщину смерти своих родителей.

В новелле отражены еще некоторые другие подробности быта. В состоятельной семье у мужчин и женщин были слуги для личных надобностей. Помогая во всем хозяину, они становились их доверенными особами, на которых можно было положиться в разных затруднительных случаях. Так муж Гикий поручал своим трем верным рабам тайно проводить в дом заговорщиков, а личная служанка Гикий стала ее любимицей; она несколько раз названа и по-гречески παιδίσκη, и заимствованным из латыни определением *κουβικουλάρια* (*cubicularius* — слуга спальник). Последнее слово мог употребить лишь образованный человек, знавший

латынь, и это надо причислить к наиболее раннему свидетельству о знании разговорного языка римлян в Херсонесе.

За провинность хозяйка посадила рабыню в отдельную комнату и дала задание прясть лен. Таково было наказание, так как это не входило в обязанности девушки, ведь этим занимались рабыни рангом ниже; но, как всякую женщину в античности, ее с детства учили прясть и ткать. В переводе сказано, что служанка уронила катушку, которая закатилась в глубокую дыру в полу, в которой она увидела боспорян. Хорошо известно, что на веретенах не бывает катушек, то есть предметов для намотки нитей. На его нижнюю часть насаживали различные пряслица; они играли роль маховика, обеспечивая непрерывное вращение веретена, а в зависимости от их количества и веса получалась нить разной толщины. Именно о пряслице (σφόνδυλος) шла речь в новелле. Деревянные и костяные веретена и пряслица неоднократно находили при раскопках античного Херсонеса (Сокольский, 1971, с. 219; Петерс 1986, с. 57–59, табл. 11, № 24, 25).

Обратим внимание еще на одну неточность упомянутого русского перевода, имеющую значение для понимания смысла описываемого эпизода. Речь идет о «порфирном кубке», из которого, чтобы не опьянеть, Гикия пила воду вместо вина. Трудно представить сосуд, сделанный из камня порфира. Здесь говорится о цвете кубка, скорее всего о краснолаковой чаше. Ведь прилагательное порφύρεος означает темнокрасный. В красном сосуде трудно заметить, что в нем налита вода, а не вино. Не случайно сказано, что Гикия отыскала такой кубок, ведь краснолаковую посуду, в частности чаши, украшенные растительным или геометрическим орнаментом, стали ввозить в Северное Причерноморье только в I в. до н. э. (Античные государства, 1984, с. 231), так что во времена Гикии такой кубок был редкостью.

Как свидетельствуют надписи (IOSPE I². 34, 352, 418, 423, 425), в эллинистический и римский период город украшали бронзовые и мраморные статуи мужчин, граждан и иностранцев, оказавших услуги Херсонесу. Из рассматриваемого нами текста становится известно, что наградить статуей за заслуги могли женщину уже в I в. до н. э. О том, что херсонеситы ставили памятники соотече-

ственницам, оказавшим услуги государству, известно из составленной от имени народа надписи II в. н. э. на постаменте статуи Лаодики (IOSPE I². 431). Ее отец Зет, так же, как отец Гикии Ламах, занимал высшие должности в государстве, а муж Тит Флавий Партенокл имел не только местное, но и римское гражданство (Херсонес Таврический, 2004, с. 445). К сожалению, в уцелевшей части надписи нет сведений о заслугах Лаодики.

Видимо в надписи на постаменте статуи героини говорилось, при каких высших магистратах происходили события в жизни Гикии, и оттуда историк заимствовал их имена. Представляется мало вероятным мнение А.Ю. Виноградова (2013, с. 52), что автор, написавший исторический труд о Херсонесе в VI в., для придания сочинению большей достоверности произвольно взял имена магистратов из документов II века, так как тогда подобные имена встречаются в известных сейчас надписях.

Историческая новелла о боспорском заговоре и подвиге Гикии продолжительное время существовал в фольклоре херсонеситов. Писатель, включивший это предание в свой труд, жил не позже I–II в. н. э. Он, вероятно, сам, будучи талантливым рассказчиком, сумел детально воспроизвести народное предание с его характерными особенностями устного повествования. Долгому сохранению новеллы в памяти херсонеситов способствовали стоявшие в городе памятники Гикии с надписями о ее деяниях, а также топоним Λαδιάχου σκοπῆ, который, мне кажется, надо перевести не как Ламахова башня (Сапрыкин, 1987, с. 50), а как возвышение на месте сгоревшего дома Ламаха. Ведь Гикия просила горожан засыпать пожарище (так появилось возвышение) и оставить на память это место незастроенным; оно оставалось таковым до времени жизни херсонесского историка (σῆμερον), называясь возвышением Ламаха.

На основании известных нам фактов из сочинений херсонесских историков можно сказать, что они постоянно обращались к теме взаимоотношений с Боспором, которые далеко не всегда были мирными. Недаром в декрете Сириска особо выделено его описание связей с боспорскими царями, а у Константина Багряно-

родного четыре из пяти его сюжетов о Херсонесе посвящены столкновениям с Боспором.

Анализ сведений о сочинениях боспорских и херсонесских историков приводит к выводу, что они пользовались тем же арсеналом источников и художественных средств, которые были выработаны в V в. до н. э. и развиты в более поздних исторических трудах. Местные авторы знакомились с документами и хрониками, хранившимися, как и в других греческих городах, в государственных архивах и в главных храмах. Они, как и другие античные историки, черпали большую часть своих сведений из собственных наблюдений и рассказов очевидцев, а также из исторических новелл, складывавшихся вскоре после изложенных в них событий. Подобно многим греческим и римским писателям, местные историки включали в свои труды оракулы и предсказания, рассказы о чудесных знамениях и помощи богов, а ход изложения оживляли придуманной ими прямой речью героев.

Декрет в честь Сириска с краткой характеристикой его сочинения о Херсонесе представляет единственное сохранившееся упоминание о том, кто писал исторические труды в античных государствах Северного Причерноморья. Можно высказать лишь некоторые догадки об этих людях. Они принадлежали к состоятельным семьям, имевшим возможность предоставить сыновьям хорошее гуманитарное образование; оно в частности давало навыки сочинения прозаических произведений и прививало привычку посвящать свой досуг интеллектуальным занятиям. Образцом такого человека может служить боспорянин Сопеид, учившийся в Афинах в знаменитой риторской школе Исократа (Dion. Hal. De Isocr. 18). Среди ее выпускников были широко известные историки Андротион, Эфор и Феопомп. Поэтому теоретически Сопеид, современник Сатира I и Левкона I, мог написать сочинение об их царствовании.

Авторами исторических трудов могли быть также секретари Народного собрания и Совета в Херсонесе и секретари боспорской царской канцелярии. С этой должности начинали многие граждане, желавшие сделать карьеру в органах власти. Судя по сохранившимся надписям с пространными текстами почетных декре-

тов и официальных писем, которые они составляли, большинство секретарей имели хорошее образование; по роду занятий им приходилось участвовать в политической деятельности государства и постоянно обращаться в архивы. Это могло склонять к размышлению о судьбах родины и к написанию исторических произведений. В силу того, что деятельность секретарей протекала при рождении документальной и исторической прозы в античных городах Северного Причерноморья, следует подробнее остановиться на их труде, отраженном во множестве надписей.

В VI в. до н. э. в процессе создания древнегреческих полисов на северных берегах Черного моря возникла необходимость ведения государственной документации: требовалось составлять списки полноправных граждан, записывать различные постановления, законы, договоры, права на владение землей и разными видами имущества. Поэтому уже на исходе архаического периода в городах Северного Причерноморья зарождается жанр местной документальной прозы, развивавшейся в русле принятых норм во всей греческой ойкумене. В метрополии уже были выработаны определенные правила для составления договоров между государствами, для различных законов и постановлений Народных собраний и Советов, для отчетов должностных лиц, для почетных декретов, всевозможных списков и других документов. Их писали должностные лица, в основном секретари, которые, как правило, принадлежали к влиятельным и наиболее образованным слоям граждан (Доватур 1957: 13).

Название должности секретаря *υραγματεὺς* происходит от слова *υράγμα* (буква), то есть подразумевает грамотного человека, способного в сжатой и точной форме излагать всевозможные постановления, законы, договоры и тому подобное. Аристотель в «Афинской политике» (54, 3) писал, что государственный секретарь составлял текст документов, хранил постановления Народного собрания, подписывал все государственные акты и присутствовал на заседаниях Совета.

Тексты множества официальных древнегреческих надписей составлены секретарями. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи

первой половины III в. до н. э. на стеле коллегии ситонов, которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. Стелу украшало изображение пятерых членов коллегии; в числе которых мы видим секретаря (рис. 15). Внизу под рельефом начертаны слова: «Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена при секретаре Афинодоре, сыне Демагора, (это изображение) Герою Внемлющему (посветили)» (НО. 72). Наверное, Афинодор составил надпись, нанял скульптора и следил за исполнением изображения и за нанесением текста на мраморную плитку. Имя секретаря названо с отчеством, из чего следует, что он был гражданином, а его должность была не чисто вспомогательной, так как он изображен на стеле наравне с остальными членами коллегии. Этот памятник указывает на важную роль секретаря во время деятельности разных выборных collegий.

Хотя сейчас это самый ранний в Северном Причерноморье эпиграфический документ с упоминанием секретаря, нет сомнений, что такая должность появилась здесь гораздо раньше. Однако до эллинистического времени в надписях не было принято упоминать имена секретарей. Сначала, наверное, эту функцию наряду с другими поручали одному из членов Совета или коллегии, которые осуществляли практическую власть в государстве. Но с увеличением количества всевозможных документов для их оформления и хранения стали выделять отдельного человека.

Кроме упомянутого ольвиополита Афинодора, сохранилось несколько имен секретарей, служивших в Херсонесе, Тире и в боспорских городах. Первым по времени из известных сейчас херсонесских секретарей Совета и Народного собрания является Дамасикл, сын Афиней (IOSPE I². № 352); во второй половине II в. до н. э. он записал и передал мастеру почетный декрет, текст которого был вырезан на постаменте статуи полководца Диофанта. Имена других секретарей можно прочесть в надписях римского времени: это Аполлонид и Теоген (IOSPE I². 357, 360), а также Тит Флавий Агеполис, Флавий, сын Аристона (НЭПХ. 112, 113) и Тит Флавий Аттиан (Антонова, Яйленко, 1995, с. 58–86). Три последних имени указывают на принадлежность их носителей

к херсонесской знатной семье Флавиев, члены которой имели римское гражданство и во II в. н. э. неоднократно занимали руководящие должности в Херсонесе (Соломоник, 1973, с. 28–31, 40). Исполнение обязанностей секретаря Совета (ὑραγματεὺς τῆς βουλῆς — IOSPE I². 359, 363, 396) находилось на одной из первых ступеней, с которой начиналось восхождение по служебной лестнице. Не случайно во всех надписях имена секретарей пишутся в самом конце вслед за более важными должностными лицами.

О круге обязанностей государственного секретаря (ὑραγματεὺς τῆς πόλεως) можно прочесть в одной частично сохранившейся надписи римского времени из Тиры (IOSPE I². 2). Там написано, что секретарь Валерий Руф редактировал постановление о награждении золотым венком сына Коккея. Вероятно, тот умер к моменту издания декрета, в котором сказано, что секретарь вручал отцу копию декрета, а оригинал передавал в городской архив. По надписям Тиры и Херсонеса известно, что в первые века нашей эры государственные документы скреплялись печатями нескольких должностных лиц и последним из них был секретарь. Оттиски печатей прилагались к рукописному документу, написанному на папирусе или пергаменте. Но их нельзя увидеть на копиях декретов, запечатленных на каменных стелах.

Древнейшее упоминание о секретаре на Боспоре находится в плохо сохранившейся надписи эллинистического времени (КБН. 823). В царской канцелярии служили несколько секретарей; в III в. н. э. Фанн был главным, а Менестрат рядовым секретарем (КБН. 36). В боспорских надписях римского времени имена секретарей постоянно присутствуют в списках имен членов различных религиозных объединений, называвшихся фиасами; они существовали не только в столице Пантикапее (КБН. 82, 89, 93), но и в других городах Боспора; документально это известно по надписям из Гермонассы и Танаиса (КБН. 1054, 1263, 1264, 1268). В списках подобных объединений перечислялись в строго определенном порядке соответственно рангам должностные лица фиаса; имя секретаря стояло на последнем месте, а далее после слов «остальные члены фиаса» шел перечень рядовых членов объединения.

В городской архив поступали документы, отредактированные секретарями; они владели литературным языком и умели писать по определенным правилам, существовавшим в их время во всех греческих государствах (Тюменев, 1950. с. 14–20; Guarducci, 1969. p. 28). Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении. Таковы были почетные декреты о наградах и проксении иноземным гражданам, в которых говорилось о предоставлении им особых льгот, а иногда и гражданства. Древнейшая известная сейчас проксения из Северного Причерноморья записана на известняковой стеле из Ольвии в начале V в. до н. э. (НО. 1). Приведем два образца из числа нескольких десятков ольвийских и боспорских проксений IV в. до н. э. Первая дана двум гражданам Гераклеи, а вторая гражданину города Амиса, который одно время назывался Пиреем.

«В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Феофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и (дали право) входа и выхода (из гавани) и в военное, и в мирное время, без конфискации и заключения договора» (НО. 6).

«...сыну Дионисия проксения. Перисад и (его) сыновья... сыну Дионисия, пирейцу, и (его) потомкам дали проксению и свободу от пошлин на все товары во всем Боспоре, им самим и их слугам, и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора» (КБН. 1).

Сравнение этих документов показывает, с одной стороны, сходство формулировок относительно предоставления льгот, с другой стороны, отличие тех, кто их предоставляет: Совет и Народное собрание в демократической Ольвии и царская семья в Боспорском царстве.

Почетные декреты в честь соотечественников и проксении составляют значительную часть интересующих нас надписей. Гораздо меньше уцелело отредактированных секретарями законов и международных договоров. К последним относятся договор IV в. до н. э. об исополитии Милета и Ольвии (Граков, 1939, № 35;

см. Приложение № 3) и датированное 179 годом до нашей эры соглашение царя Понта и правительства Херсонеса о совместном отражении врагов и охране политического строя обоих государств (IOSPE I². 402). Хорошее представление об оформлении текстов законов дает ольвийский декрет, в котором четко определено требование торговать на территории этого государства, используя исключительно местные деньги, менять кизикины по установленному курсу и взыскивать штрафы с нарушителей (IOSPE I². 24; см. Приложение № 2). Уникальным документом является клятва, которую давали граждане Херсонеса на рубеже IV–III в. до н. э. (IOSPE I². 401; см. Приложение № 6). Она написана по образцу, использовавшемуся для присяги граждан во многих греческих городах (Жебелев, 1953, с. 221–222).

В особо важных случаях принималось решение начертать декрет или закон на каменной стеле и поставить на видном месте в городе. Текст документа при передаче его резчику по камню не редактировался. Поэтому в ольвийских надписях часто имеется лишь число без указания месяца и года. Вероятно, в архиве секретари складывали документы по годам и месяцам, поэтому было ясно, когда они написаны. Например, знаменитый декрет в честь Протогена начинается словами: «Совет и Народ постановили двадцатого числа, архонты и коллегия Семи предложили...». В то же время в декрете точно обозначены годы, когда Протоген совершал свои благотворительные акции; они датированы, как это было принято во многих греческих городах, по именам верховных жрецов, дававших название году.

Вероятно, к государственному секретарю обращались за выписками из законов, которые требовались при решении того или иного дела в суде. Древнейшие письменные и археологические свидетельства о судах в Ольвии и в Пантикапее относятся к IV в. до н. э. (Скржинська, 2009, с. 20). Наряду с судьями и присяжными в судебных заседаниях непременно участвовал секретарь. В его обязанности входило чтение законов, свидетельских показаний и других документов, которые принесли в суд истец и ответчик. Заседание суда начиналось с молитвы богам, после чего секретарь вызывал истца и ответчика, просил их назвать свои имена и читал

текст жалобы. Затем истец выходил на специальное возвышение бему и произносил свою речь. Вслед за ним выступал ответчик. Оба они неоднократно обращались к секретарю, чтобы он прочел соответствующий документ из тех, которые они предоставили суду.

О секретарях в судах Северного Причерноморья не осталось прямых свидетельств. Однако, основные черты судопроизводства у всех греков были сходными. Поэтому, чтобы представить роль судебного секретаря можно обратиться к речам Демосфена, в частности к тридцать четвертой речи против боспорского купца Формиона. Она была написана для истцов, обвинивших купца в отказе отдать деньги, взятые в долг для проведения торговых операций на Боспоре. Перечисляя претензии к Формиону, истцы несколько раз обращались к секретарю с просьбой прочесть соответствующий закон (параграфы 37, 42), свидетельские показания (параграфы 9, 10, 11, 15, 20, 38, 40), таможенную запись (параграф 7) и текст прошлогодного обвинения ответчика.

На основании рассмотренных эпиграфических источников можно утверждать, что деятельность секретарей сопровождала почти всю тысячелетнюю историю античных государств Северного Причерноморья. Как и прочие должности в государственных учреждениях и судах, эту обязанность исполняли исключительно мужчины, полноправные граждане. Работа секретарей, составлявших различные документы, нашла отражение в копиях постановлений и законов, которые вырезали на каменных стелах. В основном это рядовые тексты, написанные по сложившимся трафаретам, но некоторые представляют образцы хорошей документальной прозы. К их числу принадлежат пространные декреты в честь Протогена и Никерата, выдающихся ольвийских граждан, и херсонесский декрет в честь полководца Диофанта (IOSPE I². № 32, 34, 352; см. Приложение № 4, 5, 8).

Сочинения по гуманитарным наукам в древности рассчитывали на их устное чтение. Авторы исторических очерков, вероятно, читали их своим друзьям во время вечерних застолий или на лекциях в гимнасиях, а рукописи своих трудов передавали в городские библиотеки. Первые такие библиотеки появились при гимназиях, которые, как уже говорилось существовали во всех крупных

городах Северного Причерноморья. Начиная с V в. до н. э., они исполняли не только свою основную роль центра занятия атлетикой, но так же стали средоточием культурной жизни каждого греческого города. Там слушали выступления философов и поэтов, обсуждали самые разнообразные темы, в том числе исторические (Блаватская 1983, с. 67–68; 308–310). В библиотеке гимнасия гражданин, интересовавшийся прошлым своего государства, мог прочесть сочинения местных авторов и использовать их для своих исторических сочинений, в которых ссылки на предшественников были совсем не обязательны. Так в разное время появлялись обобщающие труды по боспорской и херсонесской истории, которыми пользовались античные писатели, интересовавшиеся жизнью северных государств греческой ойкумены.

Заключение

Литературные, эпиграфические, изобразительные и материальные источники дали возможность показать, что досуг жителей античных государств Северного Причерноморья включал все виды проведения свободного времени, характерные для самых развитых центров Эллады. Надписи Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства свидетельствуют, что там заботились о коллективных формах досуга; для этого выделялись общественные средства, а также привлекались взносы состоятельных граждан. Власти и благотворители строили и ремонтировали гимнасии, стадионы, театры, портики и термы. Выборные магистраты гимнасиархи и агонотеты организовывали драматические представления, концерты, состязания поэтов и музыкантов, атлетов, всадников и колесниц. В первые века нашей эры к этому присоединились бои гладиаторов, которые иногда проходили на Боспоре, но широкое распространение такие зрелища получили лишь в Херсонесе, где для них приспособили сцену театра. Тогда же некоторые жители в городах Северного Причерноморья переняли римский обычай проводить свой досуг в термах в обществе друзей и знакомых. Наиболее распространенной формой общественного досуга всегда было посещение гимнасия. Там одни тренировались и выступали на праздничных состязаниях, другие приходили посмотреть на занятия атлетов, или принять участие в праздниках, посвященных Гермесу и Гераклу, либо просто пообщаться со знакомыми.

Все мероприятия, связанные с коллективным проведением свободного времени, проходили днем, а многие частные формы досуга занимали вечерние часы. Ведущее место принадлежало вечерним застольям с питьем вина и разнообразным играм. Совместные трапезы устраивали как отдельные люди, так и всевозможные сообщества, фиасы, получившие в римское время особо широкое распространение на Боспоре. Находки астрагалов, кубиков и шашек свидетельствуют о различных играх, которыми развлекались днем и вечером жители всех государств Северного Причерноморья.

Характер проведения досуга во многом зависел от уровня образования человека и его материальных возможностей. Только состоятельные люди могли организовать псовую охоту, участвовать в гонках колесниц, устраивать пиры с богатым угощением и приглашать на них музыкантов и актеров. Образованная элита общества во всех государствах Северного Причерноморья тратила свой досуг на чтение книг, занятия философией и историей, а некоторые писали собственные сочинения.

Почти все, что мы знаем о досуге эллинов, касается в основном взрослых граждан и отчасти неполноправного свободного мужского населения. Конечно, наряду с гражданами свободные мужчины, а иногда даже рабы, сопровождавшие хозяина или посланные им с каким-то поручением, могли развлекаться разговорами на агоре или в порту, слушать там странствующих риторов или философов, играть в кости и шашки. Свободному, но неполноправному человеку были доступны все частные формы проведения досуга; вероятно, он мог пойти в театр и на стадион, но занятия в гимнасии ему не разрешались. Для занятий атлетикой и поддержания хорошей физической формы он мог посещать частную палестру.

Сложнее узнать о досуге женщин, так как жизнь матери, жены или сестры гражданина в основном ограничивалась стенами дома, а древние писатели мало интересовались жизнью женщин. Судя по изображениям на памятниках прикладного искусства, они любили играть в кости, примерять наряды и украшения. Нам не известно, имели ли женщины в Северном Причерноморье право посещать театр, как это было в Риме, но в гимнасий и на стадион, по греческим обычаям, их явно не допускали. Гетеры, о существовании которых нам известно в Ольвии и Хесонесе (Diog. Laert. IV, 7; IOSPE I². 404), вели более открытый образ жизни. Но для них, разделявших досуг мужчин, это было скорее занятием, дающим средства к существованию, а не проведением свободного времени.

Приложение

*Образцы документальной
и исторической прозы*

Ольвия

1. Проксения афинянам.

Первая половина IV в. до н. э. НО. № 5.

В добрый час! Ольвиополиты дали Ксантиппу, сыну Аристофонта, эрхиейцу Филополиду, сыну Филополида, дейрадиоту — афинянам, им самим и потомкам их проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввезли или не вывезли они сами, или (их) дети, или братья, у которых (отцовское) имущество общее, или слуги, и (дали) право входа (в гавань) и выхода (из гавани) и в мирное, и в военное время, без конфискации и без заключения договора.

Перевод Е.И. Леви

2. Декрет о деньгах.

340–330 гг. до н. э. IOSPE I² № 24.

Въезжать в Борисфен дозволено всякому желающему на следующих условиях. Совет и народ постановили по предложению Каноба Фрасидомантова:

Разрешается ввоз и вывоз всякого чеканного золота и серебра; всякий желающий продать или купить чеканное золото или серебро должен продавать и покупать на камне в экклисиастерии;

кто же продаст или купит в другом месте, подвергнется конфискации: продавец — продаваемого серебра, а покупатель — цены, за которую купил;

продавать же и покупать все на городские деньги, на медь и серебро ольвийское;

кто же продаст или купит на другие деньги, будет лишен: продавец — того, что продаст, а покупатель — цены, за которую купил;

взыскивать будут с нарушавших в чем-либо это постановление те, которые возьмут на откуп штрафы с нарушителей закона, преследуя их судебным порядком;

золото продавать и покупать по 10,5 статеров за статер кизикский, не дешевле и не дороже, а всякое другое чеканное золото и серебро покупать и продавать по взаимному соглашению;

пошлины никакой не взыскивать ни за чеканное золото, ни за чеканное серебро ни с продавца, ни с покупателя.

Перевод В.В. Латышева

3. Декрет об исополитии Милета и Ольвии 330–320 гг. до н. э. Syll. — 3. № 286.

Ниже следуют отеческие установления для ольвиополитов и для милетян. Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы как ольвиополит на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же самые святилища, на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Милетяне пользуются ателиями на тех же основаниях, как они пользовались и ранее. Если милетянин желает отправлять (в Ольвии) государственные должности, ему надлежит обратиться в совет; когда он будет зарегистрирован, он может отправлять эти должности и (тогда) должен, наряду с прочими (ольвийскими) гражданами, платить подати и пр. Он имеет право на проедрию, принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете. Если у милетянина будет тяжба в Ольвии, он должен иметь доступ к суду, и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами.

Все милетяне должны пользоваться ателиями, за исключением тех, которые имеют право гражданства в другом городе, участвуют в его правительстве и в его судебных установлениях. Точно так же и ольвиополиты должны в Милете пользоваться ателиями, и вообще они имеют в Милете таким же образом те права, какие милетяне имеют в городе Ольвии.

Перевод С.А. Жебелева

4. Декрет в честь Протогена. Вторая половина III в. до н. э. IOSPE I² № 32.

Совет и народ постановили 20 числа, архонты и Семь предложили: так как Гиеросонт, отец Протогена, оказал городу многие и важные услуги и деньгами и деятельностью, то и Протоген, унаследовав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом. Прежде всего, когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он, по просьбе народа, дал 400 золотых. Когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец (т. е. Полихарм) хотел уже нести к мастеру, (Протоген) сам (их) выкупил, уплатив эти 100 золотых. Когда архонты во главе с Демоконтом дешево купили вина на 300 золотых, но не могли уплатить эту сумму, он по просьбе народа дал эти 300 золотых. При жреце Гиеродоре, когда случился голод и хлеб продавался по 5 (медимнов за золотой), и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, он первый выступил и обещал 2000 медимнов по 10 (медимнов за золотой). И, между тем, как другие немедленно получили плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов. При том же жреце, когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (стесненным) обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых. Будучи избранным членом коллегии Девяти, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых во-время были удовлетворены многие скиптроноscopy. Немало даров было приготовлено для царя. Когда было отдано на откуп (снаряжение) посольство в резиденцию царя Сайтафарна по постановлению, по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых, — а взял на откуп Конон, — но, вследствие того, что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, отказались (Конон и его

товарищи) от откупа и вследствие этого было три переторжки и в третий раз откуп остался за Формионом, — то Протоген, увидев, что город подвергнется большим неприятностям, сам, явившись в собрание, дал эти 300 золотых. Когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по 1 и $\frac{2}{3}$ медимна (за золотой), но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же (продаваться) медимн по 1 и $\frac{2}{3}$ золотого, — и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба, а для этого (приглашал) зажиточных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1000 золотых, которые немедленно принес, и дал из того же числа 300 без процентов на год; и дав всю сумму золотом, получил медью из 400. (Он) первый обещал 2500 медимнов пшеницы, из которых 500 дал по 4 и $\frac{1}{6}$ медимна (за золотой), а 2000 по 2 и $\frac{7}{12}$ медимна (за золотой). Между тем, как другие, предложившие (хлеб) в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов. Вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба. Когда царь Сайтафарн прибыл на ту сторону (реки) за дарами и архонты, созвав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых. Когда же послы Протоген и Аристократ взяли эти деньги и явились к царю, но царь недовольный дарами, разгневался и выступил в поход, и архонтов недостойным образом, вследствие чего (?) народ, собравшись, пришел в ужас и послов к...

Еще же, когда самая большая часть города со стороны реки, именно вся гаванная часть и прилегающая к прежнему рыбному рынку, до того места, где герой Сосия, не была окружена стеной, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город. Вместе с тем в стране случилось много и других бед: были подкуплены все рабское население и миксэллины, населяющие предгорье чис-

ленностью не менее полутора тысяч, — они в минувшую войну были союзниками в городе; и выселились многие иностранцы и не малое количество граждан. Вследствие этого, собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних пор оберегаемое, подпало власти врагов. Между тем, никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, (Протоген) обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1500 золотых и тотчас принеся в собрание 500 золотых в виде залога, (он) и отдал все работы на откуп через глашатая, и, вследствие того, что подрядчики сделали расчет на наличные деньги, (он) сберег для города не малую сумму. Еще же, когда многие подрядчики отказались от работ, Протоген сам произвел работы для города и не причинил никакого ущерба народу. Издержав на обе стены 1500 золотых и выдав большую часть (этой суммы) золотом, получил медью из 400. Он отстроил пришедшие в ветхость башни, две у больших ворот, (а также) и Категеторову, и придорожную, и Эпидавриеву; и также исправил житницу, и построил пилон у места выставки товаров. Еще же, когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того, что казенные суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить и, издержав на все это 200 золотых, немедленно сдал отчет, вследствие чего народ, и прежде часто награждавший его венками, увенчал и тогда за сдачу отчета. Еще же, когда оставалось не оконченным прясло, что у башни Посия по направлению к верхней части города, народ, пригласив его, попросил окончить и это, четвертое прясло. Протоген, не желая отказываться ни от каких услуг, взял на себя и эту постройку, на которую предложил 100 золотых. Приняв на себя общественное управление и должность казначея и распоряжаясь самыми важными городскими доходами, он никого из откупщиков податей не выгнал из имения, ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но, снизойдя к их стесненному положению, одним простил долги, другим дал отсрочки на столько времени, сколько они желали, и не взыскал никаких процентов. Распоряжаясь

большей частью общественных (сумм), он в течение трех лет непрерывно всем управлял честно и справедливо, сдавая отчеты в установленные сроки, а излишки доходов за время своего управления засчитывал себе в уплату (за долги?), — хотя в действительности этого не было, — и таким образом освободил город от долгов и очистил от процентов. Когда в городе все находилось в упадке вследствие войн и неурожаев и средства совершенно истощились, так что народ вследствие этого попросил его сделать месячные отсрочки, позаботиться о кредиторах и должниках, он первый, хотя долги ему и его отцу простирались до 6000 золотых, предложил народу располагать им, как ему угодно. Когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем все простил. И, считая, что для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа, ...¹

Перевод В.В. Латышева

5. Декрет в честь Никерата.

Первая половина II в. до н. э. IOSPE I² № 34.

...возвратился в отечество; ибо... Херсонес... когда увидел (Никерат) буруемаый постоянными войнами город, разрешил распрю между ними и умиротворил город, за что и был почтен от них постановкой статуи и посвящением бюста, во всем для отечества совершая полезнейшие деяния, а себе приобретая славу и честь. Отражая постоянно устремлявшихся в город врагов и в большинстве случаев спасая граждан, он обезопасил положение города, в каждом случае подавая разумные советы и еще лучше исполняя постановления. Наконец, когда граждане отправились в Гилею, он и в этом не преминул позаботиться об отечестве; ибо, полагая, что его присутствие будет более важной охраной для народа, без... и надлежащей свиты явившись туда, оберегал граждан; увидев же нашествие неприятелей, он отправил граждан в город, а сам остался, чтобы отразить их нападение, ибо считал необходимым наказать врагов и заботился как вообще о городе, так в частности...

¹ Многоточием обозначены утраты в надписях

Поэтому враги, испугавшись его непобедимой доблести, не осмелились напасть явно, но устроили ночью засаду и вероломно умертвили его. Вследствие этого народ, узрев неожиданное несчастье в том, что город потерял доблестного гражданина, с трудом перенес свою печаль вследствие его доблести и с негодованием вследствие жестокости его смерти. Итак, да постановит Совет и народ, дабы он получил более выдающиеся со всеми другими почести, — чтобы тело его принесено было в город для надлежащего погребения, чтобы находящиеся в городе мастерские (или лавки) были закрыты, а граждане оделись в траур, и все в порядке следовали в погребальной процессии; чтобы он при выносе был увенчан от имени народа золотым венцом, а также чтобы ему была воздвигнута конная статуя на том месте, где захотят его родственники. и дана следующая надпись: «Народ (поставил) Никерата, сына Папиева, бывшего от предков благодетелем и оказавшего множество добра городу, за его доблесть и благодеяние к себе», чтобы он был увенчиваем и ежегодно в народном собрании, назначенном для выбора властей, и при ... состязании в конских ристаниях, установленном в честь Ахилла по предсказанию Пифии, при чем глашатай должен произносить провозглашение по формуле, заключающейся в надписи статуи; постановление это вырезать на белокаменной плите и поставить на том месте, где захотят родственники, для того, чтобы и остальные граждане были более ревностны в услугах отечеству, видя, что благодетели украшаются надлежащими почестями.

Перевод В.В. Латышева

Херсонес

6. Присяга граждан Херсонеса. Рубеж IV–III вв. до н. э. IOSPE I² № 401.

Клянусь Зевсом, Гелиосом, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территориями и укрепленными пунктами херсонесцев. Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды и Прекрасной Гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа. Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспроверяющему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц. Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес или Керкинитиду, или Прекрасную Гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев. Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан. Я буду охранять для народа састер и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству. Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам. Я не буду замышлять никого несправедливого дела против кого-либо из граждан, не отпавших, и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам. Я не буду составлять заговора, ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа. Если я вступил с кем-нибудь в заговор, или связан какой-либо клятвою, или закланием, то мне, нарушившему это, и тому, что мне принадлежит, да будет лучшее, а соблюдающему противоположное. Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц. Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес.

Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские! Пребывающему во всем этом да будет благо мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, не пребывающему же да будет злое и мне самому, и потомству, и тому, что мне принадлежит, и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно.

Перевод В.В. Латышева

7. Декрет в честь историка Сирика.

III в. до н. э. IOSPE I² № 344

Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сирик, сын Гераклида, явления Девы, трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения с царями Боспора рассказал, и бывшие дружеские отношения с городами исследовал согласно достоинству народа, — то дабы он получил достойные почести, да постановит Совет и Народ похвалить его за то, и симмномам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашению: «Народ венчает Сирика, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы и бывшие дружеские отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства. Написать симмномам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать согласно решению казначею священных сумм. Это решено Советом и Народом месяца...в десятый день...»

Перевод В.В. Латышева

8. Декрет в честь полководца Диофанта.

Конец II в. до н. э. IOSPE I² № 352

...Сын Зета предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, синопеец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником блага для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя ведение войны со скифами, он прибыв в наш город, отважно совершил со всем сво-

им войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле, приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и таким образом сделал то, что царь Митридат Евпатор первым поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров и основав город на том месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору, за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденного уже от владычества варваров.

Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войсками Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против крепостей скифов, но, будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного порта, когда же Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих и, кроме того, привлек на свою сторону народ ревксиналов, постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме знамений предзнаменовала имеющие свершиться деяния и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, последовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена; ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие. Не теряя ни минуты в бездействии, Диофант, взяв войско, пойдя в начале весны на Хабеи и Неаполь со всей тяжестью (...) бежать, а остальных скифов совещаться о (...).

Отправившись в Боспорские местности, он устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада, а против Диофанта соста-

вили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и прибыв к ним и упросив граждан, а также имея ревностное содействие со стороны пославшего его царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватил в свои руки, выслал в царство Митридата и таким образом восстановил власть царя Митридата Евпатора. Кроме того, он, содействуя отправляемым народом посольствам, во всем полезном херсонесцам, является благосклонным и ревностным.

Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит Совет и Народ увенчать Диофанта, сына Асклепиодора, золотым венком в праздник Парфений во время процессии, причем симмнамоны сделают следующее провозглашение: «Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепиодора, синопейца, за его доблесть и благосклонность к себе»; поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонаса. Об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; начертать постановление на пьедестале статуи, а потребные для этого издержки выдать казначеям священных сумм.

Так постановили Совет и Народ месяца Дионисия, девятнадцатого дня при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнетов Минии, сыне Гераклея, при секретаре Дамасикле, сыне Афиней.

Перевод В.В. Латышева

9. Историческая новелла о Гикии. I до н. э. (Const. Porph. De adm. imp. 53)

Когда венценосцем и протевонем страны херсонитов был Ламах, а над боспорианами царствовал Асандр, боспориане, исполненные великой злобы против херсонитов и совершенно неспособные унять коварные помыслы, постоянно стремились как-ни-

будь отомстить херсонитам за пленения. Итак, узнав, что Ламах имеет единственную дочь Гикию, а у Асандра есть сыновья, они хлопотали о заключении брака, чтобы благодаря этому, нанеся удар с безопасностью для себя, отомстить стране херсонитов. Итак, они *отправляют*¹ послов в страну херсонитов с увещаниями: «Поскольку мы знаем, что истинная любовь имеется между нами и мы бесхитростно относимся друг к другу, давайте породнимся меж собой, дайте нам в невестки дочь Ламаха, прота вашего, за сына Асандра, нашего господина, или возьмите его к себе в зятя, и мы будем знать, что верны друг другу, поскольку сын царя находится с вами». Херсониты *ответствуют* им так: «Мы не согласны отдать вам нашу дочь, если же вы хотите дать нам в зятя одного из сыновей Асандра, вашего царя, мы это принимаем, впрочем, так, чтобы сын Асандра, прибывший к нам для того, чтобы стать зятем, никогда не имел возможности вернуться в страну боспориан ради свидания либо беседы со своим отцом. Если же он даже помыслит об этом, сразу, в тот же час сам умрет». Когда послы были отпущены, достигли страны боспориан и сообщили об этом, Асандр вновь отправил послов, говоря херсонитам: «Если вы говорите правду и заверяете меня в том, что Ламах согласен сочетать свою дочь с моим старшим сыном, то я пошлю его вам, чтобы он стал зятем».

Ламах же в те времена, как известно, славился большим богатством в злате и серебре, рабами и рабынями, разным скотом и многочисленными владениями. Дом же его на четыре квартала простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей (города), называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так чтобы из входивших в город его животных каждое стадо — коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов — входило через свои воротца и шло в свое стойло. Итак, херсониты упросили Ламаха, чтобы он взял в зятя сына Асандра. Когда Ламах согласился на их просьбу, прибыл в Херсон сын Асандра и

¹ Курсивом здесь и далее выделены глаголы настоящего времени в рассказе о прошлом, что характерно для устного повествования.

женился на Гикий. Когда миновал небольшой срок в два года, Ламах умер, а мать Гикий умерла еще раньше. Поэтому Гикий по прошествии года после погребения отца, когда приближалась годовщина, желая устроить праздник в память своего отца (венценосцем и протевомом Херсона тогда был Зиф, сын Зифона) попросила знатнейших людей города, чтобы они без гордости вместе со всем народом согласились принять от нее вино, хлеб, оливковое масло, мясо, птиц, рыбу и прочее, потребное для праздника, дабы в память Ламаха все горожане с женами и детьми и со всеми семьями радовались и веселились, водили хороводы каждый в своем районе и на площади и не брались вообще за какое-либо дело, заверив клятвенно горожан, что в течение всего времени своей жизни она каждый год в день памяти Ламаха будет давать им подобным образом все для праздника.

Когда все было устроено и подтверждено ею клятвенно, ее муж, сын Асандра, питающий втайне коварство и ищущий случая для предательства, узнав обо всем сказанном Гикийей и утвержденном клятвой, удивился и похвалил Гикийю за клятвенную заповедь и за должное отношение к родителям, согласясь и сам, как говорят, веселиться и совершать возлияния ради такого договора. Затем, когда прошел день памяти и праздник, он известил жителей Боспора через своего раба, сообщив им: «Я нашел способ, благодаря которому мы можем без труда овладеть Херсоном. Итак, вы с перерывами будете посылать мне по десять или двенадцать добрых парней, помимо гребцов на судне, как будто бы посылаете мне дары. Когда же ваши суда, прибыв, причалят в Символе и будут там стоять, я пошлю и доставлю на конях в город приехавших парней и посланное вами». Таким образом, в течение двух лет из прибывавших время от времени с дарами боспорян сын Асандра, чтобы не была ведома городу хитрость, переводил этих людей пешком из Символа, а через несколько дней, вечером, при всех, отпускал их наружу, как можно более в поздний час. Отойдя от места на три мили, когда спускался глубокий мрак, они возвращались и приходили к так называемому Лимону, а оттуда на корабле он доставлял их в Сосы, а через воротца, которые он имел в стене, вводил их в свой дом так, что никто не знал об этом,

кроме трех его рабов боспориан, единственно верных ему людей, одного — уходящего в Символ и извещающего, что суда ушли, другого — возвращающего боспориан и ведущего в Лимон, третьего — доставляющего их из Лимона в Сосы и возвращающего их в дом Ламаха. С их помощью он кормил их в кладовых дома, при том, что Гикия не ведала об этом коварстве, ожидая, как сказано, ежегодного дня памяти Ламаха, празднества всего города и отхода ко сну, чтобы восстать самому ночью и с боспорианами, и со своими рабами сжечь город и перебить всех.

Когда по истечении двух лет в доме Гикий собралось до двухсот боспориан и день памяти Ламаха был уже близок, случилось, что рабыня Гикий, горничная, бывшая у нее большой любимицей, была из-за провинности изгнана с глаз ее и заперта. В нижней части помещения, в котором рабыня была заперта, содержались боспориане. Когда рабыня сидела и прядла лен, вышло так, что катушка ее веретена свалилась и, покотившись, упала в глубокую дыру у стены. Встав, чтобы поднять ее, она увидела ее лежащей в глубокой дыре и, не будучи в состоянии вытащить ее из-за глубины, она была вынуждена оторвать от пола у стены одну плитку, чтобы достать катушку, и увидела через отверстие внизу, в нижнем помещении, толпу находившихся там мужей. Увидя, она ловко положила на место плитку, чтобы не было заметно людям внизу, и, тайно послав одну из рабынь, позвала госпожу свою, дабы она пришла к ней, так как она должна услышать и увидеть нечто важное. Гикия, смягченная Богом, пришла к рабыне, и когда она вошла в помещение и закрыла дверь, пав к ее ногам, рабыня сказала: «Госпожа, ты имеешь власть над негодной твоей рабой. Но я хочу показать моей госпоже нечто странное и неожиданное». Гикия сказала ей: «Говори, без страха и покажи, что это такое». Рабыня, подведя ее к стене и ловко подняв плитку, *говорит* ей: «Ты видишь через отверстие, госпожа, спрятавшуюся толпу боспориан?». Гикия, увидев и поразившись этим делом, сказала: «Не праздное это наблюдение». И *заявляет* рабыне: «Как ты расцениваешь это дело?». Рабыня же *отвечает*: «Воистину, по воле Божией, госпожа, упала катушка с моего веретена и, покотившись, свалилась в эту дыру, а я, будучи не в состоянии ее достать, была вынуждена ото-

рвать плитку и тогда увидела их». Та же повелела рабыне аккуратно положить плитку на ее место и, привлекая ее и обняв, поцеловала ее от души и сказала ей: «Ничего не бойся, дитяtko: да простится тебе проступок, ибо Бог восхотел, чтобы ты прегрешила, дабы коварство открылось нам. Смотри поэтому, изo всех сил сохраняй тайну и не осмеливайся никому на свете доверить ее». Впрочем, она держала ее постоянно при себе, больше, чем ранее, как свою доверенную.

Позвав двух из своих родственников, бывших особо верными ей, Гикия *говорит* им наедине: «Отправясь, соберите к себе тайно протевонов и благородных людей города, и пусть они изберут трех верных мужей, способных хранить тайну и делать дело и пусть обяжут их всех клятвенно, чтобы они пообещали мне (совершить) все, что я пожелаю просить их. Пусть они будут тайно присланы ко мне, и я имею нечто настоящее и полезное городу доверить им. Только поскорее делайте то, что я говорю вам». Когда ее родственники ушли и втайне рассказали об этом протевонам, тотчас те избрали трех мужей, которых знали как верных людей и, связав их всех клятвой, что если они согласятся что-нибудь либо делать для Гикии, либо давать, то не откажутся от своих слов, но до конца исполнят обещанное ими. Когда они тайно ушли к Гикии, она приняла их и *говорит* им: «Можете ли вы заверить меня клятвой, что сделаете то, о чем я захочу попросить вас?». Они же ответили ей: «Воистину, госпожа, мы готовы, о чем бы ты ни попросила нас, заверить тебя, что до конца исполним твой приказ». Тогда Гикия *говорит* им: «Поклянитесь мне, что если я умру, похороните меня посреди города, и я скажу вам мою тайну. Видите, тяжкого чего-либо я не требую от вас». Мужи, выслушав это, со всею готовностью заверили ее клятвенно, говоря: «Если ты умрешь, то мы похороним тебя посреди города и не вынесем тебя за стены». Гикия, убежденная их клятвами, *говорит* им: «В ответ на вашу клятву, открываю вам мою тайну. Так вот. Я желаю, чтобы вы знали, что мой муж, питающий природную злобу своего города, коварство и зависть против нас, введя втайне по частям толпу боспориан в мой дом, кормит до двухсот вооруженных людей без моего о том ведома. Но Бог ныне по случаю

открыл мне это. Итак, он, как кажется, имеет такую цель, когда я дам праздник городу в память моего отца и вы, отвеселившись, уснете, он ночью с имеющимися у него боспорианами и своими рабами, подожжет ваши дома и перебьет вас всех. Так вот — подходит день памяти моего отца, и должно в соответствии с моей клятвой дать вам по обычаю все для праздника, и у меня имеется все наготове. Извольте поэтому все прийти в веселии, попросить и получить все с готовностью, чтобы он еще не помыслил, что мы знаем о деле и чтобы внезапно не началась гражданская война. Извольте поэтому всенародно по обычаю веселиться, но умеренно, и водить хороводы на площадях, но заготовьте каждый в ваших домах дерево, вязанки и плотные факелы, так что когда надоедят вам ликования и танцы, вы прикинетесь, что уходите на отдых, и я тоже поскорее устану и повелю запереть все калитки, и вы точас в полном спокойствии с вашими рабами и рабынями, принеся всем домом дерево, вязанки и факелы, положите их к моим калиткам и воротцам и вокруг всего дома, вылив масло на дерево, чтобы скорее загорелось, и, когда я захочу и прикажу вам, тотчас бросьте огонь, а сами с оружием встаньте вокруг дома, чтобы где бы вы ни увидели выскакивающих из дома через двери, убивали их. Итак, уйдя, расскажите об этой тайне и подготовьте все, что я вам велела». Горожане, услышав об этом от трех мужей, все быстро сделали согласно словам Гикий.

Когда настал день поминовения, как будто веселясь, Гикий послала за мужами города, приглашая их брать все для праздника. Помогал и ее муж при этом и просил, чтобы им было дано побольше вина для веселья. Горожане, охотно получая все, радовались, как было им велено, и водили весь день хороводы. Когда же наступил вечер, горожане стали уставать и уходить в свои дома для отдыха, ибо пировали они всем домом. Гикий, приглашая всех своих людей в своем доме пить без оглядки, чтобы они поскорее опьянев, ложились спать, только горничным своим повелела оставаться трезвыми и себя саму оградила от вина. Ибо найдя порфирный кубок, она дала его своей горничной, знавшей о деле, и велела ей налить в него воды. А муж, видя порфирный кубок, не догадался, что она пьет воду. Когда же наступил вечер и горожане,

как уже было сказано, устали, Гикия *говорит* своему мужу: «Так как мы повеселились, пойдем отдыхать и мы». Муж ее, услышав, еще больше обрадовался и поспешил улечься, ибо не мог он сам сказать так же, чтобы не вызвать подозрения у жены о той хитрости, которую замыслил. Итак, Гикия *повелевает* запереть воротца и все калитки и принести ей ключи, как обычно. Когда это было сделано, она тайно *говорит* своей доверенной горничной, знавшей о заговоре: «Изволь с прочими горничными ловко забрать все мои украшения и золото и все нужное, что можете упрятать за пазухой, и приготовьтесь, чтобы, когда я скажу вам, вы последовали за мною». Они же, сделав все это по ее приказу, были наготове. Когда же ее муж будто бы лег, чтобы поскорее уснуть, а на деле чтобы поскорее встать для заговора против города, Гикия избегала ложиться, пока не заснут все ее домочадцы. Муж ее заснул от большого возлияния. Гикия, видя его спящим, ловко замкнула на ключ спальню и, заперев мужа, спустившись из дома со своими горничными, выйдя спокойно через калитки и закрыв их, побудила горожан поскорее разжечь огонь вокруг дома. Когда огонь был зажжен и дом загорелся, если кто-нибудь из находившихся внутри оказывался в состоянии выпрыгнуть или вырваться, его убивали горожане. Так как весь дом вместе с людьми в нем сгорел до основания, Бог спас херсонитов от козней боспорян. А Гикия, когда горожане хотели разрыть ее сгоревший дом и очистить место для строительства, не позволила этого, а, напротив, побудила весь город, каждого из горожан, носить и насыпать здесь всякие отбросы, чтобы весь дом ее был засыпан как служивший делу заговора против города. Поэтому до наших дней это место называется Сторожевая башня Ламаха.

Когда это так кончилось, херсонеситы, понимая, сколь неизмеримо благодеяние, совершенное с помощью Божией для них Гикией, и что она ничего решительно не пощадила из своего имущества, а важнее всего считала спасение города, воздвигли в награду за такое ее деяние две медные статуи, изображающие ее в юном возрасте, в каком она тогда находилась, и передающие своим видом величие ее благодеяния и любовь к горожанам, поскольку, будучи в юном возрасте, она оказалась столь разумной,

что спасла с помощью Бога свое отечество. Тогда как на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города. На пьедестале статуи они написали все совершенные ею с помощью Божией благодеяния для горожан. Если находится любитель прекрасного, он регулярно время от времени обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть на нем о событиях и вспомнить о совершенном ею подвиге и о провале козней боспориан.

Через некоторое время, когда венценосцем и протевомом страны херсонитов был Стратофил, сын Филомуса, Гикия, будучи весьма умна и желая испытать херсонитов и узнать, действительно ли они намерены исполнить клятвенное обещание и похоронить ее посреди города, сговорившись со своими рабынями, прикинулась сначала потерявшей ко всему интерес, а затем и умершей. Рабыни, обрядив ее, сообщили горожанам в таких словах: «Умерла госпожа наша, и в каком месте должно ее похоронить, укажите нам». Херсониты, услышав, что умерла Гикия, и, поразмыслив, отнюдь не стремились соблюсти существо клятвы, а именно — похоронить ее посреди города, но, подняв ее, вынесли для похорон за пределы города. Но когда ложе было опущено около могилы, Гикия, сев и оглядев всех горожан, сказала: «Таково-то ваше клятвенное обещание? Так-то вы все соблюдаете? Горе, однако, поверившему в верность херсонита!». А херсониты, видя исполненный ими над ним розыгрыш, крайне пристыженные совершенным предательством, всячески умоляли ее успокоиться, простить им грех и не стыдить их более. Впрочем, они заверили ее повторной клятвой, что они похоронят ее не вне, а внутри стен города, что, конечно, потом и исполнили. Ибо когда она была еще жива, в месте, которое ей понравилось, они поставили ее гробницу, воздвигли еще одну медную статую и, позолотив, водрузили ее у ее могилы в качестве дополнительного заверения.

Перевод Г.Г. Литаврина

Боспор

10. Проксения из Горгииппии. Конец IV в. до н. э. (Яйленко 2010, с. 72)

Селевк, сын Евмела, и Спарток предоставили Эпикрату Хайриппову, самому и всем потомкам его проксению, ателию, право приобретения земли и домов, что надлежит и чем располагают прочие проксены на всем Боспоре, на земле и на море, а также право ввоза и вывоза всякого достояния, и право вплывать и выплывать в военное время и в мирное беспрепятственно и без заключения договора.

Перевод В.П. Яйленко

11. Борьба за власть сыновей Перисада, описанная боспорским историком. Конец IV в. до н. э. Краткий пересказ в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (Diod. Sic. XX, 22–24)

По смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти. Старший из них Сатир получил власть от отца, царствовавшего 38 лет. Но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском. Перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта. Затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзники Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников скифов в количестве 20 с лишком тысяч пехоты и не менее 10000 всадников. На стороне Евмела был царь фатейский Арифарн с 20000 конницы и 22000 пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна,

стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть.

Те из воинов Арифарна и Евмела, которые уцелели в сражении, бежали в царский замок; он стоял у реки Фата, которая обтекала его и вследствие своей значительной глубины делала неприступным. Кроме того он был окружен высокими утесами и огромным лесом, так что имел всего два искусственных доступа, из коих один, ведущий к самому замку, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся деревянными палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились под водой. В виду того, что замок был так хорошо укреплен, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи. Затем он сделал попытку вторгнуться силою через проходы, при чем со стороны передовых укреплений и башен, но принужден был с потерей многих солдат отступить, но с луговой стороны ему удалось завладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и пройдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к замку. Когда эта работа быстро продвигалась вперед, царь Арифарн, опасаясь что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние вследствие густоты деревьев не могли ни предохранять себя от стрел, ни защищаться против стрелков.

Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к сте-

не, но, осыпаемые тучею стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся умом и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражен силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царем всего 9 месяцев после смерти отца своего Перисада. Начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу, затем быстро явился в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Евмел завел было через послов переговоры относительно части государства, но Притан не обратил на них внимания и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Евмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Меотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен.

После смерти братьев Евмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Удалось спастись от него одному только Парисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара. Так как граждане выражали негодование по поводу убийства царем своих родственников, то Евмел собрал народ на собрание, произнес речь в свою защиту и восстановил прежний образ правления; кроме того он согласился на восстановление непошлости, которой пользо-

вались жители Пантикапея при его предках, обещал освободить всех от податей и говорил еще о многом другом, желая расположить к себе народ. Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех граждан, он во все остальное время царствования правил своими подданными согласно с законами и возбуждал к себе немалое удивление своими достоинствами.

Перевод В.В. Латышева

Литература

- Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.
- Андреева С.Э.* Ольвийские стихотворные эпитафии // Боспорский феномен. СПб., 2002.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973 (АХБ)
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Антонова И.А., Яйленко В.П.* Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
- Биккерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Блаватская Т.В.* Игральные кости из Пантикапея // Listy filologicke. № 8. Eunomia III, 2. 1959.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // ВДИ. 1965. № 2
- Блаватская Т.В.* Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
- Блаватский В.Д.* Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964.
- Болтунова А.И.* Надгробная эпиграмма жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977.
- Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005. (ББ)
- Борухович В.Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985.

Буркерт В. Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2.

Варнеке Б.В. История античного театра. М., Л., 1940.

Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян. Прага, 1878.

Виноградов А.Ю. Херсонес–Херсон. Две истории одного города // ВДИ. 2013. № 1.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.

Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3.

Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4.

Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса // ВДИ. 1984. № 1.

Виноградов Ю.Г. Табличка дикаста из собрания Эрмитажа // Античная балканистика. М., 1987.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.

Виноградов Ю.Г. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1991. № 4.

Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о несении Диониса и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.

Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999.

Воїстვენський М.А. Орнітофауна Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. № 7.

Гаврилов А.К. Боспорский воин Аполлоний и его поэт // *Nygerbo-reus*. V. 11. Fasc. 2. 2005.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949.

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.

Глускина Л.М. Проблемы социально–экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.

- Горончаровский В.А.* Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.
- Граков Б.Н.* Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Грацианская Л.И.* Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора // Боспорский феномен, 2004.
- Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
- Денисова В.И.* Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. №1.
- Добровольская Е.В.* Археозоологические объекты Фанагории в контексте времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2013.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Доватур А.И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
- Доватур А.И.* Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Домбровский О.И.* Античный театр в Херсонесе //Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1.
- Домбровский О.И.* Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства //Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., Л. 1953.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Терракотовый рельеф с дионисийской сценой из Кеп // ВДИ. № 2. 2012.
- Журавльов О.П.* Кісткові решітки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія 1982. № 42.

Завойкин А.А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996, 1997. М., 1999.

Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.. СПб., 2001.

Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004.

Зубарь В.М. Основные этапы развития Херсонеса в середине I до н. э. — первой половине II в. н. э. // Херсонес Таврический в середине в. I до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004.

Иванчик А.И., Толстиков В.П. Новая эпиграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1, 2. М., 1997, 2001.

Кадеев В.И. Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первые века нашей эры // Вестник Харьковского ун-та. № 343. История. Вып. 23. 1989.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III в. н. э.). Харьков, 1996.

Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4.

Карышковский П.О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2.

Карышковский П.О. Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Письмо из Гемонассы // Боспорский феномен. СПб., 2011.

Клейман И.Б. Статуя актера в образе Паппосилена из района Ольвии // Памятники искусства из Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.

Климов О.Ю. Досуг в эллинистических полисах Малой Азии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010.

- Климов О.Ю.* Жизнь царского двора в эллинистических монархиях // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013.
- Климов О.Ю.* Царский пир в эпоху эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013.
- Кнабе Г.С.* О специфике межличностных отношений в античности // ВДИ. 1987. № 4.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. № 57. 1956.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1989.
- Козуб Ю.И., Белецкий А.А.* Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1.
- Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965. (КБН)
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. М., 1989.
- Котина А.В.* Терракотовые статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки // Боспорские исследования. № 28. Симферополь–Керчь, 2013.
- Крапивина В.Н.* Весовые гири из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н. э. Киев, 1971.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий С.Д.* Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Киев, 1999.
- Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Кутайсов В.А.* Керкинитида. Симферополь, 1992.

- Кутайсов В.А.* Античный полис Керкинитида. Симферополь, 2013.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Макаров И.А.* Две метрических эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3.
- Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- Марру А.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
- Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля. //Античная эпистолография. М., 1967.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.
- Надписи Ольвии. Л., 1968. (НО)
- Нахов И.М.* Киническая литература. М., 1981
- Нахов И.М.* Философия киников. М., 1982.
- Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.
- Неверов О.Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
- Панченко Д.В.* Эпитафия Гекатея // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. М. 1984.
- Ростовцев М.И.* Древние костяные шашки с юга России // ИАК 1904. № 4.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. (АДЖ)

- Ростовцев М.И.* Сирик — историк Херсонеса // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Апрель.
- Ростовцев М.И.* Амага и Тиргатао // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 32. Одесса, 1915.
- Ростовцев М.И.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК, 1916. № 60.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
- Рубан В.В.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. № 39.
- Русяева А.С.* Милет — Дидимы — Борисфен. Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А.С.* Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010.
- Русяева А.С., Супруненко А.Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев, 2003.
- Саверкина И.И.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // Труды Гос. Эрмитажа. № 7. 1962.
- Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин С.Ю.* Два граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987.
- Сапрыкин С.Ю.* Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА, 1987. № 1.
- Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В.* Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999.
- Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II вв. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.

- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3.
- Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н.* ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ. Энкомий из Пантикапея. Домициан или Коммод // ВДИ. 2012. № 1.
- Свенцицкая И.С.* Роль частных сообществ в общественной жизни греков эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4.
- Свенцицкая И.С.* Пирь как форма общения в классической и эллинистической Греции // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. М., 1999.
- Семенов-Зусер С.А.* Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940.
- Сергеенко М.Е.* Жизнь древнего Рима. М., 1964.
- Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинская М.В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.
- Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2.
- Скржинська М.В.* Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я // УІЖ. 2009. № 5.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных городах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Скудниова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Соколов Г.И.* Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999.
- Соколова О. Ю.* Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2. (НЭПХ)
- Соломоник Э.И., Антонова И.А.* Надгробия врачей из Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1.
- Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.
- Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3.
- Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
- Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А.* Гральні кості (II тис. до н. е. — XIVст. н. е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія, 2009. № 2.
- Стрельник М.О., Сорокіна С.А., Хомчик М.А.* Ігри давнього населення України //Наукові записки Нац. Університету «Киево-Могилян-ська академія». Теорія та історія культури. Т. 101. 2010.
- Струве В.В.* Древнейший историк СССР //Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. М., Л., 1968.
- Толстиков В.П.* Пантикапей — столица Боспора // Очерки по археологии и истории Боспора. М., 1999.
- Толстиков В.П.* Акрополь Пантикапея при ранних Спартокидах // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.
- Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Тохтасьев С.Р.* Боспорская легенда об Афродите Апатуре // ВДИ. 1983. № 2.
- Тохтасьев С.Р.* Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005.
- Тохтасьев С.Р.* Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // Археологический сборник. № 38. СПб., 2010.

- Тюменев А.И. Херсонесские этюды. Херсонесские и ольвийские проксении // ВДИ. № 2. 1950. № 4.
- Уссинг Ж. Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1899.
- Устинова Ю.Б. Частные и культовые сообщества у греков // Быт и история античности. М., 1988.
- Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК № 8. 1903.
- Феномен досуга в античном мире. СПб., 2013.
- Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 1.
- Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1981.
- Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004.
- Фролов Э.Д. Философские содружества в классической древности // Феномен досуга в античном мире. СПб., 2013.
- Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
- Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005.
- Химин М.Н. Игра Ахилла и Аякса // Античный мир и археология. Саратов, 2009.
- Ходза Е.Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1.
- Хомчик М.А. Хірургічні інструменти з Ольвії // Археологія. 1991. № 3.
- Худяк М.М. Терракоты. // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940.
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья // МИА. 1960. № 53.
- Шебалин Н.В. О надписи КБН. № 838 // ВДИ. 1976. № 4.

- Шелов-Коведяев. Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи // ИАК. № 54. 1914.
- Яйленко В.П.* Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. № 159.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В.П.* К публикации свода херсонесских граффити // Эпиграфика. Вып. 2. М., 1987.
- Яйленко В.П.* Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1988.
- Яйленко В.П.* Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
- Яйленко В.П.* Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Яйленко В.П.* Вотив Левкона из Лабриса // Древности Боспора. Вып. 7. М., 2004.
- Яйленко В.П.* Рескрипты боспорских царей // Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010.
- Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
- Barringer J.* The Hunt in Ancient Greece. Baltimore, 2001.
- Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
- Beck F.* Album of Greek Education. Sydney, 1975.

- Coulton J.J.* The Architectural Developmrent of the Greek Stoa. Oxford, 1976.
- Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow, 1996. (CVA)
- Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt, Bern, 1983.
- Evans J.A.* Daily Life in the Hellenistic Age from Alexander to Cleopatra. Westport London, 2008.
- Giuszek I.* The development of architecture in Niconion in IV century BC // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2012.
- Griechische Vers — Inschriften Hrsg. W. Peek. Bd. 1. Grab-Epigramme. Berlin, 1955.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca . Roma, 1969. T. 2.
- Jones A.H.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940
- Hommel H.* Digitorum computes // RE. Supplbd, 1974.
- Kopke G.* Reliefkeramik Klassischer Zeit // Arch. Anzeiger. 1969. № 4.
- Kurke L.* Ancient Greek board– games and how to play them // Classical philology. Vol. 94. 1999.
- Liddle G., Scott K.* A Greek–English Lexicon. Oxford, 1968.
- Makarov I.A.* From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2002. V. 8. 3–4.
- Moretti L.* Inscrizioni agonistiche Greche. Roma, 1953.
- Parke H. W.* Festivals of the Athenians. London, 1977.
- Ross W.* Aristotelis Fragmenta selecta. Oxonii, 1955.
- Sansone D.* Greek Athletics and the Genesis of Sport. Berkley, 1918..
- Sparkes B.A.* Kottabos: An Athenian After–dinner Game // Archeology. 1960. V.13.
- Trenkner S.* The Greek Novella in Classical Period. Cambridge, 1958.

Webster T.B. Greek Theatre Production. London, 1956.

Webster T.B. Everyday Life in Classical Athens. L., 1969.

Welles C B. Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

Zervoudaki E.A. Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. № 83. 1968.

Список сокращений

АГСП 1984 — Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

АДЖ — Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.

АМ — Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977.

АП — Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973.

АСХ — Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

АХБ — Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973.

ББ — Борисфен — Березань Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005.

ВДИ — Вестник древней истории

ИАК — Известия императорской Археологической комиссии.

КБН — Корпус боспорских надписей. М., Л. 1965.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МИС — Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.

ММ — Музы и маски. СПб., 2005

НО — Надписи Ольвии. Л., 1968.

НЭПХ — Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2.

РОА — Рождение Олимпийских игр. М., 2004.

СА — Советская археология.

ТС — Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г 1-11. М., 1970. Т. 1, 2.

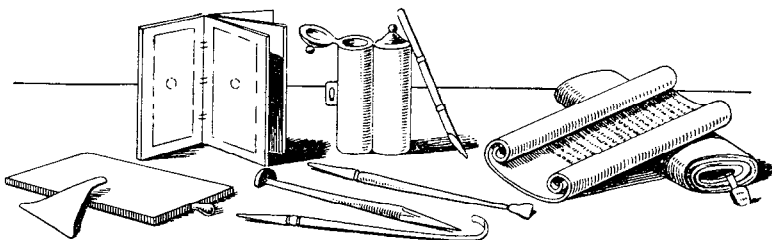
УІЖ — Український історичний журнал

CVA — Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996, 2003.

IOSPE — Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894 sq.

SIG — Sylloge inscriptionum Graecarum

1. Античные письменные принадлежности: таблички для письма, стили, треугольный скребок для разглаживания воска на табличках, чернильница с черными и красными чернилами, папирусный свиток.

*2. Девушка со стилем и табличками в руках.
Фреска I в. н. э. Помпеи.*

3. Граффити со школьными упражнениями из Тире, Ольвии и Феодосии. VI–III вв. до н. э. Прорисовка В.П. Яйленко.

6. Изображение цифр при счете на пальцах.

5. Письмо Родона Гераку. Конец V в. до н. э.

6. Фреска из боспорского склепа с изображением принадлежностей атлета. IV в. до н. э.

7. Алабастр из раскопок Ольвии. V в. до н. э.

8. Обучение литературе и музыке в школе. Краснофигурный килик из Вульчи мастера Дуриса. V в. до н. э.

9. Поэты Сафо и Алкей
с барбитонами в руках.
Краснофигурный кратер из
Агригента. V в. до н. э.

11. Демосфен со свитком
в руках и корзиной для книг у
ног. Реконструкция статуи
эллинистического времени.

10. Мраморная стела с текстом
декрета в честь историка Сируска.
III до н. э. Херсонес.

12. Мраморная статуя боспорянина со связкой свитков у ног. Пантикапей. I н. э.

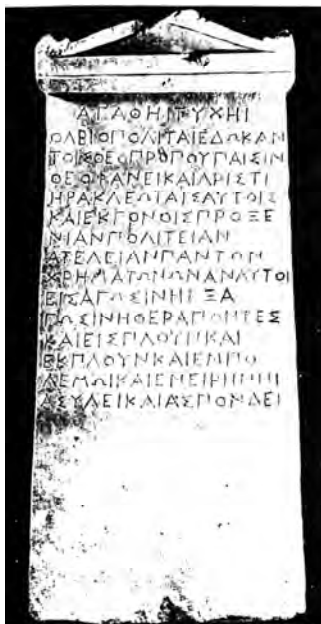
13. Надгробная статуя херсонесита со свитком в руке. I н. э.

14. Весовая эталонная гиря из Ольвии. IV в. до н. э.

15. Мраморный рельеф с изображением секретаря Афинодора среди членов коллегии ситонов. III до н. э. Ольвия.

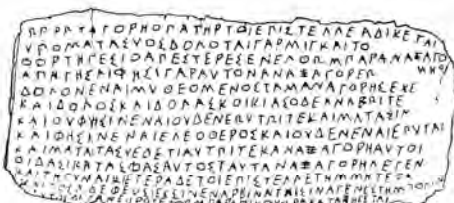
16. Мраморная стела с проксенией Феофану и Аристе, гражданам города Гераклеи. IV в. до н. э. Ольвия.

17. Оттиск халцедоновой печати с подписью мастера Дексамена. V в. до н. э. Пантикапей.

18. Оттиск яшмовой печати с изображением юноши, играющего с петухом. Конец V — начало IV вв. до н. э. Тамань.

19. Ольвийские письма на свинцовых пластинках. VI–V вв. до н. э. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

20. Текст гимна Ахиллу на фрагменте мраморной стелы, найденной на Березани. I–II вв. н. э.

21. Граффити с посвящением Аполлону Дельфинию на киликах второй половины VI в. до н. э. Ольвия.

22. Граффито с посвящением Афродите на килике IV в. до н. э. Ольвия.

23. Алабастр из финикийского стекла. IV в. до н. э. Пантикапей.

24. Бронзовые стригили с ручками, украшенными цветной эмалью. II в. н. э. Горгиппия.

25. Изображения венков, теней и алабастров на стене склепа. IV в. до н. э. Пантикапей.

26. Состязания в беге. Прорисовка картины на панафинейской амфоре.
IV в. до н. э. Пантикапей.

27. Кулачный бой. Чернофигурный кратер. Середина VI в. до н. э. Пантикапей.

28. Кулачный бой. Панафинейская амфора.
Конец V в. до н. э. Елизаветинский курган.

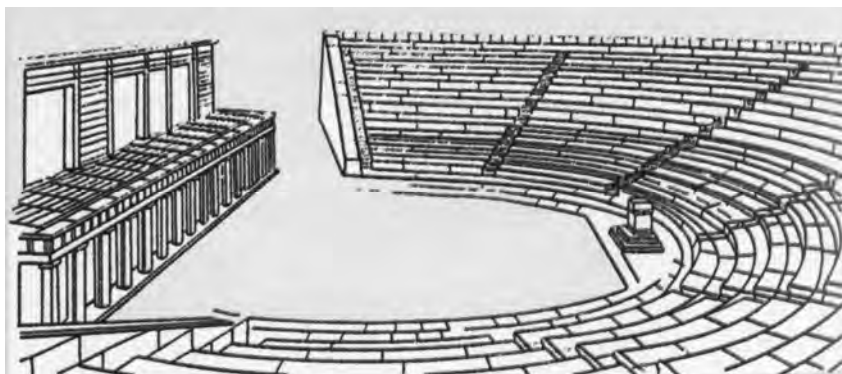
29. Стрела и лук скифского
типа. Монета Пантикапея.
IV в. до н. э.

30. Мчащийся всадник с
факелом. Чернофигурная
амфора. III в. до н. э. Ольвия.

31. Фрагмент декрета в честь Каллиника с упоминанием о награждении золотым венком в театре. III в. до н. э. Ольвия. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

32. Херсонесский театр. Реконструкция О.И. Домбровского.

33. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф. IV в. до н. э. Пантикапей.

34. Держащие маски актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Рисунок на краснофигурном кратере из Руво. IV в. до н. э.

*35. Трагическая маска
I в. н. э. Пантикапей.*

*36. Комическая маска раба.
IV в. до н. э. Ольвия.*

*37. Трагическая маска Геракла
II–I вв. до н. э. Пантикапей.*

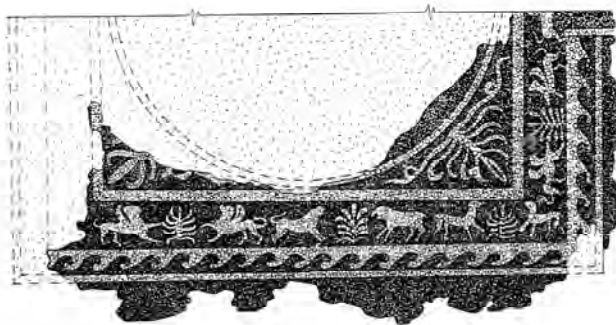
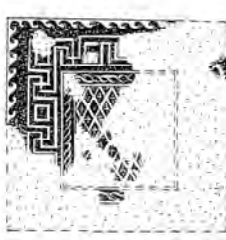
38. Сцена из комедии. Терракотовая статуэтка. III–II в. до н. э. Пантикапей.

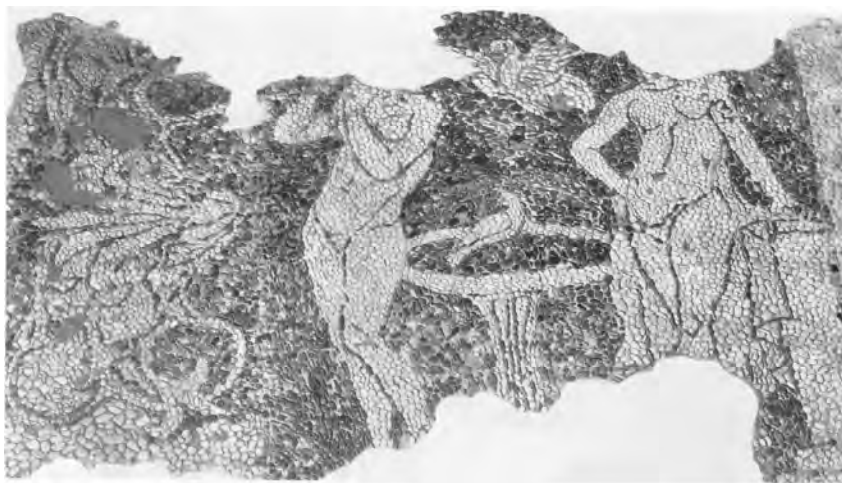
39. Актер в женской роли. Терракотовая статуэтка.

IV в. до н. э.

Курган Большая Близница.

40. Мозаики на полу ольвийских андронов. III в. до н. э.

41. Мозаика на полу херсонесского андрона. III в. до н. э.

42. Симпосион. Фрагмент чернофигурного кратера.
Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей.

43. Изображение загробной трапезы
на мраморном надгробии Филократа.
I–II вв. н. э. Пантикапей.

44. Хиосская амфора. V в. до н. э.
Ольвия.

45. Клеймо на ручке родосской амфоры.
III в. до н. э. Ольвия.

46. Краснофигурная гидрия с накладными рельефами, украшенная сценой спора Афины и Посейдона. IV в. до н. э. Пантикапей.

47. Столовая краснофигурная амфора с изображением Афины и Тесея. Середина V в. до н. э. Нимфей.

48. Краснофигурная пелика
с изображением Диониса
и его свиты. IV в. до н. э.
Пантикапей.

49. Чернофигурная ойнохоя
с изображением танцующих
вакханок. Начало V в. до н. э.
Ольвия.

50. Чернофигурный килик с изображением возвращения с симпозиона.
490–480 гг. до н. э. Ольвия.

51. Чернофигурный скифос с изображением совы.
Конец V в. до н. э. Пантикапей.

52. Чернотерракотовый канфар IV в. до н. э. Ольвия.

53. Чернофигурный киаф с изображением Диониса. 500–490 гг. до н. э. Ольвия.

55. Серебряные канфары. II в. до н. э. Артюховский курган.

54. Бронзовое ситечко для процеживания вина. V в. до н. э. Ольвия.

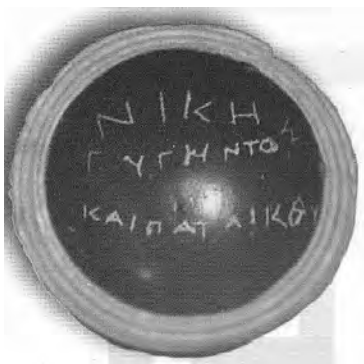
56. Симпозион. Краснофигурный кратер.
Первая половина V в. до н. э. Вульчи. Италия.

57. Симпозион. Краснофигурная чаша. 520–510 гг. до н. э. Борисфен.

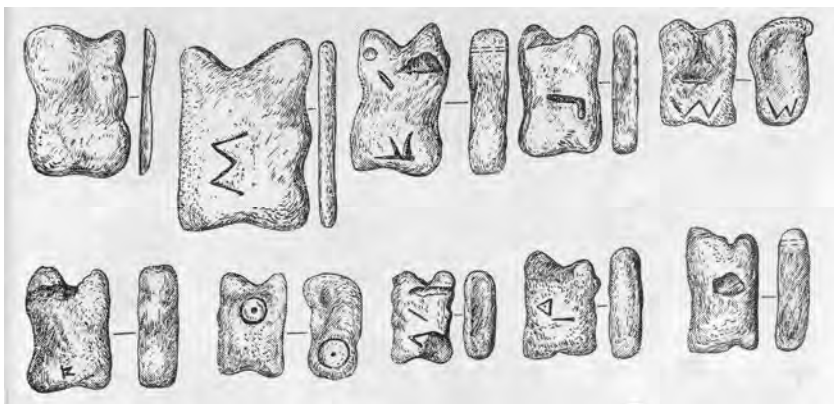
58. Бронзовый светильник.
Рубеж I–II вв. н. э. Пантикапей.

59. Чернолаковая солонка с граффито.
IV в. до н. э. Пантикапей.

60. Женщина, играющая на тригоне.
Терракотовая статуэтка
II в. до н. э. Пантикапей.

61. Астрагалы из Ольвии и Пантикапея. VI–V вв. до н. э.

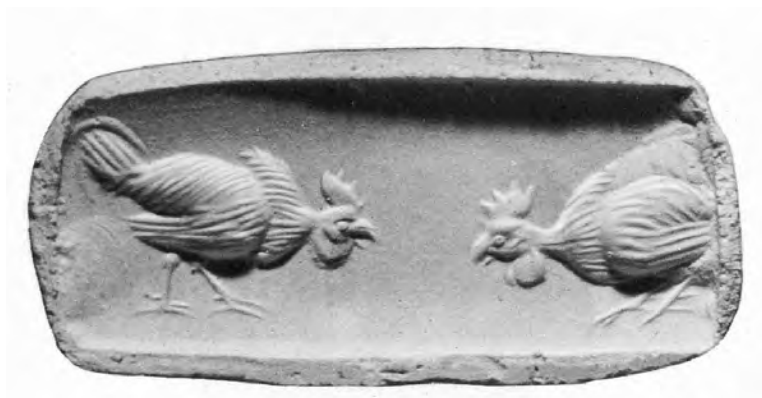
62. Женщины, играющие в кости.
Терракота эллинистического времени из Капуи.

63. Ахилл и Аякс, играющие в шашки.
Чернофигурная амфора из Вульчи. Третья четверть VI в. до н. э.

64. Костяные шашки римского времени. Пантикапей.

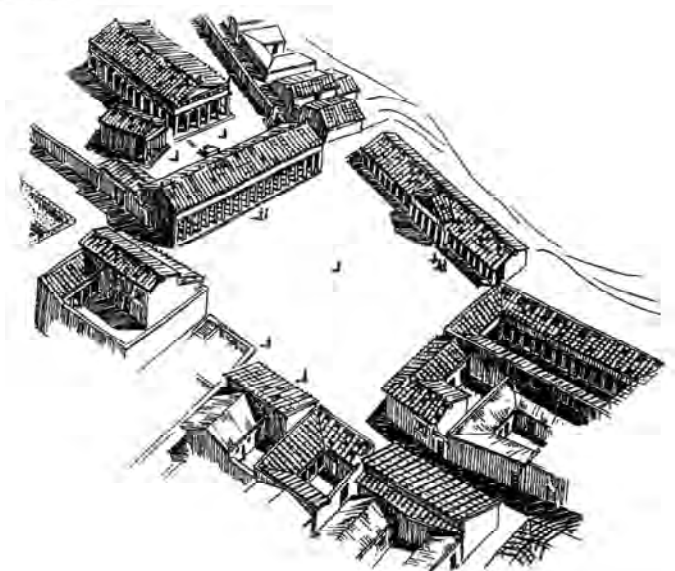
65. Петушинный бой. Оттиск сердоликовой инталии. IV в. до н. э. Горгиппия.

66. Сцена охоты. Большой лекиф мастера Ксенофанта.
380-е гг. до н. э. Пантикапей.

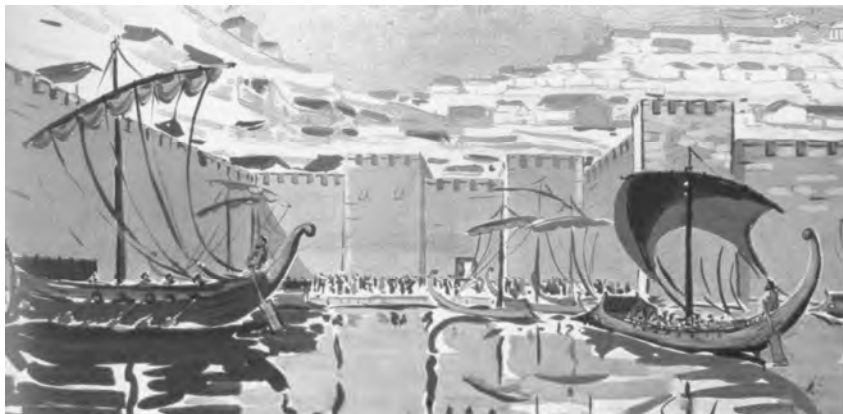
67. *Сцена охоты.*
Малый лекиф мастера
Ксенофанта. 380-е гг. до н. э.
Пантикапей.

68. *Стоя, суд, торговые ряды и гимнасий на ольвийской агоре*
эллинистического времени. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

69. Стоя эллинистического времени на агоре Ольвии.
Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

70. Ольвийский порт.
Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

71. Боспорянин Стратоник со своими книгами.
Известняковая стела. I в. н. э. Пантикапей.

Научное издание

Скржинская М.В.

**ОБРАЗОВАНИЕ И ДОСУГ
В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Підписано до друку 03.11.2014. Формат 60х84/16
Ум.друк.арк. 10,0. Обл.вид.арк. 10,0.
Наклад 300 прим. Зам. 35.2014 р.

Поліграф. д-ця Ін-ту історії України НАН України
Київ, вул. Грушевського, 4